

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

На правах рукописи

ДУБРОВСКИЙ Иван Родионович

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
ГЛОБАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА (1993-2025 гг.)

Специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель –
кандидат исторических наук, доцент
Понька Татьяна Ивановна

Москва, 2026

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ.....	32
1.1. Исторические аспекты военной политики КНР.....	32
1.2. Военная организация КНР как субъект военной политики Китая.....	53
1.3. Концептуальное обеспечение военной политики Китая	70
ГЛАВА II. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ ПОСЛЕ 1993 ГОДА	86
2.1. Курс Цзян Цзэминя в военной политике Китая	86
2.2. Военная политика КНР при Ху Цзиньтао: эпоха «новых исторических миссий»	102
2.3. Вызовы и угрозы национальной безопасности Китая.....	112
ГЛАВА III. РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА.....	126
3.1. Военная доктрина Китая эпохи Си Цзиньпина.....	126
3.2. Институциональный контур военной политики Китая.....	141
3.3. Новые акценты в вопросах военного строительства.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	168
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	175

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена нарастающей трансформацией глобального миропорядка, сопровождающейся перераспределением сил в системе международных отношений, усилением межгосударственной конкуренции и повышением роли военно-силового фактора как инструмента обеспечения национальных интересов. Современный этап развития международной системы характеризуется эрозией прежних механизмов стратегической стабильности, ростом конфликтного потенциала, расширением спектра военных угроз, а также ускоренной технологической перестройкой военной сферы. В данных условиях военная политика государств вновь приобретает системообразующее значение, выступая ключевым механизмом адаптации национальной безопасности к изменяющейся внешней среде. Особенно показателен в этом отношении опыт Китайской Народной Республики, чья военная политика развивается в логике приспособления к структурным ограничениям и возможностям трансформирующейся системы международных отношений.

Особая актуальность темы связана с возрастающим значением китайского фактора в мировой политике и сфере безопасности. Понимание логики и направленности военной политики КНР, ее институциональных и доктринальных трансформаций, а также способов адаптации военной организации к изменяющейся стратегической обстановке имеет значение для прогнозирования поведения Китая в кризисных ситуациях, оценки динамики региональных и глобальных военно-политических балансов и выработки внешнеполитических и оборонных решений в отношении КНР и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

Дополнительную актуальность исследованию придает тот факт, что КНР в рассматриваемый период осуществляет масштабную и качественно новую трансформацию военной организации, переходя от модели территориально-ориентированной обороны к созданию

высокотехнологичных, мобильных вооруженных сил, способных действовать в условиях информатизированного вооруженного противоборства. Реформы командно-организационной структуры НОАК, развитие систем управления, курс на интеграцию механизации, информатизации и интеллектуализации, а также ориентация на способность реагировать на угрозы различной природы отражают стратегическую адаптацию Китая к изменению характера войн и общей архитектуры глобальной безопасности. Анализ этих процессов важен не только для понимания эволюции китайской военной политики, но и для выявления общих закономерностей трансформации военной силы в условиях системных сдвигов мирового порядка.

Углубленное понимание направлений модернизации вооруженных сил КНР, доктринальных установок и механизмов адаптации военной организации Китая к меняющейся международной среде имеет принципиальное значение для оценки перспектив стратегического взаимодействия Москвы и Пекина, поддержания стабильности в Евразии и предотвращения потенциальных дисбалансов безопасности в приграничных регионах. В условиях нарастающего давления со стороны Коллективного Запада и усиления роли военной силы как инструмента внешней политики, анализ опыта КНР позволяет выявить релевантные модели адаптации военной политики к санкционным ограничениям, технологическим вызовам и трансформации характера современных войн, что придает исследованию актуальность в свете поиска общих узлов сопряжения с целью повышения эффективности и развития стратегического партнерства России и Китая.

Степень научной изученности темы. Исследуемой тематике в целом посвящено значительное количество научных работ. Всю выявленную научную литературу по рассматриваемой проблематике следует разделить на несколько групп.

Первая группа используемой литературы затрагивает теоретические вопросы обеспечения национальной и международной безопасности, роли

вооруженных сил в данном процессе, а также подходам к интерпретации мирсистемных трансформаций.

В данной группе следует выделить теоретиков, разрабатывающих концептуальный и методологический аппарат системного подхода, а именно Д. Истона¹, Д.А. Новикова², В.И. Новосельцева³, Ф.И. Перегудова⁴, И. Пригожина⁵, А.И. Уемов⁶, Т. Саати⁷ и др.. Особо примечательными выступают работы В.И. Гантмана и М.А. Хрусталева⁸, посвященные проблеме концептуализации и описания системы международных отношений.

К данной группе относятся работы, в которых концептуализируется военная сила как значимый инструмент проведения внешней политики государства. Среди них можно выделить работы ряда представителей разных парадигм понимания сущности международных отношений, среди которых значимый вклад в анализ сущности военного конфликта как критичной точки межгосударственной конкуренции внесли Р. Арон⁹, А.Д. Богатуров¹⁰, Р.

¹ Easton, D. Systems Analysis of Political Life. NY-London-Sydney: John Wiley & Sons Ltd. 1965. 507 p.

² Новиков Д.А. Теория управления организационными системами. М.: МПСИ. 2005. 584 с.

³ Новосельцев В.И. Системный анализ: современные концепции (издание второе, исправленное и дополненное). Воронеж: Издательство «Кварта». 2003. 360 с.

⁴ Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М.: Высшая школа. 1989. 360 с.

⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс. 1986. 432 с.

⁶ Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль. 1978. 272 с.

⁷ Саати Т. Метод анализа иерархий / перевод с английского Р. Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь. 1993. 278 с.

⁸ Гантман В.И., Волкова Е.Д., Барановский В.Г. и др. Система, структура и процесс развития современных международных отношений / отв. ред. В. И. Гантман. М.: Наука. 1984. 422 с.; Хрусталева М.А. Основы теории внешней политики государства. М.: УДН. 1984. 80 с.

⁹ Арон Р. Мир и война между народами / Под общей ред. канд. полит. наук Даниленко В.И. М.: NOTA BENE, 2000. 880 с.

¹⁰ Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2020. 480 с.

Гилпин¹¹, Ч. Доран¹², П. Кеннеди¹³, Р. Кохейн, Дж. Леви¹⁴, Дж. Миршаймер¹⁵, Г. Модельски¹⁶, Дж. Най¹⁷, Т. Пол¹⁸, К. Райт¹⁹, М. Уоллес²⁰, К. Уолтц²¹ и др..

Автор также обращался к работам М. Калдора²², А.А. Кокошина²³, В.Н. Конышева²⁴, М. Кревельда²⁵, Сяо Тяньлянь²⁶, Чжан Хуэй²⁷, Чу Юнчжэн²⁸, Шу Сяосун²⁹ и др. В трудах данных ученых для диссертанта были ценны попытки

¹¹ Gilpin, R. War and Change in World Politics, 1st ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1981. 371 p.

¹² Doran, Ch.F. Confronting the Principles of the Power Cycle: Changing Systems Structure, Expectations and War in Handbook of War Studies II by Manus I. Midlarsky, 1st ed. The University Press of Michigan. 2000. 348 p.

¹³ Kennedy, P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict 1500-2000, 1st ed. New York: Random House. 1989. 256 p.

¹⁴ Levy, J.S. War in the Modern Great Power System: 1495-1975, 1st ed. Kentucky: University Press of Kentucky. 1983. 341 p.

¹⁵ Mearsheimer, J.J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.: W. W. Norton & Company, 2014. 328 p.

¹⁶ Modelski, G. Long Cycles in World Politics, 1st ed. 1987 edition. Place of publication not identified: Palgrave Macmillan. 1987. 319 p.

¹⁷ Keohane, R., Nye, J.S. Power and Interdependence, 3rd ed. New York: Longman. 2001. 381 p.

¹⁸ Paul, T.V. Time Pressure and War Initiation: Some Linkages // Canadian Journal of Political Science / Revue Canadienne de Science Politique 28. 1995. № 2. P. 261–267.

¹⁹ Wright, Q.A. Study of War, 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press. 1965. 267 p.

²⁰ Wallace, M.D. War and Rank Among Nations, 1st ed. Lexington: Lexington Books. 1973. 302 p.

²¹ Waltz, K.N. Man, the State, and War: A Theoretical Analysis. New York: Columbia University Press. 1959. 459 p.

²² Kaldor, M. New and old wars: organized violence in a global era. Cambridge: Polity Press. 2012. 268 p.

²³ Кокошин А.А. Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918-1991 гг. М.: Международные отношения, 1995. 321 с.; Кокошкин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В., Фисенко И.С. Современные войны и военное искусство: Некоторые социологические и политологические аспекты. М.: ЛЕНАНД, 2015. 160 с.

²⁴ Конышев В.Н. Изучая природу войны: взгляд из России и Европы // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 182-188; Конышев В.Н., Парфенов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56-66.

²⁵ Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс. 2005. 344 с.

²⁶ 肖天亮: 战略学 [Сяо Тяньлянь. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社. 2015. 487 с.

²⁷ 张晖: 信息时代军事训练论 [Чжан Хуэй. Теория военной подготовки в информационную эпоху]. 北京: 军事科学出版社. 2016. 387 p.

²⁸ 储永正: 军事外交学 [Чу Юнчжэн. Военная дипломатия]. 北京: 军事科学出版社. 2015. 349 p.

²⁹ 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社. 2013. 465 с.

интерпретации логики военного противостояния, соотношения политики и военной стратегии, стратегии и оперативного искусства, влияния технологического развития на военную сферу.

Вторая группа литературы связана с изучением сущности и содержания внешнеполитической сферы обеспечения военной безопасности Китая, что позволило проанализировать внешние факторы, влияющие на реализацию военной политики.

Часть работ посвящена историко-теоретическим основам и эволюции китайской внешней политики и стратегического мышления. Фундаментальные работы А.Д. Богатурова³⁰ и Г.В. Зиновьева³¹ по истории внешней политики КНР в 1949–1976 гг. закладывают базу для понимания генезиса подходов к безопасности. А.В. Лукин в труде «Возвышающийся Китай и будущее России»³² анализирует трансформацию роли Китая в мире на рубеже XX–XXI вв. Концептуальные и идеологические рамки раскрываются в работах Е.Н. Грачикова³³, исследующего модели мироустройства и стратегию партнерств КНР, а также А.В. Ломанова, который фокусируется на внешнеполитической идеологии и стратегии в контексте съездов КПК³⁴.

³⁰ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995); Институт США и Канады РАН. Москва: Конверт-МОНФ, 1997. 351 с.

³¹ Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949–1991). Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 2010. 328 с.

³² Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения. 2015. 792 с.

³³ Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 7–24; Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993–2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №3. С. 83–93. Грачиков Е., Сяоюй Чжоу Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №8. С. 70–83.

³⁴ Ломанов А.В. Внешнеполитическая идеология Китая в преддверии XX съезда КПК // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. №. 27. С. 25–41; Ломанов А.В. Внешнеполитическая стратегия Си Цзиньпина после XX съезда КПК // Россия и АТР. 2024. № 3. С. 11–34.

Важное значение имеют исследования китайских внешнеполитических концепций, таких как «韬光养晦» (скрывай способности и жди своего часа), анализируемых в статье Гун Ли³⁵.

Некоторые авторы концентрируются на анализе современных внешнеполитических инструментов и практик Китая в контексте безопасности. Здесь рассматривается не только прямая военная составляющая, но и дипломатия, экономическое влияние и формирование институтов. В.Я. Портяков во «Внешней политике КНР в XXI столетии»³⁶ дает системный обзор ее эволюции. А.В. Виноградов в концепции «однополярной Азии» и А.Д. Воскресенский в анализе макрорегиональных трансформаций рассматривают региональный аспект построения Китаем безопасной и выгодной для себя архитектуры³⁷. Работы С.Г. Лузянина, Я.В. Лексютиной и А.Ч. Мокрецкого³⁸ показывают, как Китай позиционирует себя как «ответственную великую державу» и адаптирует свою политику к вызовам, таким как пандемия.

Важным направлением выступает исследование места Китая в глобальном переустройстве и его взаимодействием с другими центрами силы. Исследования М.Л. Титаренко и В.Е. Петровского подчеркивают растущую координацию Китая и России как опор многополярного мира, а В.Л. Ларин анализирует китайскую повестку для мировой политики XXI в.³⁹.

³⁵ 宫力. 邓小平与韬光养晦、有所作为的战略方针 [Гун Ли. Дэн Сяопин и стратегическая политика сдержанности и изменения ситуации] // 中共中央党校学报, 第18卷第4期 2014年8月 22 日.

³⁶ Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН. 2015. 280 с.

³⁷ Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 23-32; Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 5-20.

³⁸ Лузянин С.Г. «Возвышение» Китая как фактор мировой политики // Baikal Research Journal. 2014. №. 5. С. 2-17; Лексютина Я. Китай как ответственная великая держава: ожидания Запада и политика Пекина // Международные процессы. 2025. Т. 16. №. 2. С. 60-72; Мокрецкий А.Ч. Китайская внешняя политика и дипломатия в период пандемии // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022. С. 23-31.

³⁹ Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия и Китай как опоры нового мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. №. 20. С.

Критический взгляд Д. Шамбо в работе «China Goes Global»⁴⁰ позволяет оценить дискуссию о пределах китайского влияния («частичная держава»). Эти работы помогают понять, как внешнеполитическая деятельность по обеспечению военной безопасности вписана в более широкую цель – формирование благоприятного международного порядка.

Третья группа затрагивает вопросы модернизации вооруженных сил КНР. Изменения в политике КНР активизировали дискуссии среди исследователей китайской военной политики и военной мощи. В ряде работ западных авторов начала 2000-х гг. проводилась мысль о беспочвенности страхов перед растущей мощью КНР. Особенно показательным в этом плане выглядит коллективная монография под редакцией К. Мадьяра⁴¹. Однако позже утвердился консенсус о том, что рост и модернизация ВС Китая выступают фактором изменения региональной среды, открытым вызовом для сложившейся архитектуры международной системы и позиций США в ней. В связи с насущностью и значимостью данной проблемы, ряд изысканий таких западных ученых, как Дж. Скутто, Т. Хит, В. Томпсона носит алармистский характер, что выражается в интерпретации процессов развития военного потенциала Народно-освободительной армии Китая (НОАК) как доказательства существования «китайской угрозы»⁴². При этом данные работы ценны тем, что предоставляют взгляд консервативно настроенной части академического сообщества.

Сравнительно небольшое количество ученых предметно изучают военную политику и тактику применения вооруженных сил КНР. Среди

7-28; Ларин В.Л. Китайская повестка мировой политики XXI века //Российское китаеведение. 2023. №. 2. С. 2-14.

⁴⁰ Shambough D. China Goes Global. The Partial Power. New York University Press. 2013. 409 p.

⁴¹United States Post-Cold War Defence Interests A Review of the First Decade / ed. by Karl P. Magyar. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2004. 281 p.

⁴² Sciutto, J. The Shadow War - Inside Russia's and China's Secret Operations to Defeat America. San Francisco: Harper. 2019. 320 pp.; Heath T.R., Thompson W.R. Avoiding US-China competition is futile: Why the best option is to manage strategic rivalry // Asia Policy. 2018. Vol. 13. №. 2. P. 91-119.

таковых стоит выделить Д. Бласко⁴³, П.Б. Каменова⁴⁴, В.Б. Кашина⁴⁵, Э.Х. Кордесмана⁴⁶, Р.А. Полончука⁴⁷, М.Т. Фравела⁴⁸, А.В. Шлындова⁴⁹, Шу Сяосуна⁵⁰.

Особого внимание заслуживает монография «Военная политика Китайской Народной Республики» старшего научного сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая ИКСА РАН, доктора военных наук, профессора Д.В. Гордиенко⁵¹. Обращение к данной работе позволило диссертанту выявить новые акценты в политике модернизации НОАК.

В работах ученых К. Ганнесс⁵², Дж. Макрейнольдса⁵³, Ф. Сондерса, Чэнь Хао и др.⁵⁴ рассматривается долгосрочная военная стратегия Китая, развитие целеполагания военно-политического руководства КНР, процесс учета, анализа и имплементации в доктринальные документы Народно-освободительной армии Китая (НОАК) опыта иностранных армий, а также эволюции интерпретации условий международной среды и стратегического окружения.

⁴³ Blasko, D.J. The PLA army after 'below the neck' reforms: contributing to China's joint warfighting, deterrence and MOOTW Posture // *Journal of Strategic Studies*. 2019. P. 1–35.

⁴⁴ Каменнов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН. 2019. 248 с.

⁴⁵ Kashin, V. Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization in China's Infinite Transition and its Limits Economic, Military and Political Dimensions / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Palgrave Macmillan. 2020. P. 41–62.

⁴⁶ Cordesman A.H., Colley S. Chinese strategy and military modernization in 2015: a comparative analysis. Bloomsbury Publishing PLC, 2016. 302 p.

⁴⁷ Полончук Р.А. Политика в сфере обороны и развитие военно-промышленного комплекса КНР в 2024 году // *Российское китаеведение*. 2025. №2 (11). С. 13–35.

⁴⁸ Fravel M.T. Active defense: China's military strategy since 1949. Princeton University Press. 2019. 398 p.

⁴⁹ Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки: монография / Ред.-сост. Н.В. Анисимцев. М.: ИДВ РАН, 2019. 184 с.

⁵⁰ 寿晓松:战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京:军事科学出版社 [Издательство военных наук], 2013, 319 с.

⁵¹ Гордиенко Д.В. Военная политика Китайской Народной Республики. М.: Издательский дом «Научная библиотека». 2025. 644 с.

⁵² Gunness K., Saunders P.C. Averting escalation and avoiding war: Lessons from the 1995–1996 Taiwan Strait crisis // *National Defense University*. 2022. 132 p.

⁵³ McReynolds J. China's Evolving Military Strategy // *Brookings Institution Press*. 2017. 345 p.

⁵⁴ 陈浩: 中国军事战略思维的守正与创新 [Чэнь Хао. Целостность и инновационность военно-стратегического мышления Китая] // *南方论刊*. 2023. № 09. С. 42-47.

Военная организация КНР как субъект военной политики стала предметом глубокого исследования в российском научном сообществе. Так в трудах Б.Н. Горбачева⁵⁵ она рассматривается как сложный политико-исторический и правовой институт, позволяя диссертанту проследить генезис и историческую традицию ее политической роли. Работа Н.М. Бевеликовой и П.В. Трощинского⁵⁶ дополняет эту картину, демонстрируя, как историческая роль и политическое руководство партии закрепляются и легитимируются через национальное законодательство.

Ключевое значение для изучения военной политики Китая имеют работы В.Б. Кашина, Р.А. Полончука⁵⁷, а также диссертация Л.Г. Абдрахимова⁵⁸, поскольку они раскрывают не просто технические аспекты, а глубинные идеологические и институциональные основы подхода КНР к национальной безопасности: статьи В.Б. Кашина и Р.А. Полончука предоставляют актуальный анализ текущей оборонной доктрины КНР, концепций «сильной армии» в контексте партийных установок. Диссертационное исследование Л.Г. Абдрахимова предлагает сравнительный институциональный анализ, позволяющий понять уникальную архитектуру китайской системы безопасности.

⁵⁵ Горбачев Б.Н. Роль Вооруженных Сил в общественно-политической жизни Китайской Народной Республики (1949-1979): автореферат дис.... доктора исторических наук : 07.00.03. Москва: Институт военной истории Министерства обороны РФ. 1993. 40 с.; Горбачев Б.Н. Эволюция роли министра обороны в системе высшего военного управления КНР и отставка генерала Ли Шанфу // Российское китаеведение. 2024. №2 (7). С. 19-41.

⁵⁶ Бевеликова Н.М., Трощинский П.В. Развитие правового статуса Вооруженных сил Китая // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 15-30.

⁵⁷ Кашин В.Б. Политика КНР в сфере обороны // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022: монография. М.: ИКСА РАН. 2023. С. 88-93; Полончук Р.А. Взгляды китайского руководства на роль вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности «в новую эпоху» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Т. 30. №. 30. С. 208-225; Полончук Р.А. Политика в сфере обороны и развитие военно-промышленного комплекса КНР в 2024 году // Российское китаеведение. 2025. №2(11). С. 13–35.

⁵⁸ Абдрахимов Л.Г. Системы обеспечения национальной безопасности России и Китая: субъекты, сферы, механизмы : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 5.5.4. Москва: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. 2025. 232 с.

Касательно развития способности Народно-освободительной армии Китая (НОАК) проецировать свою мощь, стоит выделить Д. Финкельштейна, первым поднявшим проблему зарождающейся экспедиционной силы НОАК⁵⁹. Данная проблема развивается в работах Дж. Вутноу⁶⁰, К. Ганнес⁶¹, К. Гарафола⁶², П. Даттона⁶³, К. Кеннеди⁶⁴, П. Сондерса, Чжан Синь⁶⁵, Ли Цинси⁶⁶, М.С. Чейз, Чэнь Чунью, К. Юнга⁶⁷, и др.

Китайское научное сообщество находится в процессе аналитического обеспечения и научного осмысления зарубежных инициатив собственного правительства. При этом заметным трендом в китайских дискуссиях, а также источником вдохновения и предостережений одновременно, выступает анализ опыта США после окончания холодной войны с их моделью глобального позиционирования⁶⁸.

⁵⁹Finkelstein, D.M. China's National Military Strategy: An Overview of the Military Strategic Guidelines in Right Sizing the People's Liberation Army: Exploring the Contours of China's Military, eds. Andrew Scobell and Roy Kamphausen. Carlisle, PA: Army War College Strategic Studies Institute, 2007. P. 69–140.

⁶⁰ Saunders, P. C., Wuthnow, J. China's Goldwater-Nichols? Assessing PLA Organizational Reforms // National Defense University. April 2016. URL: <http://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-294.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).

⁶¹ Gunness, K., Mastro, O.S. A Global People's Liberation Army: Possibilities, Challenges, and Opportunities // Asia Policy. 2016. № 22. P. 1-31.

⁶² Chase M.S., Garafola C.L. China's Search for a 'Strategic Air Force' // Journal of Strategic Studies. 2016. Vol. 39. № 1. C. 4-28.

⁶³ Dutton, P.A., Martinson, R.D. Beyond the Wall: Chinese Far Seas Operation // CMSI Red Books, Study. 2015. No. 13. 120 pp.

⁶⁴ Kennedy, C. The New Chinese Marine Corps: A "Strategic Dagger" in a Cross-Strait Invasion // CMSI China Maritime Reports. № 15. 2021. 24 p.

⁶⁵ 張昕, 苑德春, 張超. 依托战略投送支援机队实施海外航空战略投送 [Чжан Синь, Юань Дэчунь, Чжан Чао. Роль воздушно-транспортной авиации для зарубежных операций «стратегической доставки»] // Journal of Military Transportation University 20, 2018. No. 4. C. 5-17.

⁶⁶ 李庆四, 陈春雨. 试析中国的海外港链基地战略 [Ли Цинси, Чэнь Чунью. Анализ Стратегии Китая, основанной на зарубежных портовых цепочках] // 区域与全球发展 [Региональное и мировое развитие]. 2019. № 2. C. 123–137.

⁶⁷ Yung, C.D., Rustici, R. Not an Idea We Have to Shun: Chinese Overseas Basing Requirements in the 21st Century. China Strategic Perspectives, No. 7. Washington: NDU Press. 2014. 61 pp.

⁶⁸ 长弓 et. al. 出海蛟龙21世纪解放军海外基地化部署需求 [Чан Гун и др. Потребности в развертывании заграничных баз НОАК в XXI веке] // NAAS & Inertial Technology. 2016. № 5. C. 25–45; 于殿祥. 投送基地體系建設研究 [Юй Дяньсян. Изучение построения системы базы доставки] // Journal of Military Transportation University. 2016. Т. 18, No. 11. C. 1–12; 张炜钟, 彭富兵. 戰略投送基地保障能力仿真評估 [Чжан Вэйчжун, Пэн Фубин. Оценка

Детальному изучению аспектов реализации долгосрочной задачи, поставленной перед НОАК, а именно достижение к 2049 г. статуса армии «мирового класса», посвящены работы П. Гудвина⁶⁹, И. Кардон⁷⁰, Дж. Костелло⁷¹, Лю Чжаочжуна⁷², Лю Вей⁷³, К. Макколи⁷⁴, Дж. Макрейнольдса, и др. Обращение к данным трудам позволило автору выявить характер улучшения командно-административной системы, этапы подготовки НОАК к проведению интегрированных операций и подходов к решению проблем отсутствия опорных пунктов НОАК за рубежом.

Перспективные направления военного строительства Китая также становятся объектом исследования в отечественной, китайской и зарубежной историографии. Количество их пока не столь велико, но обращение к трудам

эффективности баз стратегической доставки] // Journal of Military Transportation University. 2017. Т. 19, No. 12. С. 2–21; 张静, 张智慧, 周江寿. 中美港口建设贯彻国防要求对标分析 [Чжан Цзин, Чжан Чжижи, Чжоу Цзяншоу. Сравнительный анализ китайской и американской стратегии строительства портов с точки зрения эффективности удовлетворения потребностям национальной обороны] // Journal of Military Transportation University. 2019. Vol. 21, No. 4, P. 24 -41.

⁶⁹ Godwin, P. H. B., Chinese Military Strategy Revisited: Local and Limited War // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1992. No. 519. P. 191–201.

⁷⁰ Kardon, I.B. China's Overseas Base, Places, and Far Seas Logistics in The PLA beyond borders: Chinese Military Operations in Regional and Global Context / ed. by Joel Wuthnow et al. Washington: NDU Press. 2021. P. 61-82.

⁷¹ Costello, J., McReynolds, J. China's Strategic Support Force: A Force for a New Era // China Strategic Perspectives, No. 13. Washington: National Defense University Press. 2018. 87 p.

⁷² 刘兆忠. 联合作战综合保障研究 [Лю Чжаочжун. Исследование по комплексной безопасности для совместных операций]. 解放军出版社. 2011. 281 p.

⁷³ 刘威. 新形势下军民融合是人民战争思想的创新发展 [Лю Вей. В новой обстановке военно-гражданская интеграция является инновационным развитием идеи народной войны] // 社会科学 [Общественные науки]. 2016. № 12. С. 12-32.

⁷⁴ McCauley K. Modernization of PLA Logistics: Joint Logistic Support Force. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. 15.02.2018. 21 p.

Пэн Бинцзе⁷⁵, Е.А. Разумова⁷⁶, Ли Цзяньпин⁷⁷, Дж. Стокс⁷⁸, Чжан Цяньи⁷⁹, Чжоу Шэнли⁸⁰, Чжу Чуанчао⁸¹ и др. позволило автору создать комплексную, многослойную картину военной трансформации Китая, охватывающую доктринальные основы, институциональное оформление и стратегический контекст.

Таким образом, количество научных трудов на русском, английском и китайском языках по теме военной политики КНР достаточно обширно, тем не менее, проблема изучения модернизации вооруженных сил КНР в условиях трансформации глобального порядка и применительно к лидерским амбициям Китая не была предметом комплексного исследования, чем и объясняется ее актуальность и потребность в дальнейшем изучении.

Объектом исследования является военная политика Китая.

Предметом исследования являются изменения военной политики Китая под воздействием ограничений системы международных отношений.

⁷⁵ 彭冰洁: 网络空间部队方队: 智掌风云 密织天网 [Пэн Бинцзе. Строй киберпространства: Укрощая виртуальную бурю, сплетая несокрушимую сеть] // 解放军报. 04.09.2025. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16407559.html> (дата обращения: 19.08.2025).

⁷⁶ Разумов Е.А. Кибервойска НОАК как составная часть национальной безопасности Китая // Россия и АТР. 2024. №. 4. С. 47-59.

⁷⁷ 李建平, 纪凤珠, 李琳: 浅析智能化指挥信息系统发展 [Ли Цзяньпин, Цзи Фэнчжу, Ли Линь. Краткий анализ разработки интеллектуальной командно-информационной системы] // 解放军报. 09.08.2022. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/4917735.html> (дата обращения: 03.10.2025).

⁷⁸ Stokes, J. Military Artificial Intelligence, the People's Liberation Army, and U.S.-China Strategic Competition // CNAS. 2024. URL: <https://www.cnas.org/publications/congressional-testimony/military-artificial-intelligence-the-peoples-liberation-army-and-u-s-china-strategic-competition> (accessed: 25.08.2025).

⁷⁹ 张谦一: 探索全域作战能力生成路径 [Чжан Цяньи. Анализ путей создания глобального боевого потенциала] // 解放军报. 25.09.2018. URL: http://www.81.cn/jfjbmap/content/2018-09/25/content_216591.htm (дата обращения: 19.08.2025).

⁸⁰ 周胜利, 沈寿林, 张国宁: 人机智能 融合的陆军智能化作战指挥模型体系 [Чжоу Шэнли, Шэнь Шоулинь, Чжан Гуонин: Модель интеллектуального боевого командования армии с интеграцией человеческих и интеллектуальных возможностей] // 火力与指挥控制. 2020. Vol. 45. № 3. С. 8-19.

⁸¹ 朱传超, 卢东方: 军事航天部队方队: 追星揽箭 逐梦太空 [Чжу Чуанчао, Лу Дунфан: Команда Военно-космических сил: В погоне за звездами и стрелами, в погоне за мечтами в космосе] // 解放军报. 04.09.2025. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16407558.html> (дата обращения: 19.08.2025).

Цель исследования заключается в выявлении характера и особенностей военной политики Китая в условиях трансформации глобального порядка.

Для достижения этой цели необходимо решить ряд следующих **задач**:

- проанализировать эволюцию военной доктрины и направлений военного строительства на каждом из ключевых исторических этапов;
- охарактеризовать элементы военной организации Китая и отношения между ними;
- рассмотреть ключевые военно-стратегические концепции, оказывающие влияние на характер военной политики Китая;
- проанализировать развитие военной политики Китая на рубеже XX–XXI вв.;
- систематизировать современные вызовы и угрозы национальной безопасности Китая, определяющие текущую военную политику;
- раскрыть содержание и направленность адаптации военной организации Китая к условиям изменившейся стратегической обстановки;
- определить новые акценты в военном строительстве КНР в XXI веке.

Хронологические рамки исследования. Данная работа охватывает период с 1993 по 2025 гг. *Нижняя граница* исследования обусловлена выпуском обновленных «Стратегических руководящих принципов» в 1993 г., где председателем Центрального военного совета КНР Цзян Цзэмином перед НОАК была поставлена задача развивать возможности «сражаться и побеждать в локальных войнах в современных, высокотехнологичных условиях». Данная оперативная концепция положила начало военной модернизации НОАК, которая прошла важную веху в 2020 г., завершив механизацию. *Верхняя граница* обусловлена 2025 г. в связи с публикацией Китаем Белой книги «Национальная безопасность Китая в новую эпоху», в которой была отмечена высокая важность военной политики как области государственного управления.

Источниковая база исследования. Исследуемая проблема предполагает обработку обширного комплекса источников на русском, английском и китайском языках. Корпус источников включает в себя нормативно-правовые, делопроизводственные, публицистические и статистические документы.

К первой группе источников следует отнести *нормативно-правовые документы*. В первую очередь, стоит выделить документы международного права, а именно: Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г.⁸², «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» 2001 г.⁸³. Данные документы устанавливают правовые рамки для деятельности КНР или отражают результат ее нормотворческой деятельности.

К данной группе относятся также Конституция КНР, которая обозначает ключевые органы, ответственные за разработку и реализацию военной политики КНР⁸⁴, национальные законы и подзаконные акты КНР, которые предоставляют ценные сведения об архитектуре взаимодействия между НОАК и гражданским сектором, а также НОАК и военизированными внутренними службами или силами специального назначения⁸⁵. Важное значение также

⁸² Конвенция ООН по морскому праву. 1982. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml 1900370 (дата обращения: 12.06.2025).

⁸³ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом / Сайт Президента РФ. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 31.05.2025).

⁸⁴ 中华人民共和国宪法（1982年12月4日）[Конституция Китайской Народной Республики (4 декабря 1982 года)] // 中国人大. 1982. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/qt/gjxfz/2014-12/03/content_1888093.htm (дата обращения: 19.08.2025).

⁸⁵ 1997年中华人民共和国国防法 [Закон о национальной обороне Китайской Народной Республики от 1997 года] // 国防部网. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgrwx/flfg/4876050.html> (дата обращения: 04.07.2025); 中华人民共和国国防交通法 [Закон КНР «О коммуникациях оборонного назначения»] / 全国人民代表大会常务委员会. 03.09.2016. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=540013 (дата обращения: 04.11.2025); 中央军委关于深化国防和军队改革的意见 [Мнение Центрального военного совета КПК по углублению национальной обороны и реформы армии] // ИА Синьхуа. 01.01.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/mil/2016-01/01/c_1117646695.htm (дата обращения: 04.11.2025); 关于国务院机构改革和职能转变方案的说明 [Разъяснение по Плану институциональной реформы и функциональной

имеют международные соглашения⁸⁶, отражающие роль партнеров Китая в области безопасности для развития Вооруженных сил страны.

Особое значение имеет речь Председателя КНР Си Цзиньпина на XX съезде КПК 16 октября 2022 г.⁸⁷, где лидером страны были поставлены новые задачи на грядущий период деятельности нового съезда Партии.

Обращение автора к «Плану национального развития Китая на 14-ю пятилетку»⁸⁸ позволило проанализировать пути развития военного строительства, оценить степень вовлечения в этот процесс коммерческих компаний и НИИ в рамках «военно-гражданской интеграции», оценить приоритетность наращивания потенциала в «новых областях» (космосе, киберсфере, электромагнитной сфере).

Особое значение для понимания логики модернизации Вооруженных сил КНР и усложнения характера угроз имели Белые книги по национальной

трансформации Государственного совета] / 第十二届全国人民代表大会. 10.03.2013. URL: http://www.gov.cn/2013lh/content_2350848.htm (дата обращения: 25.02.2025); 中华人民共和国国家安全法 - 全文 [Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики] / 国防部网. 01.07.2015. URL: http://www.81.cn/2018gjaqjyr/2017-04/07/content_8002237_3.htm (дата обращения: 30.05.2025); 中华人民共和国反恐怖主义法 [Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики] // 湘西州公安局. 27.12.2015. URL: http://gaj.xx.gov.cn/zwgk_149/fdxxgknr/zcwj/bmwj/202011/t20201127_1752204.html (дата обращения: 30.05.2025); 中华人民共和国人民武装警察法 [Закон Китайской Народной Республики «О Народной вооруженной полиции»]. 2012. URL: <https://www.mps.gov.cn/n6557558/c9304473/content.html1997> (дата обращения: 04.11.2025).

⁸⁶ Соглашение «О порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами - членами Шанхайской организации сотрудничества». 28.08.2008. URL:

<http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001201312260003?type=pdf&ysclid=13sy3pxec> (дата обращения: 30.05.2025).

⁸⁷ 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Доклад Си Цзиньпина на XX съезде Коммунистической партии Китая] / 中央纪委国家监委网站. 16.10.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1747768983594192426&wfr=spider&for=pc> (accessed: 12.12.2025).

⁸⁸ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и основные направления долгосрочных целей на период до 2035 года] // 新华社. 13.03.2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 16.09.2025).

обороне, издающиеся с 1998 г.⁸⁹ В данных документах ставятся задачи перед отдельными видами Вооруженных сил и уточняется ожидаемый характер их применения.

Кроме того, автор обращался к белой книге «Национальная безопасность Китая в новую эпоху» от 2025 г.⁹⁰, в которой был расширен перечень «видов безопасности», а также определен высокий приоритет военной безопасности. Анализ белой книги «Тайваньский вопрос и объединение Китая»⁹¹ от 2022 г. позволил автору оценить позиции военно-политического руководства страны по применению вооруженных сил Китая при обострении конфронтации и напряженности в районе Тайваньского пролива, а также подрыве мира и стабильности в АТР.

Вторую группу представляют *делопроизводственные* источники. К их числу относятся Устав ООН⁹², Устав КПК⁹³, резолюции ГА ООН⁹⁴ и узконаправленные и поддерживающие (функциональные) концепции,

⁸⁹ 1998年中国的国防. 白皮书 [Белая книга по национальной обороне Китая. 1998 г.] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL:

http://hprc.cssn.cn/wxzl/zfbps/zhefbpp/200909/t20090917_3959028.html (дата обращения: 04.11.2025); 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 04.11.2025).

⁹⁰ 新时代的中国国家安全 [Национальная безопасность Китая в новую эпоху] // 新华社. 12.05.2025. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202505/t20250512_894771.html (дата обращения: 04.09.2025).

⁹¹ 台湾问题与新时代中国统一事业》白皮书（全文） [“Белая книга” по тайваньскому вопросу и делу объединения Китая в новую эпоху (полный текст)] // 新华社. 2022. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/tuijian/taiwan/202403/t20240320_838725.html (дата обращения: 04.09.2025).

⁹² Устав ООН. 1945. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> 1900370 (дата обращения: 12.06.2025).

⁹³ 中国共产党章程（中国共产党第二十次全国代表大会部分修改，2022年10月22日通过） [Устав Коммунистической партии Китая (с поправками XX съезда КПК, принятыми 22 октября 2022 года)] // 共产党员网. 2022. URL: <https://www.12371.cn/2022/10/27/ARTI1666845926836204.shtml> (дата обращения: 07.09.2025).

⁹⁴ Resolution adopted by the General Assembly on 16 September 2005. A/60/L.1. // General Assembly. 24 October 2005. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_60_1.pdf (accessed: 16.03.2025).

которые позволяют выявить методологию разработки и внедрения концепции совместных операций в ВС США⁹⁵.

Данный блок документов выглядит особо важным для изучения в связи с первым схожим документом КНР⁹⁶. Анализ китайского видения совместных операций позволяет сделать выводы о характере и стратегических целях военной модернизации КНР, а также о военно-технических приоритетах Китая.

Важной подгруппой делопроизводственных источников стали протоколы заседаний ВСНП КНР⁹⁷, решения ЦК КПК⁹⁸, концепции и планы Государственного совета КНР по развитию отраслей промышленности и ВПК⁹⁹. Обращение к данным источникам позволило автору выявить процесс институционального и технологического развития военной организации КНР, а также определить круг ответственных органов в данной сфере. Особое

⁹⁵ U.S. Army Doctrine Reference Publication 3-0, Unified Land Operations. Washington, DC: Headquarters Department of the Army, 2016. 86 p.; Joint Operations / Joint Publication 3-0. 17 January 2017 Incorporating Change 22 October 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_0ch1.pdf (accessed: 31.12.2025); Doctrine for the Armed Forces of the United States / Joint Publication 1. 25 March 2013. Incorporating Change 1. 12 July 2017. 55 p.; Marine Corps Operations / Marine Corps Doctrinal Publication 1-0, Washington: Headquarters, U.S. Marine Corps. December 2, 2018. 263 pp.; Deployment and Redeployment Operations / Joint Publication 3-35. 10 January 2018. 150 p.; Joint Planning / Joint Publication 3-35. 01 December 2020. 358 p.

⁹⁶ 中国人民解放军联合作战纲要（试行） [План совместных операций Народно-освободительной армии Китая (пробная реализация)] // 环球时报. 26.11.2020. URL: http://lyrb.lyd.com.cn/images2/1/2020-11/14/004/20201114004_pdf.pdf (дата обращения: 31.12.2025).

⁹⁷ 第十四届全国人民代表大会第二次会议上 [Вторая сессия 14-го Всекитайского собрания народных представителей] // 国务院. 05.03.2024. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11246/202403/content_6941846.html (accessed: 22.03.2025).

⁹⁸ 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким важным вопросам всестороннего углубления реформ] // Government of the People's Republic of China. 13.11.2013. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm (дата обращения: 04.07.2025).

⁹⁹ 新一代人工智能发展规划的通知 // [План развития искусственного интеллекта нового поколения] // 国务院. 2017. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed: 25.08.2025); 贯彻总体国家安全观护航网络强国建设 [Внедрение общей концепции национальной безопасности и содействие строительству кибердержавы] // 中国网信网. 28.03.2025. URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/28/c_1744866206374020.htm (accessed: 25.08.2025).

значение имело обращение автора к материалам 4-го пленарного заседания ЦК КПК XX созыва¹⁰⁰, на котором Си Цзиньпин обозначил предложения к разработке 15-й пятилетней программы народнохозяйственного и социального развития, которая определит детерминанты для военного строительства Китая.

К третьей группе источников относятся *публицистические материалы* – выступления государственных и политических деятелей КНР и ее партнеров¹⁰¹, а также интервью видных представителей военно-политического руководства западных стран, отражающие их взгляд на модернизацию вооруженных сил КНР¹⁰². Также автором изучил обращения председателя КНР перед ЦВС и офицерским составом в 2022 и 2024 гг. и Коммюнике первого пленарного заседания XX съезда ЦК КПК октября 2022 г.¹⁰³, что позволило выявить актуальные приоритеты по различным аспектам развития

¹⁰⁰ 中国共产党第二十届中央委员会第四次全体会议公报 [Коммюнике Четвертого пленарного заседания Центрального комитета Коммунистической партии Китая 20-го созыва] // 新华社. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202510/content_7045444.htm (дата обращения: 01.02.2026).

¹⁰¹ 习近平在第七十届联合国大会一般性辩论时的讲话 [Выступление Си Цзиньпина во время общих прений 70-й Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций] // 新华网. 29.09.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (дата обращения: 16.03.2025); Joint Statement of the Third Foreign Ministers' Meeting Among the Neighboring Countries of Afghanistan // Ministry of Foreign Affairs of China. 31.03.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202203/t20220331_10658230.html (accessed: 27.05.2025).

¹⁰² Rumsfeld, D.H. U.S. Secretary of Defense, The Global Posture Review of United States Military Forces Stationed Overseas: Hearing Before the Committee on Armed Services, United States Senate, One Hundred Eighth Congress, Second Session. September 23, 2004, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2005. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-108shrg23080/html/CHRG-108shrg23080.htm> (accessed: 31.12.2025).

¹⁰³ 习近平:实现建军一百年奋斗目标,开创国防和军队现代化新局面 [Си Цзиньпин: Достичь цели к 100-летию со дня основания армии и создать новую ситуацию в модернизации национальной обороны и армии] // 《求是》杂志. 31.07.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202407/content_6965504.htm (дата обращения: 16.09.2025); 习近平出席军队领导干部会议并发表重要讲话 [Речь Си Цзиньпина на встрече ведущих военных кадров] // 解放军报. 24.10.2022. URL: http://www.81.cn/xue-xi/2022-10/24/content_10194750.htm (accessed: 12.12.2025); 中国共产党第二十届中央委员会第一次全体会议公报 [Коммюнике первого пленарного заседания 20-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая] // 今日浙江. 31.10.2022. URL: https://www.jrzj.cn/art/2022/10/31/art_727_22427.html (accessed: 12.12.2025).

НОАК и конкретизацию положений, содержащихся в верхнеуровневых документах.

Особое значение для определения эволюции доктринальных установок КНР имело обращение к речам и трудам Мао Цзэдуна¹⁰⁴, Дэн Сяопина¹⁰⁵, Цзян Цзэминя¹⁰⁶, Ху Цзиньтао¹⁰⁷ и Си Цзиньпина¹⁰⁸, на основе которых автор выделял Руководящие принципы – ядро и обобщенное воплощение военной политики Китая.

Для определения внешнеполитических приоритетов Китая на современном этапе автор обращался к анализу предложенных Си Цзиньпином инициатив в области глобального управления. В частности, диссертант обращался к Инициативе глобального развития, Инициативе глобальной безопасности и Глобальной цивилизационной инициативе¹⁰⁹.

Среди *статистических источников* можно выделить данные, предоставленные Комитетом ООН по миротворческой деятельности,

¹⁰⁴ 毛泽东选集. 第二版. 第三卷 [Избранные произведения Мао Цзэдуна. Второе издание. Том третий]. 北京: 北京工业大学出版社. 1991. 1287 с.

¹⁰⁵ 邓小平: 邓小平论国防和军队建设 [Дэн Сяопин. Дэн Сяопин о национальной обороне и строительстве армии]. 北京: 军事科学出版社. 1992. 297 с.

¹⁰⁶ 江泽民: 江泽民文选. 第一卷 [Цзян Цзэминь. Избранные произведения Цзян Цзэмина. Т. 1]. 北京: 人民出版社. 2006. 341 с.; 江泽民: 江泽民文选. 第三卷 [Цзян Цзэминь. Избранные произведения Цзян Цзэмина. Т. 3]. 北京: 人民出版社. 2006. 401 с.; 江泽民: 论国防与军队建设 [Цзян Цзэминь. О национальной обороне и строительстве армии]. 北京: 中央文献出版社. 2002. 431 с.

¹⁰⁷ 胡锦涛: 胡锦涛文选, 第一卷 [Ху Цзиньтао. Избранные эссе Ху Цзиньтао, Том 1]. 北京: 人民出版社. 2016. 504 с.; 胡锦涛: 坚决履行新世纪新阶段我军的历史使命努力开创国防和军队现代化建设新局面 [Ху Цзиньтао: Решительно выполняйте историческую миссию нашей армии на новом этапе нового столетия и стремитесь создать новую ситуацию в области национальной обороны и военной модернизации] // 中国青年报. 2005. URL: http://zqb.cyol.com/content/2005-03/14/content_1048366.htm (дата обращения: 06.03.2026).

¹⁰⁸ 履行新世纪新阶段军队历史使命 [Реализация исторической миссии армии на новом этапе новой эпохи] // 知史明道. 29.06.2021. URL: http://www.wenming.cn/hsw/hxydll/dsgs/202106/t20210629_6097522.shtml (дата обращения: 04.11.2025); 习近平: 习近平国防和军队建设重要论述选编 [Си Цзиньпин. Избранные очерки о национальной обороне и военном строительстве Си Цзиньпина]. 北京: 解放军出版社, 2016年. 420页.

¹⁰⁹ Global Development Initiative. 2021. URL: <https://en.chinadiplomacy.org.cn/gdi/index.shtml> (accessed: 07.03.2026); The Global Security Initiative Concept Paper. 2022. URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/pdf/The_Global_Security_Initiative_Concept_Paper.pdf

Проектом сбора данных о местоположении и событиях вооруженного конфликта (ACLED), Международным энергетическим агентством, статистическими ведомствами секторальных ТНК и т.д.¹¹⁰. Для сбора статистических данных по военным потенциалам мировых держав автор обращался к материалам Института стратегических исследований и базам данных индексов материального потенциала (Global Firepower Index и Correlates of War)¹¹¹.

Таким образом, предмет исследования обеспечен широкой источниковой базой, что позволяет решить поставленные задачи и достичь цели, а также дает возможность комплексного и всестороннего рассмотрения проблемы.

Методология исследования. Методология диссертационного исследования носит междисциплинарный характер и основана на синтезе теоретико-методологических положений теории международных отношений и системного подхода и военной теории. Базовой исследовательской рамкой выступает неоклассический реализм¹¹², позволяющий рассматривать международные отношения как систему межгосударственного взаимодействия, в которой ключевыми акторами являются государства, а распределение мощи и структурные ограничения внешней среды определяют

(accessed: 07.03.2026); The Global Civilizational Initiative. 2023. URL: <https://en.chinadiplomacy.org.cn/gci/index.shtml> (accessed: 07.03.2026).

¹¹⁰ Troop and police contributors / United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (дата обращения: 16.03.2025); The Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED). URL: <https://acleddata.com> (дата обращения: 04.11.2021); The International Energy Outlook 2021 / EIA. October 6, 2021. URL: https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/IEO2021_Narrative.pdf (дата обращения: 04.11.2025); Statistical Review of World Energy 2021. 70th edition / BP. 8 July 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).

¹¹¹ The Military Balance 2025 // Institute for Strategic Studies (IISS). 25.02.2025. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/2025/the-military-balance-2025/> (дата обращения: 12.10.2025); Material Capabilities (v 5.0.) // Correlates of War Project. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 08.02.2025); Global Firepower Index. 2025. URL: <https://www.globalfirepower.com> (accessed: 08.02.2025).

¹¹² Rose G. Neoclassical Realism and Theories of Foreign Policy // World Politics. 1998. Vol. 51. No. 1. P. 144-172.

направления их политики в сфере безопасности и военного строительства, однако это влияние происходит через опосредование внутриполитическими атрибутами государства, которые фильтруют, меняют и направляют это влияние внутри институтов военной организации Китая.

Системный подход используется как общенаучная методологическая основа исследования. Он позволяет интерпретировать военную политику государства как деятельность по управлению открытой, иерархически организованной социальной системой — военной организацией, функционирующей в надсистемном окружении международных отношений. В рамках данного подхода военная политика трактуется как совокупность управляющих воздействий, направленных на аккумуляцию и перераспределение ресурсов военной организации с целью адаптации государства к структурным ограничениям международной среды и обеспечения его выживания и устойчивого позиционирования в системе международных отношений. Это дало возможность формализовать структурно-функциональную модель военной политики и военной стратегии как механизмов системной адаптации.

Теоретические положения военной науки применялись для интерпретации закономерностей военного строительства, развития военных доктрин, организационных реформ и направлений модернизации НОАК. Это позволило анализировать трансформацию военной политики КНР не только как политико-стратегический процесс, но и как изменение характера вооруженной борьбы, способов ведения войны и требований к структуре, управлению и техническому оснащению вооруженных сил.

Методологическую основу исследования также составляют общенаучные принципы историзма, достоверности и системности. Принцип историзма обеспечил рассмотрение эволюции военной политики Китая в динамике, с выявлением причинно-следственных связей между изменениями международной обстановки, трансформацией военных доктрин и реформами военной организации. Принцип достоверности реализован через опору на

широкий комплекс нормативных, доктринальных, статистических и аналитических источников, что позволило минимизировать влияние политизированных интерпретаций. Принцип системности обеспечил рассмотрение военной политики КНР во взаимосвязи ее внутренних элементов и внешней среды, а также в контексте общего развития системы международных отношений.

Методы исследования. В диссертационном исследовании использован комплекс общенаучных и специальных методов, обеспечивающих всесторонний анализ военной политики Китая в условиях трансформации системы международных отношений. Ключевое место занимает *системный анализ*, позволивший рассматривать военную политику как процесс функционирования и адаптации военной организации государства — открытой, иерархически организованной системы, взаимодействующей с внешней средой. Данный метод применялся при выявлении структуры военной политики, взаимосвязей ее элементов и механизмов реагирования на изменения международной обстановки. *Сравнительный метод* использовался при анализе направлений модернизации Вооруженных сил КНР в сопоставлении с характеристиками военной мощи и принципами военного строительства США как державы, обладающей опытом глобального проецирования силы. Это позволило выявить как элементы заимствования, так и специфику китайской модели военной модернизации и организационных реформ.

Метод *формального-логического анализа* использовался при исследовании содержания нормативных актов. Историко-генетический метод использовался как инструмент анализа эволюции военной политики Китая с периода Гражданской войны по н.д. В рамках диссертационного исследования был использован *проблемно-хронологический подход* при изучении истории развития доктринальных основ НОАК, а также аналитический метод и метод дедукции при интерпретации стратегических концепций КНР. Наоборот, метод индукции был применен для изучения процесса военного строительства

Китая: были рассмотрены достижения НОАК по направлениям механизации, информатизации и интеллектуализации.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– проведен комплексный анализ эволюции военной политики КНР от периода становления НОАК до начала XXI в.: в работе последовательно раскрыта динамика трансформации военных доктрин КНР, прослежена их преемственность и специфика на каждом историческом этапе – от маоистских концепций «народной войны» и «активной обороны» до «победы в информационных локальных войнах» Си Цзиньпина. Систематизированы основные положения китайских военных доктрин в их историко-политической взаимосвязи, что позволило выявить закономерности адаптации военной организации Китая к изменению международной обстановки, технологического уровня и идеологических ориентиров государства;

– систематизированы международно-политические и военно-политические факторы, задающие тон трансформации глобального порядка, а также доказана их валидность как возмущающих воздействий для национальной безопасности КНР, запускающих процесс адаптации военной организации Китая к вызовам и угрозам международной среды;

– уточнено содержание современной военной доктрины КНР, показано, что ее ключевым отличием от предыдущих этапов является переход от концепции территориальной обороны к модели глобальной защиты национальных интересов, основанной на интеграции принципов «активной обороны» и «информационных локальных войн» в единую концепцию «интеллектуализированной войны»;

– в научный оборот введено обоснование положения о формировании «военно-стратегической мысли Си Цзиньпина» как новой идеологической основы военной политики Китая, которая институционализирует связь между военной мощью, технологическим развитием и национальным возрождением;

– научно обосновано, что военное строительство Китая в «новую эру» представляет собой системный процесс технологической и организационной

трансформации, направленный на достижение баланса между оборонительными и экспедиционными возможностями, что делает НОАК ключевым элементом реализации внешнеполитической стратегии КНР и обеспечивает адаптацию страны к новым типам угроз.

Положения, выносимые на защиту.

1. Историческое развитие военной политики Китайской Народной Республики во второй половине XX в. носило эволюционный и адаптивный характер: при сохранении базовых идей маоистской стратегии – прежде всего принципа «активной обороны», оборонительной направленности применения силы и опоры на мобилизационный потенциал государства – происходила последовательная трансформация форм и способов ведения войны. Под воздействием изменения международной военно-политической обстановки, технологического прогресса и внутренней модернизации страны китайская военная доктрина прошла путь от концепции народной и затяжной войны, допускавшей стратегическое отступление и широкое использование партизанских методов, к модели регулярной обороны, основанной на позиционной защите ключевых районов, межвидовом взаимодействии и подготовке к локальным вооруженным конфликтам. Таким образом, развитие военной политики КНР характеризуется сочетанием стратегической преемственности и постепенной институциональной модернизации, отражающей переход Китая от революционного государства к полноценной системе национальной обороны.

2. Военная организация КНР представляет собой централизованную партийно-государственную систему, в которой ключевые механизмы управления вооруженными силами сосредоточены в руках высшего политического руководства КПК. Доминирующая роль ЦВС КНР, высокая степень институциональной централизации, а также интеграция вооруженных сил, сил внутренней безопасности, военно-промышленного комплекса и гражданского сектора в рамках концепции военно-гражданской интеграции свидетельствуют о том, что военная политика Китая носит комплексный и

мобилизационный характер. Она ориентирована не только на развитие собственно вооруженных сил, но и на формирование широкого государственного и общественного потенциала обеспечения национальной безопасности. Тем самым военная организация КНР выступает инструментом реализации долгосрочной стратегии усиления национальной мощи, в которой военная составляющая тесно связана с экономическими, технологическими и политическими ресурсами государства.

3. Концептуальное обеспечение военной политики КНР формируется через систему взаимосвязанных стратегических идей и «Руководящих принципов» Центрального военного совета КНР. Такая модель свидетельствует о гибком и адаптивном характере китайской военной политики, при котором стратегические установки могут корректироваться в зависимости от изменений международной обстановки без необходимости формального пересмотра единой доктрины. При этом военная мысль КНР сохраняет преемственность с базовыми концепциями, которые сформулированы были при Мао Цзэдуэ, адаптируя их содержание к новым условиям.

4. На рубеже XX–XXI вв. военная политика Китая вступила в этап информатизации. Ключевой особенностью данного этапа стала установка на подготовке к «локальным войнам в условиях высоких технологий». Под влиянием уроков войны в Персидском заливе 1991 г. военно-политическое руководство Китая сделало акцент на высокоточное оружие, внедрение информационных технологий во все звенья военных операций, а также интеграции видов и родов войск в единую систему. На данном этапе были заложены ключевые послы для будущей трансформации НОАК в армию нового типа. Результатом ее трансформации должна была стать способность проводить операции, характеризующиеся высокой динамикой, пространственной масштабностью, синхронностью действий в различных средах.

5. С точки зрения вызовов и угроз для Китая для КНР приоритетом остается обеспечение безопасности в близлежащем географическом регионе, где исторически после Второй мировой войны доминировали США, поддерживаемые сетью региональных альянсов. Кроме того, поступательное развитие внешнеэкономической модели экономики КНР, которая с опоры на экспорт стала переходить к увеличению активов в транснациональных компаниях, через которые идет вывоз капитала для получения доступа к зарубежным природным ресурсам, и вложения в непроизводительные отрасли экономики (в первую очередь, в инфраструктуру) повысила значимость «зарубежных интересов» для стабильного развития государства. Для стимулирования роста китайским компаниям требуется надежный, безопасный импорт энергии и природных ресурсов. Углубление участия Китая в мировой экономике также привело к постоянно растущему числу граждан, проживающих и выезжающих за границу. Наконец, императивы развития военной доктрины и направления военного строительства задает непосредственно характер войны, в котором ключевое значение приобретают многодоменные операции, беспилотные системы и технологии искусственного интеллекта.

6. Военная доктрина Китайской Народной Республики носит оборонительно-активный характер, сочетающий декларируемый принцип стратегической обороны с ориентацией на проактивное предотвращение угроз и защиту национальных интересов за пределами непосредственной территории страны. Данный характер доктрины определяет образ действий Народно-освободительной армии Китая, который выражается в развитии возможностей быстрого реагирования, ведения высокотехнологичных совместных операций, а также расширении оперативного пространства деятельности вооруженных сил. Таким образом, НОАК трансформируется из преимущественно территориально-оборонительной силы в инструмент гибкого военно-политического реагирования, способный обеспечивать как

региональную безопасность, так и защиту стратегических интересов Китая на более широком географическом уровне.

7. Реформирование институционального контура военной политики КНР, включая усиление роли Центрального военного совета, оптимизацию структуры управления НОАК и переход к системе объединенных командований, указывает на стремление китайского руководства повысить эффективность стратегического управления вооруженными силами и адаптировать их к требованиям современных форм ведения войны. Данные преобразования свидетельствуют о переходе от традиционной административно-иерархической модели управления к более централизованной и функционально интегрированной системе, ориентированной на межвидовое взаимодействие и проведение совместных операций. Тем самым институциональные реформы выступают важным элементом общей стратегии военной модернизации Китая.

8. Основные тенденции современного военного строительства КНР связаны с технологической модернизацией вооруженных сил, развитием возможностей ведения информационных и интеллектуализированных боевых действий, усилением мобильности войск и расширением их экспедиционного потенциала. Совокупность данных направлений демонстрирует последовательную реализацию целей, закреплённых в китайской военной доктрине, прежде всего формирование вооруженных сил мирового уровня и обеспечение способности эффективно реагировать на новые угрозы безопасности. В целом наблюдаемые процессы модернизации НОАК в значительной степени соответствуют стратегическим задачам военной политики Китая и отражают адаптацию вооруженных сил к изменяющемуся характеру современных вооруженных конфликтов и международной военно-политической среды.

Теоретическая значимость диссертации определяется вкладом работы в развитие научных представлений о военной политике государства как системном феномене международных отношений, формирующемся под

воздействием структурных ограничений международной среды и внутренних характеристик военной организации. Работа развивает теоретико-методологические возможности системного подхода в исследовании военно-политических процессов, конкретизируя его применительно к анализу военной политики как механизма адаптации государства к трансформации глобального порядка. Диссертация также вносит вклад в изучение эволюции военной политики КНР, систематизируя развитие китайских военных доктрин, направлений военного строительства и организационных реформ НОАК. Полученные теоретические положения могут служить методологической базой для дальнейших исследований в области теории международных отношений, военной политики, стратегических исследований, а также сравнительного анализа процессов модернизации вооруженных сил различных государств.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что раскрытая в работе логика адаптации военной организации КНР к изменяющимся условиям международной среды позволяет более обоснованно оценивать перспективы военного строительства Китая, характер его стратегических приоритетов и потенциальные модели применения военной силы в региональном и глобальном контексте. Материалы исследования могут быть использованы в аналитической деятельности органов государственной власти и экспертно-аналитических структур, занимающихся вопросами международной безопасности, оборонной политики и внешнеполитического планирования, при подготовке оценок военно-политического потенциала КНР, анализе динамики баланса сил в АТР и выработке решений в сфере взаимодействия с Китаем по вопросам безопасности. Выводы диссертации представляют интерес для специалистов в области стратегических исследований и военного планирования, поскольку позволяют учитывать институциональные, доктринальные и технологические аспекты трансформации НОАК, включая развитие систем управления, межвидовой интеграции и переход к междоменному характеру вооруженной борьбы.

Апробация работы. Основные результаты и выводы диссертационного исследования отражены в научных публикациях диссертанта, в том числе 7 статей¹¹³ опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в Перечень РУДН.

Структура исследования. Структура диссертационной работы определяется целью и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы.

¹¹³ Дубровский И.Р. Особенности военной стратегии «активной обороны» Китая в эпоху Си Цзиньпина // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 5. С. 156-170; Дубровский И.Р. От «информатизации» к «интеллектуализации»: трансформация военных концепций КНР в эпоху Си Цзиньпина // Конфликтология. 2025. № 4. С. 372-383; Дубровский И.Р. Взгляды военных аналитиков КНР на стратегические аспекты сдерживания // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 2. С. 140-153; Дубровский И.Р. Национальная безопасность Китая в свете военно-политических угроз в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Конфликтология. 2025. № 3. С. 115-128; Дубровский И.Р., Никулин М.А., Ма В.В., У Цзисинь. Экспедиционный потенциал НОАК в контексте китайской военной стратегии в новую эпоху // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 6. С. 105-119; Дубровский И.Р., Худайкулова А.В. Миротворческая деятельность как инструмент развития потенциала Народно-освободительной армии Китая // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2. С. 102-125; Дубровский И.Р., Инь Хуэй, Костючек С.В., Чжао Бовэнь. Контртеррористическое сотрудничество в регионе Центральной Азии как инструмент развития экспедиционного потенциала Народно-освободительной армии Китая // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 5. С. 545-564.

ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

В данной главе рассматриваются исторические и организационные особенности формирования военной политики Китайской Народной Республики. Особое внимание уделяется эволюции стратегических представлений китайского руководства о характере вооруженной борьбы, а также влиянию исторического опыта на развитие военно-политических установок государства. Кроме того, анализируется структура военной организации КНР и ее роль в реализации государственной военной политики. Отдельно рассматриваются ключевые концепции и принципы, лежащие в основе современного концептуального оформления военной политики Китая.

1.1. Исторические аспекты военной политики КНР

Военный опыт, накопленный вооруженными силами Коммунистической партии Китая до 1949 г., сыграл ключевую роль в формировании военной политики КНР после провозглашения государства. Становление Народно-освободительной армии Китая (НОАК) происходило в условиях постоянного стратегического неравенства: силы КПК почти всегда уступали противникам — сначала националистам, затем японцам, а после 1945 г. вновь армии Чан Кайши. Этот опыт определил специфику стратегического мышления, в основе которого лежали выживание, гибкость и способность к длительной мобилизации народных масс.

Поражения городских восстаний 1927 г. заставили перейти к созданию сельских опорных баз, где партизанская война и поддержка крестьян стали основой стратегии. Борьба с Гоминьданом в начале 1930-х гг. выявила эффективность тактики «заманивания в глубину» (诱敌深入) и внезапных ударов по слабым частям противника, однако, поражение от Пятого наступления Гоминьдана на Центральный советский район в Цзянси (сентябрь 1933 — октябрь 1934) и Великий поход китайских коммунистов (1934–1936 гг.) доказали бесперспективность позиционной войны против превосходящего

противника. Эти выводы Мао Цзэдуна позже легли в основу его канонических трудов о «мобильной обороне» и «затяжной войне»¹¹⁴.

В антияпонскую войну приоритет партизанских действий¹¹⁵ в тылу врага над фронтовыми сражениями закрепился на фоне тяжелых потерь в «Битве ста полков»¹¹⁶. Наконец, в гражданской войне 1945–1949 гг. НОАК прошла путь от стратегического отступления до масштабного наступления, сохранив акцент на мобильности и поддержке народа.

В целом, военный опыт до 1949 г. определил основные черты военной политики КНР. Во-первых, это признание центральной роли мобильной войны и стратегической обороны, позволяющих слабому противнику постепенно изменять баланс сил. Во-вторых, это опора на народную войну, в которой мобилизация масс и ополчение обеспечивают снабжение, разведку и людские ресурсы. В-третьих, это установка на затяжной характер вооруженного противостояния, где решающие сражения возможны лишь после накопления сил. Наконец, именно опыт гражданской и антияпонской войны закрепил представление о том, что НОАК должна оставаться армией Партии, соединенной с народом и ориентированной не только на фронтовые операции, но и на политическое господство через военные средства. Все это стало основой стратегического курса Китая в первые десятилетия существования КНР.

После 1949 г. перед вооруженными силами встала новая задача — трансформация из революционной армии, ориентированной на захват власти, в инструмент защиты суверенитета и территориальной целостности государства. Если во время гражданской войны ключевым было сохранение

¹¹⁴ 中国人民志愿军战史简编 [Сборник военной истории Китайской народной добровольческой армии]. 北京: 中国人民解放军出版社. 2002. Р. 58.

¹¹⁵ Китайский военный историк Ван Вэй назвал данную форму военных действий как «воробьиная война». Ее суть заключалась в проведении атак малыми силами с применением гибкой тактики с целью изнурить противника. См. Народно-Освободительная Армия Китая / Ван Вэй, Чжан Чжуйюй, Юй Цуньхуа. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 68.

¹¹⁶ William W.W. Zhenxia Huang. The Chinese High Command: A History of Communist Military Politics, 1927– 1971. New York: Praeger. 1973. Р. 224– 274.

боеспособности даже ценой сдачи территории, то в условиях существования национального государства такой подход вступал в противоречие с его задачами обороны.

Ситуация в сфере безопасности для молодого государства оказалась крайне сложной. Перед НОАК стояло много задач. Ей предстояло завершить установление контроля над территорией страны - это означало подавить все, что осталось от националистических сил, установить контроль над Тибетом, а также создать систему защиты протяженных сухопутных и морских границ. Проблемой оставалось продолжающееся противостояние с Чан Кайши и его войсками на Тайване. Чтобы победить их, НОАК потребовалась бы сложная десантная операция, но они просто не были готовы к этому – не было ни военно-морского флота, ни военно-воздушных сил, на которые можно было бы возложить задачи по решению этой проблемы. Затем, в 1950 году, ситуация осложнилась прямым столкновением с Соединенными Штатами в Корее. Ситуацию усугублял тот факт, что страна была экономически слабой, технологически отсталой и находилась только на ранних стадиях индустриализации.

Свою роль играла наследие гражданской войны. Во-первых, структура НОАК все еще была довольно децентрализованной. Полевые армии действовали на региональном уровне, местные командиры обладали большой властью – это имело смысл в реалиях прошлой войны, но это было анахронизмом в дело дошло до создания единой централизованной армии. Во-вторых, разные подразделения имели совершенно разный уровень подготовки, организации и оснащения. Большая часть их оружия была трофейной, что говорило об отсутствии унификации и стандартизации. В-третьих, не было реальной оборонной промышленности, о которой можно было бы говорить, поэтому они Китай не мог производить современное оружие, такое как бронетехника или самолеты.

Затем началась Корейская война (1950-1953 гг.), которая в конечном итоге изменила доктрину НОАК. Китайские народные добровольцы

участвовали в этом конфликте в основном в качестве легкой пехоты без поддержки. Столкновение с передовой в военном плане державой и ее союзниками выявило слабые стороны НОАК, особенно в области логистики, механизации и авиационной поддержки. Низкая мобильность войск, уязвимые линии снабжения и отсутствие превосходства в воздухе серьезно ограничивали их возможности в наступательных действиях. Но, с другой стороны, война подтвердила то, о чем говорили китайские военные теоретики: современная война требует координации действий различных родов войск. Это подтолкнуло НОАК к переходу от использования в основном пехотных операций к использованию общевойсковых – объединению сухопутных, воздушных и военно-морских компонентов¹¹⁷.

Несмотря на технологическую отсталость, НОАК сумела адаптироваться, применяя асимметричные методы ведения боя: использование ночных атак, ближнего боя и разделение крупных сил противника, а также широкое строительство укреплений и подземных коммуникаций для нейтрализации авиационного и артиллерийского превосходства США. Этот опыт стал основанием для переосмысления роли оборонительных структур и подготовки страны к возможному американскому вторжению. Кроме того, война способствовала осознанию значения ядерного фактора: китайское командование стало рассматривать будущие конфликты как «атомный блиц» (原子闪击), в ходе которого авиация будет использоваться для бомбардировки промышленных центров, городов и военных объектов¹¹⁸.

Изменившиеся военно-политические условия, в частности, создание США системы коллективной безопасности в АТР (Сан-Францисский мирный договор с Японией 1951 г., договор о взаимной обороне с Филиппинами 1951

¹¹⁷ 何方: 中国在朝鲜战争问题上的教训 [Хэ Фан. Уроки Китая, вынесенные из Корейской войны] // 炎黄春秋. 2013. № 9. С. 19-26.

¹¹⁸ 粟裕: 粟裕文选 (第三卷) [Су Юй. Избранные произведения Су Юя. Т. 3]. 北京: 军事科学出版社. 2004. С. 157.

г., Тихоокеанский пакт с Австралией и Новой Зеландией 1952 г.)¹¹⁹ и разработка в США доктрины «массированного возмездия» в 1954 г. вкупе с принятием на вооружение образцов ядерного оружия подтолкнули военно-политическое руководство Китая к пересмотру собственной военной стратегии и доктрины.

Руководящие принципы НОАК 1956 г., утвержденные на расширенном заседании ЦВС КНР под руководством министра обороны КНР Пэн Дэхуая и одобренные Мао Цзэдуном, стали первой системной попыткой формализовать концепцию обороны нового государства. Она была выстроена вокруг гипотетического сценария крупной войны с Соединенными Штатами и отражала не только военно-политические реалии середины 1950-х гг., но и стремление соединить идеологические ориентиры с прагматикой военного строительства¹²⁰.

Ключевым постулатом Руководящих принципов было утверждение оборонительного характера будущей войны. Китай не рассматривал возможность наступательных действий первым: такое поведение противоречило бы материальной слабости страны по сравнению с США и вступало бы в противоречие с провозглашенной идентичностью КНР как социалистического государства, не склонного к агрессии. В этом смысле стратегия соединяла военную необходимость с политико-идеологической легитимацией применения силы исключительно в целях обороны.

Однако оборона понималась не как пассивное выжидание. Центральное место заняла концепция «активной обороны», восходящая к маоистскому опыту 1930-х гг., но переосмысленная применительно к условиям возможного столкновения с технологически превосходящим противником. «Активная оборона» предполагала способность сдержать первый удар, нанести

¹¹⁹ Худайкулова А.В., Рамич М.С. “Квад 2.0”: четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. Т. 29. № 3. С. 23-43.

¹²⁰ 王焰等编: 彭德怀传 [Биография Пэн Дэхуая, ред. Ван Янь и др.]. 当代中国出版社. 1993. С. 537.

контрудары и постепенно перевести войну из пассивной стадии к инициативным действиям. Ключевая идея состояла в том, чтобы помешать США одержать быструю победу, затянуть конфликт и выиграть достаточно времени для полномасштабной мобилизации.

Большое внимание уделялось постоянной готовности к войне, а также попытке предотвратить ее развязывание. Средством для достижения этого образа результата выступало наращивание национальной военной мощи, создание единого международного фронта и, по сути, максимально возможной отсрочке любого конфликта. На местах это вылилось в такие вещи, как строительство укреплений вдоль побережья, размещение промышленности таким образом, чтобы ее нельзя было уничтожить за один раз, создание систем гражданской обороны и усиление разведки и противовоздушной обороны. Это говорит о том, что стратегия действительно сочетала сдерживание с настроением на готовность к долгой, затяжной борьбе.

Что касается того, как будут выглядеть будущие военные операции, то Руководство 1956 года ознаменовало собой настоящий сдвиг. До этого НОАК в значительной степени полагалась на легковооруженные пехотные подразделения, которые передвигались в мобильном бою. Теперь они перешли к сочетанию позиционной обороны и маневренной войны. Предполагалось, что гарнизонные войска будут удерживать укрепленные районы, которые затем создадут мобильным подразделениям возможности для маневра и проведения контратак. Последние, действуя рассредоточенно, должны были наносить неожиданные удары по врагу. Партизанская война сохранялась, но лишь как вспомогательный инструмент на временно оккупированных территориях. Таким образом, стратегия институционализировала переход к более «регулярному» способу ведения войны¹²¹.

В части военного строительства предусматривалось постепенное сокращение численности армии при одновременной модернизации ее

¹²¹ 尹启蝗,程亚光. 第一任国防部长 [Инь Цисюань, Чэн Ягуан. Первый министр обороны]. 广东教育出版社, 1997. С. 46.

структуры: акцент делался на развитие ВВС и ПВО, усиление роли артиллерии, бронетехники, средств связи и химической защиты, а также на механизацию сухопутных войск. Для флота была выработана концепция «береговой обороны» (近岸防御), ориентированной на срыв морских десантов и защиту побережья при опоре на авиацию, подводные лодки и легкие ударные средства¹²².

Через 4 года в 1960 г. Китай издает новые Руководящие принципы. Ключевым событием, предопределившим это, стала Лушаньская конференция в июле 1959 г., в ходе которой из-за критики Мао Цзэдуна в последствиях политики «Большого скачка» был отстранен министр обороны Пэн Дэхуай. На освободившийся пост первого заместителя председателя ЦВС КНР и министра обороны был назначен Линь Бяо. Это назначение положило начало масштабной кадровой перетряске в армии и детерминировало издание новых руководящих принципов.

Новые Руководящие принципы, озаглавившие военную доктрину лозунгом «сопротивляйся на севере, открывайся на юге» (北顶南放), представляло собой лишь незначительную корректировку и дополнение версии 1956 года. Основные принципы, характер военных операций, структура сил и приоритеты в подготовке остались в целом неизменными¹²³.

Главным формальным изменением стало четкое разделение обороны по географическому принципу. На севере (к северу от реки Янцзы) войскам был дан приказ вести позиционную оборону и «защищаться насмерть» на ключевых направлениях (Северо-Восток, Шаньдунский полуостров), не уступая врагу территорию. Эти регионы считались главными стратегическими направлениями. На юге (первоначально к югу от Янцзы, позднее только

¹²² 杜哲元. 中国海军战略演变中的作战海区问题研究 [Ду Чжэюань. Исследование вопроса о морских районах боевых действий в эволюции стратегии ВМС Китая] // 太平洋学报. 2017. Vol. 25. № 4. С. 66-80.

¹²³ 中国人民解放军军史 / 寿晓松 主编 [Военная история Народно-освободительной армии Китая / под ред. Шоу Сяосун]. 军事科学出版社. 2011. Т. 5. С. 202.

Гуандун и Гуанси) допускалась стратегия «заманивания врага вглубь» с последующими контратаками. Таким образом, концепция «активной обороны» в 1960 г. была оставлена только для южной части территории КНР, тогда как для северной ЦВС НОАК вводил концепцию, которую Мао Цзэдун назвал «пассивной обороной». Данный шаг можно объяснить «огосударствлением» политического руководства НОАК, которое теперь мыслило в границах всей страны и воспринимала принцип суверенитета с большим приоритетом.

Данные Руководящие принципы недолго оставались неизменными. Уже в 1962 г. военно-политическая обстановка вокруг Китая была оценена как критическая, что создавало у руководства КНР ощущение стратегического окружения и растущих угроз. Ключевым фактором стало ужесточение политики США при администрации Дж. Кеннеди, выразившееся в переходе к стратегии «гибкого реагирования» и наращивании военного присутствия в Азии, что воспринималось Пекином как подготовка к возможной войне и часть долгосрочной борьбы американского империализма в регионе. Непосредственной и наиболее вероятной угрозой рассматривалась возможность вторжения сил Чан Кайши с Тайваня при поддержке США, воспользовавшихся экономическими трудностями Китая после «Большого скачка». На западном направлении восстание в г. Инин (Кульджа) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, массовый исход казахов в СССР и подозрения в подрывной деятельности Москвы подчеркивали растущую напряженность в советско-китайских отношениях и уязвимость в Синьцзяне. Одновременно на юго-западе обострение пограничного спора с Индией, начавшей оккупацию спорных территорий, вынуждало Китай укреплять оборону и в этом регионе, хотя данная угроза и считалась второстепенной по сравнению с тайваньской¹²⁴. Таким образом, Китай столкнулся с

¹²⁴ Wei, W. Power Grows Out of the Barrel of a Gun: Mao and Red Army in David A. Graff and Robin Higham, eds., *A Military History of China*. Lexington: University Press of Kentucky. 2012. P. 234– 236.

одновременным давлением с востока (США и Тайвань), запада (СССР) и юго-запада (Индия), что формировало редкую и сложную стратегическую обстановку, требовавшую повышенной готовности к конфликтам на нескольких фронтах.

В июне 1964 г., выступая на кладбище Мин под Пекином, Мао Цзэдун отверг идею закрепления оборонительных позиций и выдвинул план ведения войны, основанный на заманивании противника вглубь китайской территории. Суть этого подхода заключалась в том, чтобы позволить противнику занять значительные пространства и даже крупные города, после чего втянуть его в затяжную войну на истощение, в которой Китай мог бы использовать свои ресурсы территории, населения и ополчения. Такая стратегия не была новой, а, напротив, представляла собой возвращение к опыту гражданской войны, когда решающую роль играли маневренность, партизанские действия и постепенное изматывание врага¹²⁵.

Особенностью руководящих принципов 1964 г. было то, что они не были закреплены в официальных документах и не обсуждались в высших военных органах. Их содержание складывалось из серии высказываний Мао Цзэдуна, адресованных преимущественно партийным кадрам, а не военному командованию¹²⁶. Председатель предлагал отказаться от плана «сопротивления на севере открытость на юге». В центре его аргументации находилась мысль о том, что Китай не может полагаться на одно направление вероятного удара, поскольку атака может последовать в любой точке побережья — от Тяньцзиня до Шанхая.

«Основная руководящая идея операций» также претерпела изменение. Главной формой военной операции, к которым должны быть готова военная

¹²⁵ 毛泽东年谱（1949～1976）第4卷 [Биография Мао Цзэдуна (1949-1976), Т. 4]. 中央文献出版社. 2013. С. 310-316.

¹²⁶ См. 李晓辉: 毛泽东为什么强调打好政治军事仗 [Ли Сяохуэй: Почему Мао Цзэдун подчеркивал важность ведения хорошей политической и военной борьбы] // 学习时报. 2020. URL: <http://dangshi.people.com.cn/gb/n1/2020/0525/c85037-31721779.html> (дата обращения: 27.03.2026).

организация Китая, стала не удержание позиций, а стратегические маневренные операции. Предполагаемые сражения должны были вестись мобильными формированиями обычных войск при активном участии партизан, которые должны дестабилизировать линии снабжения в тылу врага. Для организации партизанской войны каждой провинции и округу предписывалось создать ополчение и заводы, выпускающую продукцию военного назначения для поддержки ополченцев. Более того, организационная структура военной организации образца 1964 г. приобретала сетевой характер, поскольку формирования ополченцев должны были быть готовыми к самостоятельным действиям в условиях полной автономности от центра. Фактически речь шла о децентрализации оборонной подготовки и возложении значительной ответственности на местные партийные структуры.

Данные нововведения не потребовали серьезных реформ в НОАК, но способствовали росту численности армии и усилению роли народного ополчения. Их реализация в полной мере оказалась невозможной из-за начала Культурной революции, однако сам факт возврата к традициям гражданской войны определил развитие военной мысли Китая в последующие годы¹²⁷.

В 1960–1970-е гг. военно-политическая обстановка на северных рубежах КНР характеризовалась нарастанием прямой военной угрозы со стороны СССР. Усиление советского военного присутствия в Монголии после подписания договора 1966 г., вооруженный конфликт на острове Даманский (1969 г.), а также последующее развертывание пятидесяти дивизий вдоль советско-китайской границы к концу 1970-х гг. сформировали у китайского руководства устойчивое представление о возможности глубоких ударов с применением танковых и воздушно-десантных соединений. Дополнительным

¹²⁷ 韩怀智. 韩怀智论军事 [Хан Хуайчжи. Хан Хуайчжи о военных делах]. 北京: 解放军出版社. 2012. С. 30-32.

фактором напряженности стали советско-вьетнамское сближение (1978 г.) и ввод войск в Афганистан (1979 г.)¹²⁸.

Параллельно с анализом советской угрозы пересмотр военной доктрины стимулировало изучение опыта арабо-израильской войны 1973 года. При ее анализе они выделили несколько существенных изменений в методах ведения войн: более быстрые темпы, массированное использование бронетанковых войск, авиации и систем ПВО, а также тот факт, что ранние стадии конфликта могли в значительной степени определить исход всей кампании. Одна вещь, которая действительно привлекла их внимание, заключалась в том, насколько эффективной оказалась египетская система ПВО – она серьезно ослабила преимущество израильских ВВС¹²⁹.

Из этих особенностей были сделаны соответствующие выводы о том, что принятые способы борьбы с бронетанковыми подразделениями устарели. Они также выявили значительную проблему с расходом материалов, поскольку современная война истощала запасы, как никогда раньше. Также они отметили, насколько важным стал элемент неожиданности для того, чтобы одержать верх на ранней стадии конфликта. Все эти уроки, в конечном итоге, изменили военную доктрину Китая. НОАК начала отходить от старой маоистской идеи "заманивания врага в глубину" – вы знаете, заманивания противника на территорию Китая, а затем изматывания его народной войной. Вместо этого они сделали больший упор на позиционную оборону, удерживая ключевые города и стратегические пункты. Некоторые из этих пунктов, по их мнению, следует защищать до последнего, как, например, СССР защищал Сталинград. Параллельно особое внимание уделялось развитию системы

¹²⁸ 中国人民解放军改革发展30年 [3 десятилетия реформ и развития Народно-освободительной армии Китая]. 北京军事科学出版社. 2008. С. 45-57.

¹²⁹ 王冠兰. 晋州之战与第四次中东战争 [Ван Гуанлань. Битва при Цзиньчжоу и Четвертая война на Ближнем Востоке] // 解放军报. 29.04.2021. URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2021-04/29/content_288301.htm (дата обращения: 19.08.2025).

противотанковых рубежей и эшелонированной ПВО, а также созданию плотной сети огневых средств различной дальности.

Немаловажным аспектом стало и понимание необходимости общевойсковых совместных операций (合成作战). В отличие от прошлого, когда акцент делался преимущественно на пехоту и партизанские действия, китайские стратеги подчеркивали важность согласованных усилий пехоты, бронетанковых, инженерных и воздушных сил при поддержке ополчения. В результате началась формироваться доктринальная установка на межвидовое взаимодействие и повышение роли регулярных армейских соединений в противостоянии технологически превосходящему противнику¹³⁰.

В октябре 1980 г. в ходе совещаний, инициированных начальником Генерального штаба НОАК Ян Дэчжи были приняты новые Руководящие принципы НОАК. Их фундаментом стала концепция «активной обороны», опирающаяся на позиционную войну и отражение наступления на ранних этапах¹³¹.

Ключевым элементом любых Руководящих принципов является определение тех форм боевых действий, к которым НОАК должна готовиться в перспективе. Если прежняя доктрина строилась вокруг подвижной и партизанской войны в рамках концепции «заманивания противника в глубину», то стратегия 1980 г. сделала упор на позиционную войну, или, как она формулировалась в документах, «позиционную войну с фиксированной обороной» (坚守防御的阵地战)¹³². Отказавшись от идеи глубокого отступления как основы национальной обороны, высшее руководство армии сознательно снизило значение мобильных операций на стратегическом уровне. Новая установка исходила из необходимости создания

¹³⁰ 解海南、杨祖发、杨建华: 杨得志一生 [Се Хайнань, Ян Цзуфа, Ян Цзяньхуа. Жизнь Ян Дэчжи]. 北京: 中共党史出版社. 2011. С. 231-243.

¹³¹ 中国人民解放军改革发展30年 [3 десятилетия реформ и развития Народно-освободительной армии Китая]. 北京军事科学出版社. 2008. С. 176-177.

¹³² Там же. С. 179.

эшелонированной, глубокой системы оборонительных рубежей, каждый из которых должен был стать серьезным препятствием для вторгшейся армии.

Главным принципом боевых действий было сочетание позиционной, мобильной и партизанской войны. На первом этапе конфликта оборона должна была строиться на передовых линиях между приграничными районами и крупнейшими городами страны. Роль подвижной войны сводилась к проведению ограниченных наступательных операций вблизи оборонительных рубежей, удерживаемых НОАК. Партизанская борьба оставалась вспомогательной формой, которая могла применяться лишь там, где регулярные силы не могли удержаться, например, в отдельных районах Синьцзяна. Главная цель всей стратегии заключалась в том, чтобы как можно дольше сдерживать наступление противника, создать для него тупиковую ситуацию и выиграть время для мобилизации и развертывания крупных сил¹³³.

Руководящие принципы 1980 г. ознаменовало изменение военно-морской доктрины Китая: от концепции «береговой обороны», сосредоточенной на защите побережья и предотвращении высадки десанта, к более широкой стратегии «обороны в ближних морях» (近海作战)¹³⁴. Теперь речь шла не только о защите береговой линии, но и об обеспечении безопасности прилегающих морских акваторий. Идею такой трансформации впервые озвучил Дэн Сяопин в 1979 г., подчеркнув необходимость операций вблизи моря для противостояния сильному флоту вероятного противника, прежде всего СССР¹³⁵. Эта концепция перекликалась с концепцией «передовой обороны» на сухопутных границах.

¹³³ 徐焰: 中国国防导论 [Сюй Янь. Введение в национальную оборону Китая]. 北京: 国防大学出版社. 2006. С. 102-106.

¹³⁴ 史籍柱、崔常发: 60年人民海军建设指导思想的丰富和发展 [Ши Шучжу и Цуй Чанфа. Обогащение и развитие руководящей идеологии строительства народного военно-морского флота за последние 60 лет] // 军事历史. 2009. № 3. С. 29.

¹³⁵ 邓小平: 邓小平论国防和军队建设 [Дэн Сяопин. Дэн Сяопин о национальной обороне и строительстве армии]. 北京: 军事科学出版社. 1992. С. 57.

В 1982 г., когда началось сокращение и реорганизация НОАК, термин «оборона в ближних морях» официально вошел в документы. Вскоре пост командующего ВМС Китая занял адмирал Лю Хуацин, который в 1983 г. начал формировать детальное содержание новой военно-морской доктрины. Под «ближними морями» понимались Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря, а также воды к востоку от Тайваня. В январе 1986 г. партийный комитет ВМС утвердил курс «активная оборона, оборона в ближних морях», закрепив его связь с доктриной, изложенной в руководящих принципах 1980 года¹³⁶.

Лю Хуацин считал, что основными задачами ВМС должны стать поддержка объединения с Тайванем, защита территориального суверенитета, морских прав и интересов, а также отражение возможной агрессии с моря. В военное время приоритетом была координация действий с сухопутными войсками и авиацией для отражения нападений, защиты морских коммуникаций, временного завоевания господства на море и ведения боевых действий в ближних акваториях. Хотя в 1980-е гг. многие положения оставались скорее целевыми установками, чем реальностью, концепция Лю заложила основу для развития военно-морской стратегии Китая в 1990–2000-е гг., когда акцент сместился от подготовки к тотальной войне к ведению локальных вооруженных конфликтов¹³⁷.

Эффективное ведение позиционной войны требовало качественного развития общевойсковых возможностей, необходимых как для обороны, так и для наступления. Для реализации этого в 1982 г. была начата разработка «третьего поколения» боевых уставов, завершенная к 1987 году. Параллельно возобновилась работа над трудом «Наука о военной стратегии» (战役学) — первым трудом НОАК, посвященным оперативному уровню ведения войны. Каждое издание данного фундаментального труда содержит конкретизацию

¹³⁶ 刘华清: 刘华清回忆录 [Лю Хуацин. Воспоминания Лю Хуацина]. 北京: 解放军出版社. 2004. С. 436.

¹³⁷ Там же. С. 438.

формулировок ЦВС КНР и приложение их непосредственно к задачам видов ВС и родов войск.

Импульс для следующего этапа изменений Руководящих принципов дала китайско-вьетнамская война 1979 г. Хотя сама война не привнесла качественное изменение технических средств или тактических подходов, она усилила понимание существующих проблем и подчеркнула необходимость модернизации армии. Несмотря на значительное численное превосходство, китайские войска продвигались медленно и понесли ощутимые потери, что показало ограниченность эффективности армии в реальных боевых условиях. Сказалась низкая подготовка личного состава, что во многом было следствием периода Культурной революции. Кроме того, война выявила недостатки в системе командования и управления. На тактическом уровне наблюдались слабое руководство и неэффективное взаимодействие между подразделениями¹³⁸. Ключевым итогом стал фокус внимания военно-политического руководства на вопросах улучшения подготовки, повышения качества управления и перехода от количественной модели к более современной, ориентированной на эффективность.

Руководящие принципы 1980 г. поставили перед Китаем задачу формирования более маневренных и эффективных вооруженных сил. В тот момент численность НОАК составляла около 6 млн человек¹³⁹. Еще в 1975 г. Дэн Сяопин, занимая пост начальника Генерального штаба, критиковал армию за «раздутый» аппарат, отмечая чрезмерное увеличение числа офицеров и небоевых подразделений в конце 1960-х годов¹⁴⁰. Принятие новой стратегии стало отправной точкой для масштабных сокращений, направленных на

¹³⁸ Zhang Xiaoming. Deng Xiaoping's Long War: The Military Conflict Between China and Vietnam, 1979-1991. University of North Carolina Press. 2015. P. 120-130.

¹³⁹ Li N. Organizational Changes of the PLA, 1985–1997 // The China Quarterly. 1999. Vol. 158. P. 314-349.

¹⁴⁰ “The Task of Consolidating Our Army,” speech given at an enlarged meeting of the Central Military Commission on July 14, 1975, in Selected Works of Deng Xiaoping (1975-1982). Beijing: Foreign Languages Press, 1984. P. 27.

повышение управляемости войск, рост их боеспособности и снижение экономической нагрузки в условиях начала политики реформ и открытости.

Параллельно менялась и структура войск, что должно было повысить их способность вести общевойсковые операции. При разработке Руководящих принципов 1980 г. особое внимание уделялось необходимости формирования «объединенных сил» (合成军队), способных действовать комплексно, используя пехоту, артиллерию, танки, ракетные и зенитно-артиллерийские части. Такие группировки рассматривались как мобильный резерв, предназначенный для оперативного переброса в районы вероятного прорыва советских войск. В 1981 г. Военный совет ЦК КПК (ВС ЦК КПК) принял решение к преобразованию тактических соединений сухопутных войск НОАК из армий (军) в общевойсковые группы армий (合成集团军). В 1981 г. были созданы две таких группы армий, в 1983 г. их число увеличилось до пятнадцати, а уже к 1985 г. все армии были преобразованы в общевойсковые группы в рамках широкой программы сокращений и структурных реформ¹⁴¹.

Частью замысла Дэн Сяопина, направленной на повышение боеспособности армии и снижение оборонных расходов в условиях реформ и открытости, стало сокращение НОАК в 1980-е годы. В 1980 г. было уволено около 830 тыс. военнослужащих, главным образом из небоевых подразделений, и численность армии снизилась до 5,2 млн человек. В 1982 г. последовал новый этап сокращений и реорганизации, в ходе которого численность НОАК уменьшилась еще почти на 1 млн чел. за счет ликвидации и слияния штабов, а часть инженерных и железнодорожных войск была передана в гражданский сектор¹⁴².

В 1985 году ЦК КПК и Госсовет утвердили «План реформы, рационализации и реорганизации военной системы», закрепивший новую

¹⁴¹ Graff D. A., Higham R. (ed.). A military history of China. University Press of Kentucky. 2012. P. 327.

¹⁴² 邓小平: 邓小平军事文集 [Дэн Сяопин. Военные очерки Дэн Сяопина]. 北京: 中央文献出版社. 2004. P. 44.

военно-стратегическую оценку Дэн Сяопина: мировая война и прямое столкновение с СССР стали маловероятными, а центр тяжести глобальной конкуренции сместился в научно-техническую и экономическую сферы. Исходя из этого, была поставлена задача модернизации НОАК в мирное время за счет повышения качества управления, гибкости и боевой мощи при одновременном сокращении численности и устранении избыточных структур¹⁴³.

В рамках реформы 1985 г. численность армии была уменьшена на 1 млн человек. Одиннадцать военных округов объединили в семь, тридцать пять армий реорганизовали в двадцать четыре общевойсковые группы армий, ликвидировав одиннадцать армейских штабов и тридцать шесть дивизий. Была проведена диверсификация пехотных соединений с учетом региональной специфики. ВМФ сократили на 14,7 %, ВВС — на 19,6 %¹⁴⁴. Военные академии подверглись интеграции, в частности, ведущие учебные заведения были объединены в Национальный университет обороны. К 1987 г. численность НОАК составила около 3,2 млн человек, а оборонные расходы сократились почти вдвое по сравнению с 1979 годом¹⁴⁵. Реализованные меры ознаменовали переход армии от мобилизационной модели к устойчивому развитию в условиях мирного времени.

Такие кардинальные изменения потребовали от военно-политического руководства внести корректировки в военную доктрину Китая. К концу 1980-х гг. КНР впервые с 1949 г. оказалась без главного стратегического противника, на которого можно было бы ориентировать военную стратегию. После выступления М.С. Горбачева во Владивостоке в 1986 г. и обещания

¹⁴³ 潘洪: 1985年百万大裁军 [Пан Хонг. В 1985 году произошла революция миллионов] // 百年潮. 2015. №12. С. 44.

¹⁴⁴ 1985, 国防战略的调整 [Корректировка стратегии национальной обороны 1985 года] // 新华网. 2022. URL: http://www.81.cn/js_208592/jdt_208593/10122596.html (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁴⁵ 丁伟, 魏旭: 20世纪80年代人民解放军体制改革、精简整编的回顾与思考 [Дин Вэй, Вэй Сюй. Обзор и размышления об институциональной реформе и рационализации Народно-освободительной армии Китая в 1980-х годах] // 军事历史研究. 2008. №4. С. 43-47.

СССР начать вывод войск с Дальнего Востока угроза со стороны Советского Союза заметно снизилась¹⁴⁶. Хотя Китай полностью не исключал возможность конфликта с Москвой, улучшение отношений, завершившееся их нормализацией в мае 1989 г., устранило главную угрозу безопасности страны, которая существовала с 1960-х годов.

В стратегических установках 1988 года акцент был перенесен с конкретного противника на типы возможных военных конфликтов. Основное внимание уделялось подготовке к локальным войнам (局部战争) и вооруженным конфликтам (武装冲突), преимущественно связанным с территориальными спорами и защитой суверенитета¹⁴⁷. Впервые был четко разграничены уровни стратегического и оперативно-тактического управления. Кроме того, был зафиксированы основные направления национальной обороны, лаконично изложенные в лозунге «укрепление северных рубежей, усиление южного направления и развитие морской составляющей обороны» (稳定北线, 加强南线, 强边固防, 经略海洋)¹⁴⁸.

В военно-стратегической обстановке Китая наметилась стабилизация на северных рубежах. Однако при этом фокус внимания был смещен к акватории Южно-Китайского моря и Вьетнаму, на границе с которым в 1980-е гг. происходили вооруженные инциденты, а также произошло вооруженное столкновение в архипелаге Спратли 1988 года. Одновременно напряженность возрастала на спорных территориях на китайско-индийской границе, кульминацией которой стало вторжение китайского отряда в долину Самдуронг Чу в районе Таванга. Конфликта удалось избежать, благодаря визиту министра иностранных дел Индии в Китай в мае 1987 года. При всем

¹⁴⁶ Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку Ордена Ленина // Горбачев-Фонд. 28.07.1986. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/rech_vladivostok_1986.pdf?ysclid=mna5pavby9291771184 (дата обращения: 28.03.2026).

¹⁴⁷ 陈舟: 试论中国维护和平与发展的防御性国防政策 [Чэнь Чжоу. Дискуссия об оборонительной политике Китая в области национальной обороны для поддержания мира и развития] // 中国军事科学. 2007. Vol. 20. № 6. С. 2.

¹⁴⁸ Там же. С. 4.

при этом, каждое из этих направлений требовало дифференцированных подходов и соответствующих военных возможностей.

Новые Руководящие принципы были утверждены на расширенном заседании ЦВС КНР в декабре 1988 года. Основным критерием военной работы была названа «боевая эффективность» (战斗力)¹⁴⁹. Ян Шанкунь, заместитель председателя и секретарь ЦВС КНР, определил ее широко — как совокупность качества управления, вооружений и техники, структуры и организации войск, стратегии и тактики, а также логистики и поддержки. Любое отклонение от этой цели считалось угрозой правильному развитию армии¹⁵⁰. Таким образом, ключевой задачей стало укрепление общей сдерживающей мощи Китая, что стало новым шагом по сравнению с прежней ориентацией на отражение возможного вторжения.

При этом можно заметить, что Руководящие принципы 1988 г. фактически продолжали линию военной доктрины 1980 г., но уже с акцентом на локальные войны как форму наиболее вероятного противостояния. Судя по источникам, в них не было принципиальных новшеств в вопросах ведения операций, поэтому оно не означало изменений в доктрине НОАК.

В июне 1988 г. ЦВС КНР официально обнародовал «боевые уставы третьего поколения», работа над которыми велась с 1982 по конец 1987 года. При их представлении отмечалось, что они основаны на опыте локальных войн в разных регионах мира, а также на «контрнаступательной операции» КНР против Вьетнама 1979 года. Основное внимание в уставах уделялось общевойсковым операциям, которые еще в доктрине 1980 г. были определены как ключевое направление. Документ рассматривался как важный шаг к созданию единого подхода к боевым действиям и совместной подготовке войск¹⁵¹.

¹⁴⁹ 毕文博: 论中国新时期军事战略思维 [毕 Вэньбо. О военно-стратегическом мышлении Китая в новый период] // 军事历史研究. 2004. № 2. С. 45.

¹⁵⁰ 杨尚昆: 杨尚昆回忆录 [Ян Шанкунь. Воспоминания Ян Шанкуна]. 北京: 中央文献出版社. 2001. С. 367.

¹⁵¹ 毕 Вэньбо. Указ. соч. С. 49.

В организационном плане изменений было немного. В 1987 г. НОАК завершила масштабное сокращение численности, начатое в 1985-м году. На расширенном заседании ЦВС КНР в декабре 1988 г. Ян Шанкунь подробно раскрыл значение сдерживающей роли военной силы в условиях международного соперничества за стратегическую инициативу. По его словам, Китай при развитии вооружений исходил из принципа объединения постоянных войск и резервов, обычных вооруженных сил и ядерного потенциала сдерживания. Главной задачей было последовательное повышение боеспособности и общего потенциала армии¹⁵².

Если возвращаться к сложившейся в китайском военном и экспертном дискурсах точке зрения на основные компоненты Руководящих принципов и их значение в формулировании военной политики страны¹⁵³, то целесообразно будет систематизировать проанализированные в данном параграфе Руководящие принципы по данным компонентам для выявления основного механизма изменения военной доктрины, а также общих черт, которые остаются, несмотря на изменяющиеся условия внешней среды (см. табл. 1).

Таблица 1.

Эволюция военной доктрины на основе Руководящих принципов ЦВС КНР

Название военной доктрины, год	Стратегический противник	Стратегическое направление	Форма ведения боевых действий	Оперативные принципы применения силы
Защита Родины, 1956 г.	США и союзники	АТР (угроза вторжения с моря)	оборонительная война, сочетание позиционной обороны с маневренными действиями; партизанская война	удержание укрепленных районов гарнизонными войсками, создание условий для маневра мобильных соединений, развитие ВВС, ПВО и «береговой обороны»
Соппротивление на севере, открытость на юге, 1960 г.	США и союзники	север (жесткая позиционная оборона); юг (заманивание вглубь, контратаки)	на севере — «пассивная оборона», на юге — «активная оборона»	отказ от уступки территории на севере, в южных районах — тактика мобильной войны

¹⁵² Ян Шанкунь. Указ. соч. С. 370.

¹⁵³ (1) определение стратегического противника; (2) основное стратегическое направление, такое как регион или направление; (3) «форма ведения боевых действий» и (4) оперативные принципы применения военной силы.

Заманивание противника в глубь территории, 1964 г.	неопределенный: возможные удары США, СССР, Тайваня	угроза по всей линии государственной границы	стратегическое отступление, затяжная война на истощение, партизанская и маневренная война	децентрализация обороны, участие ополчения, мобилизация промышленности
Активная оборона, 1980 г.	СССР	акцент на морском направлении	«позиционная война с фиксированной обороной», общевойсковые операции	эшелонированная оборона, межвидовое взаимодействие, переход к «обороне в ближних морях» вместо «береговой обороны»
Подготовка к локальным войнам и военным конфликтам, 1988 г.	Отсутствует (акцент на типах войн)	смещение акцента на юг и Южно-Китайское море	локальные войны и вооруженные конфликты, территориальные споры	приоритет «боевой эффективности»; развитие общевойсковых операций; укрепление сдерживающей мощи

Источник: составлено автором.

Таким образом, эволюция военной политики и доктринальных установок КНР во второй половине XX в. отражала постепенный переход от революционной стратегии народной войны к более институционализированной и технологически ориентированной системе национальной обороны. Первоначальные принципы, сформированные на основе опыта гражданской и антияпонской войн, — мобильность, опора на массовую мобилизацию и стратегия затяжного конфликта — долгое время оставались фундаментом китайского стратегического мышления. Однако по мере укрепления государственности, изменения международной обстановки и развития военных технологий данные установки подвергались существенной трансформации.

Руководящие принципы ЦВС КНР, принимавшиеся в разные периоды, отражали адаптацию китайской военной доктрины к конкретным внешнеполитическим и военно-стратегическим условиям. Если в 1950–1960-е гг. стратегия строилась вокруг подготовки к крупномасштабной войне с технологически превосходящим противником и допускала глубокое стратегическое отступление, то в 1970–1980-е годы приоритет постепенно смещался к созданию эшелонированной обороны, развитию общевойсковых операций и укреплению регулярных вооруженных сил. Одновременно происходило снижение роли партизанской войны как основного инструмента

борьбы и рост значения межвидового взаимодействия, механизации и системной подготовки войск.

К концу 1980-х гг. в условиях изменения глобального баланса сил и нормализации отношений с СССР китайское руководство пересмотрело саму логику стратегического планирования. Военная доктрина перестала ориентироваться на конкретного стратегического противника и стала исходить из вероятности локальных вооруженных конфликтов, связанных с защитой территориального суверенитета и национальных интересов. При этом центральным критерием развития армии была провозглашена «боевая эффективность», объединяющая организационные, технологические и управленческие аспекты военного строительства.

1.2. Военная организация КНР как субъект военной политики Китая

Составной частью общей системы государственной политики является военная политика, под которой в самом общем виде понимается система общественных взглядов, отношений и учреждений, а также определяемая ими деятельность государства и его отдельных структур, других социально-политических институтов общества, направленная на создание, подготовку и применение военной силы в политических целях¹⁵⁴. Главный смысл и предназначение военной политики состоят в определении возможности и пределов применения военного насилия в политических целях, руководстве военным строительством, планировании военных действий, ведении вооруженной борьбы. Сферу действия военной политики составляют властные отношения, непосредственно связанные с войной и армией.

На рубеже XVIII–XIX вв. военная политика выделилась в относительно самостоятельную отрасль политической деятельности. Войны того времени характеризовались возросшими масштабами, большим вовлечением в них экономических ресурсов и возникновением массовых армий. Руководство

¹⁵⁴ Военная энциклопедия: в 8 т. / Т. 6. М.: Воениздат, 2002. С. 476.

войнами от полководцев перешло в ведение дел специальных учреждений высокого военно-политического ранга: государственных военных советов или комитетов, министерств. За военной стратегией оставалось руководство вооруженной борьбой. Заново сформировавшийся уровень руководства войной и военным делом сначала стали называть «стратегией с большой буквы» или «политической стратегией», а после этого утвердилось новое понятие – «военная политика»¹⁵⁵.

В научной и экспертной литературе содержатся различные трактовки рассматриваемого понятия, которые различаются в степени детализации рассматриваемых составных частей военной политики, но в своей сути принципиально не противоречат друг другу. В рамках данного исследования автор будет подразумевать под военной политикой составную часть общей политики государства, непосредственно связанной с созданием военной организации, подготовкой и применением военных средств для достижения определенных политических целей по обеспечению военной безопасности страны¹⁵⁶.

Система официальных взглядов на использование средств военного насилия в политических целях находит свое выражение и закрепление в военной доктрине государства, которая определяется как «научно обоснованная и официально принятая на достаточно длительный период времени система официальных взглядов военно-политического руководства страны, руководящих установок, определяющих применение средств военного насилия в политических целях, характер военных задач и способы их решения, направленность военного строительства»¹⁵⁷.

Китайский подход к военной политике, как изложено в военно-теоретическом труде «Наука о военной стратегии» под авторством ректора

¹⁵⁵ Соколов А.В. Политический риск: от теории к практике. М.: «Поколение», 2009. С. 144.

¹⁵⁶ Лутовинов В. И. Военная политика Российской Федерации в современных условиях // Военная мысль. 2008. № 11. С. 2.

¹⁵⁷ Военно-юридический энциклопедический словарь / под общ. ред. А. В. Кудашкина, К. В. Фатеева. М.: За права военнослужащих, 2008. С. 71.

Национального университета обороны НОАК, генерала НОАК Сяо Тяньляна, представляет собой целостную и стратегически выверенную систему, построенную вокруг нескольких ключевых элементов. Ее фундаментом является принцип абсолютного руководства Коммунистической партии Китая (КПК), который гарантирует, что НОАК сохраняет безусловную верность Партии и служит главным инструментом защиты государственного суверенитета¹⁵⁸.

По своему характеру эта политика строго оборонительная. Ее основная стратегическая цель — защита национального суверенитета, территориальной целостности и интересов развития Китая, а не внешняя экспансия. Эта оборонительная позиция тесно интегрирована с общенациональной стратегией развития и служит обеспечению стабильности для достижения «великого возрождения китайской нации».

В целом можно отметить, что место военной политики в системе государственной политики определяется тремя моментами: во-первых, военная политика представляет собой часть государственной политики, поскольку она определяется целями, возможностями, политическим курсом государства. Во-вторых, военная политика активна по отношению к целому, способна оказывать на государство обратное воздействие, служить его инструментом, опорой или, наоборот, силой способной расшатать государственную власть. В-третьих, военная политика представляет собой реализацию военной стратегии государства. В данном исследовании автор будет придерживаться данного интегрального взгляда на военную политику, фокусируя внимание при этом на ее функциональное значение как инструмента обеспечения национальной безопасности.

Современная военная мысль (и отечественная, и зарубежная) трактует понятие военной стратегии, прежде всего, как сферу деятельности, направленную на оценку существующих внешних и внутренних военных

¹⁵⁸ 肖天亮: 战略学 [Сяо Тяньлян. Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社, 2020 年. 第53-65页.

угроз; определение стратегических целей военной организации государства; планирование строительства, развертывания и использования вооруженных сил в мирное и военное время¹⁵⁹. Таким образом под военной стратегией подразумевается механизм управления не просто вооруженными силами в боевых условиях, но всей военной организацией, под которой следует понимать совокупность органов государственного и военного управления, вооруженных сил государства, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также части производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту страны¹⁶⁰.

Говоря о *государственных и военных органах* КНР, в первую очередь необходимо обратить внимание на такую особенность их организации, как двойное партийно-государственное руководство вооруженными силами. Согласно традиционной формуле Мао Цзэдуна «партия командует винтовкой», руководство армией остается прерогативой КПК. Это положение закреплено юридически: согласно Закону КНР «О национальной обороне» 1997 г. (ст. 21), вооруженные силы КНР находятся под руководством КПК¹⁶¹. Тот же принцип подтверждается и в Уставе КПК (редакция XX съезда 2022 г.), где подчеркивается продолжение абсолютного партийного руководства армией и другими вооруженными формированиями¹⁶². Специальным органом

¹⁵⁹ Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия. М.: ЗАО Издательство «Аспект Пресс». 2014. С. 13.

¹⁶⁰ Военная организация государства // Справочник по терминологии в оборонной сфере. URL: <https://dictionary.mil.ru/folder/123102/item/129194/> (accessed: 08.02.2024).

¹⁶¹ 1997年中华人民共和国国防法 [Закон о национальной обороне Китайской Народной Республики от 1997 года] // 国防部网. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4876050.html> (дата обращения: 04.07.2025).

¹⁶² 中国共产党章程 (中国共产党第二十次全国代表大会部分修改, 2022年10月22日通过) [Устав Коммунистической партии Китая (с поправками XX съезда КПК, принятыми 22 октября 2022 года)] // 共产党员网. 2022. URL: <https://www.12371.cn/2022/10/27/ART11666845926836204.shtml> (дата обращения: 07.09.2025).

в ЦК КПК, отвечающим за вопросы национальной обороны, выступает Военный совет ЦК КПК (ВС ЦК КПК).

После принятия Конституции КНР 1982 г. на XII съезде КПК (1-11 сентября 1982 г.) управление всеми вооруженными силами страны было формально возложено на Центральный военный совет КНР (ЦВС КНР). Этот орган, согласно статьям 29 и 93 Конституции, стал высшей государственной военной структурой¹⁶³. Однако в реальности структура ЦВС КНР оказалась идентичной по персональному составу ВС ЦК КПК, что на практике делало разграничение номинальным. Отличие касается только в подчиненности данных органов: ВС ЦК КПК подотчетен съезду КПК, а ЦВС КНР – ВСНП и его Постоянному комитету. Кроме того, принимая во внимание, что в ст. 24 Устава КПК для ВС ЦК КПК определена функция «ответственность за партийную и политическую работу в армии, определение организационной системы и органов партии в армии», можно утверждать, что ВС ЦК КПК осуществляет руководство за деятельностью политических комиссаров в армии.

При этом стоит отметить, что Съезд КПК играет важную роль в военном строительстве. В частности, согласно решениям XIX съезда КПК определены три стратегические задачи военного строительства в Китае. Во-первых, достижение к 2020 г. серьезного прогресса в деле механизации и информатизации вооруженных сил, значительного повышения их стратегических возможностей. Во-вторых, осуществление к 2035 г. в основном модернизации оборонной инфраструктуры и армии Китая путем всеобъемлющей модернизации теории военного искусства, организационной и кадровой модернизации вооруженных сил, модернизации вооружения и военной техники. В-третьих, создание к середине 2049 г. полноценной

¹⁶³ 中华人民共和国宪法（1982年12月4日）[Конституция Китайской Народной Республики（4 декабря 1982 года）] // 中国人大. 1982. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/qt/gjxfz/2014-12/03/content_1888093.htm (дата обращения: 19.08.2025).

первоклассной по мировым стандартам армии¹⁶⁴. На 5-м пленуме ЦК КПК XIX созыва (26-29 октября 2020 г.) были предложены «Цели столетней борьбы в сфере военного строительства» (建军一百年奋斗目标), в котором внесена дополнительная цель — «ускорить комплексное развитие механизации, информатизации и интеллектуализации» к 2027 году¹⁶⁵.

Полномочия Государственного совета КНР и ЦВС КНР были конкретизированы в Законе КНР «О национальной обороне»¹⁶⁶. Согласно этому закону, Госсовет КНР должен руководить развитием национальной обороны, а ЦВС КНР осуществлять единое руководство всеми вооруженными силами страны, определять военную стратегию и планы ведения военных действий, руководить и управлять строительством НОАК и т.п.

Ряд функций эти органы должны выполнять совместно. Например, «развивать народное ополчение, осуществлять призыв на военную службу, руководить обороной границ, морской и противовоздушной обороной, защитой важных объектов и др.»¹⁶⁷.

Статья 17 Закона КНР о национальной обороне устанавливает основу для интеграции сил и средств высшего исполнительного и военного органов страны: «Госсовет КНР и ЦВС КНР создают механизм для координации решения основных вопросов национальной обороны. А соответствующие департаменты центральных государственных органов и органы ЦВС КНР

¹⁶⁴ 习近平：在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин выступил с докладом на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. 18.10.2017. URL: https://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 19.08.2025).

¹⁶⁵ 中国共产党第十九届中央委员会第五次全体会议公报 [Коммюнике Пятого пленарного заседания Центрального комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва] // 新华社. 29.10.2020. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-10/29/content_5555877.htm (дата обращения: 19.08.2025).

¹⁶⁶ 1997年中华人民共和国国防法 [Закон о национальной обороне Китайской Народной Республики от 1997 года] // 国防部网. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgrwx/flfg/4876050.html> (дата обращения: 04.07.2025).

¹⁶⁷ Бевеликова Н.М., Трошинский П.В. Развитие правового статуса Вооруженных сил Китая // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 15-30.

могут проводить заседания по мере необходимости для координации решения соответствующих вопросов национальной обороны»¹⁶⁸.

Статус Министерства обороны в руководящих документах КНР не указан, на что обращает внимание российский военный историк Б.Н. Горбачев, отмечая, что «в некоторых неофициальных материалах о Госсовете КНР сформулированы функции Минобороны как военно-административного органа Госсовета, который должен выполнять их под руководством Госсовета КНР и ЦВС КНР», при этом функции Министерства обороны КНР пересекаются с функциями структурных органов ЦВС КНР¹⁶⁹. Единственной отличительной чертой данного ведомства на основе анализа его деятельности может считаться представительская функция взаимодействия с руководством вооруженных сил иностранных государств, т.е. осуществление военной дипломатии.

В ноябре 2015 г. – январе 2016 г. начались военные реформы, одной из целей которых стало укрепление централизованной структуры руководства вооруженными силами по партийной и государственной линиям путем реорганизации системы высшего военного управления и расширения полномочий ЦВС КНР и его председателя Си Цзиньпина¹⁷⁰. Данная реорганизация происходила в духе реализации принципа «общее руководство Центрального военного совета» (军委管总), что, по мнению российского

¹⁶⁸ 1997年中华人民共和国国防法 [Закон о национальной обороне Китайской Народной Республики от 1997 года] // 国防部网. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4876050.html> (дата обращения: 04.07.2025).

¹⁶⁹ Горбачев Б.Н. Эволюция роли министра обороны в системе высшего военного управления КНР и отставка генерала Ли Шанфу // Российское китаеведение. 2024. №2 (7). С. 29-30. 19-41.

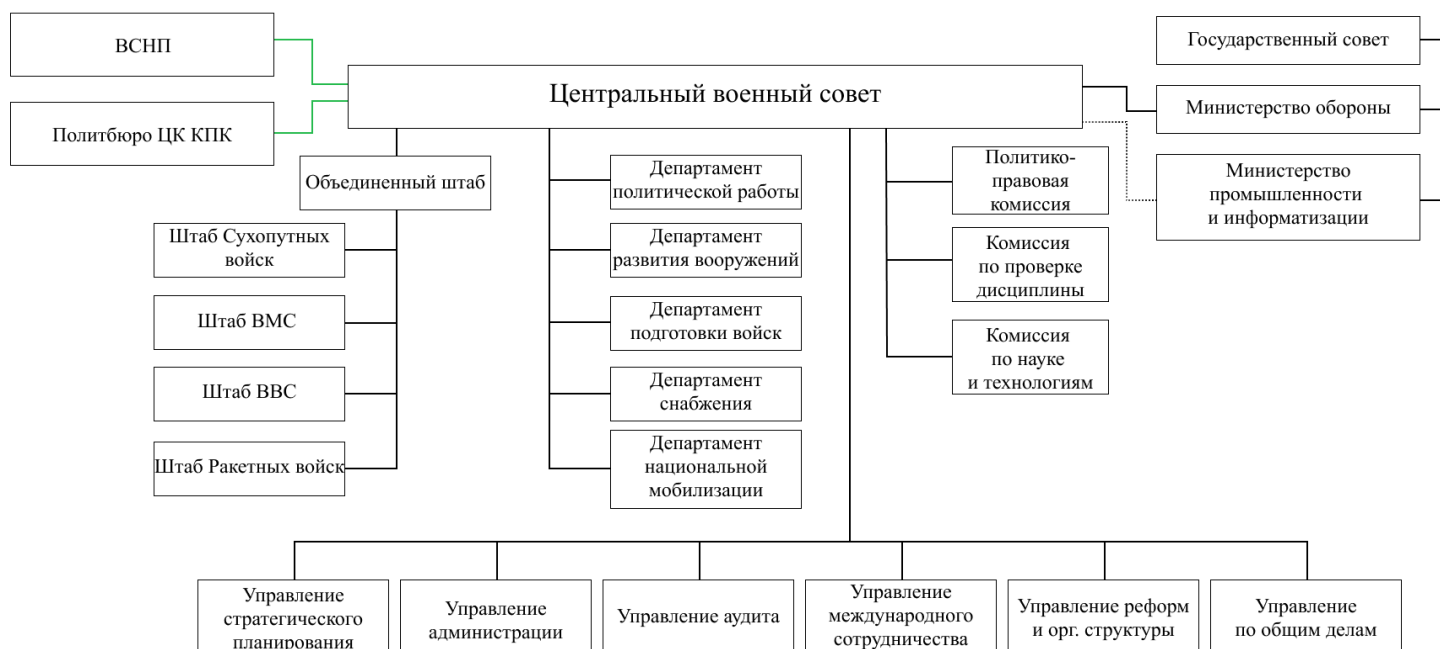
¹⁷⁰ Кокошин А.А. Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты // Российский совет по международным делам. 10.01.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voennaya-reforma-v-ksn-voenno-strategicheskie-politicheskie/> (дата обращения: 13.07.2025).

эксперта В.Б. Кашина, свидетельствует о беспрецедентной степени централизации китайской военной командной структуры¹⁷¹.

Были расформированы бывшие «четыре главных органа» НОАК: Генеральный штаб НОАК; Главное политическое управление НОАК; Главное управление тыла НОАК; Главное управление вооружений НОАК, – а большая часть их функций была передана сформированным тогда же 15-ти структурным органам ЦВС КНР (см. рис. 1).

Рисунок 1.

**Организационная структура системы высшего военного руководства и управления
КНР**

Источник: составлено автором на основе Kashin V. Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization // In: Alexei D. Voskressenski (ed.). China's Infinite Transition and its Limits Economic, Military and Political Dimensions. Palgrave Macmillan, 2020. P. 41-62.

Примечания: зеленым цветом выделены связи с теми органами, которым ЦВС КНР подотчетен. Пунктирной линией выделена связь с органом, который косвенно связан с ЦВС КНР.

Разделение четырех главных департаментов на пятнадцать более мелких структур привело к ослаблению военной бюрократии. Увеличилось

¹⁷¹ Kashin V. Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization // In: Alexei D. Voskressenski (ed.). China's Infinite Transition and its Limits Economic, Military and Political Dimensions. Palgrave Macmillan, 2020. P. 54.

количество вопросов, которые могли контролироваться непосредственно председателем ЦНС КНР и его личным аппаратом. Новая система предоставила Си Цзиньпину как председателю ЦВС КНР новые инструменты для реализации «Цели столетней борьбы в сфере военного строительства».

Если говорить о *структуре вооруженных сил*, то стоит отметить, что НОАК состоит из 4-х видов вооруженных сил: Сухопутных войск, Военно-морских сил, Военно-воздушных сил и Ракетных войск. Части первых трех видов ВС территориально распределены в пяти стратегических командованиях Западном стратегическом командовании (г. Чэнду), Восточном стратегическом командовании (г. Нанкин), Северном стратегическом командовании (г. Шэньян), Южном стратегическом командовании (г. Гуанчжоу) и Центральном стратегическом командовании (г. Пекин). Ракетные войска подчинены напрямую ЦВС КНР.

В ходе военных реформ, начатых в 2015-2016 гг. были созданы специальные рода войск, которые выполняют поддерживающую функцию для боевых подразделений: Объединенные силы материально-технической поддержки, Воздушно-космические силы, Силы киберпространства, Силы информационной поддержки. Данные службы напрямую подчинены ЦВС КНР.

В состав вооруженных сил КНР также входят части Народной вооруженной полиции Китая (НВПК), которая отвечает. В марте 2018 г. Береговая охрана Китая (один из родов ВМС НОАК) вошла в состав НВПК, обеспечив ей морской компонент для операционной деятельности. НВПК также находится под непосредственным контролем ЦВС КНР.

Курс на тесную интеграцию различных компонентов военной организации был продолжен в 2015 г. после принятия Закона «О национальной безопасности Китая». Ст. 78 данного закона предписывает всем элементам государственной власти поддерживать работу по защите национальной безопасности. В ней указано, что НОАК может играть важную роль в защите «зарубежных интересов», но для осуществления этой ответственности могут

потребуется ресурсы других структур¹⁷² (от государственных служб до общественных организаций).

Принятый в 2015 г. первый в истории КНР Закон «О противодействии терроризму» обеспечивает правовую основу для участия ВС КНР в контртеррористических операциях за рубежом. С точки зрения автора, это связано прежде всего со стремлением обеспечить интересы Китая применением военной силы против возможных проявлений между-народного терроризма в Афганистане, странах Южной и Юго-Восточной Азии (Пакистан, Мьянма, Шри-Ланка), где Китай на протяжении последних лет создает сеть опорных пунктов для военно-морских и военно-воздушных сил НОАК, а также в странах Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки с неустойчивыми политическими режимами, многие из которых являются для Китая источниками энергоносителей и стратегического сырья. Статья 71 уполномочивает НОАК и НВПК «отправлять персонал за границу для выполнения контртеррористических задач, утвержденных ЦВС КНР», хотя в ней не указан перечень возможных задач¹⁷³.

Важным компонентом военной организации КНР выступает **военно-промышленный комплекс**, который в Китае сложен с **научным комплексом**, выполняя задачи по обеспечения национальной безопасности. В настоящее время военная промышленность Китая имеет полную внутриотраслевую структуру, включая высокотехнологичные отрасли (атомная, ракетно-космическая, авиационная, радиоэлектронная). Во всех отраслях присутствуют производственные, ремонтные предприятия и научно-исследовательские организации. Производственная база позволяет осуществлять крупносерийное или массовое производство широкой

¹⁷²中华人民共和国国家安全法 - 全文 [Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики] / 国防部网. 01.07.2015. URL: http://www.81.cn/2018gjaqjyr/2017-04/07/content_8002237_3.htm (дата обращения: 30.05.2022).

¹⁷³中华人民共和国反恐怖主义法 [Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики] // 湘西州公安局. 27.12.2015. URL: http://gaj.xx.gov.cn/zwgk_149/fdxxgknr/zcwj/bmwj/202011/t20201127_1752204.html (дата обращения: 30.05.2025).

номенклатуры различных видов и типов вооружений и военной техники (ВВТ).

Как справедливо отмечают авторитетные российские эксперты в области военной политики Китая П.Б. Каменнов и Р.А. Полончук, основу китайского ВПК составляют 10 государственных военно-промышленных корпораций, которые можно распределить в 6 отраслей военной промышленности (см. табл. 2).

Таблица 2.

Военно-промышленные корпорации КНР

Отрасль	Наименование (рус.)	Наименование (англ.)
Авиационная промышленность	Китайская корпорация авиационного двигателестроения	Aero Engine Corporation of China (AECC)
	Корпорация авиационной промышленности Китая	Aviation Industry Corporation of China (AVIC)
Ракетостроение, освоение космического пространства	Научно-техническая корпорация космической промышленности Китая	China Aerospace Science and Technology Corporation (CAST)
	Научно-производственная корпорация космической промышленности Китая	China Aerospace Science and Industry Corporation (CASIC)
Электроника и информационные технологии	Научно-техническая корпорация электронной промышленности Китая	China Electronics Technology Group Corporation (CETC)
	Китайская производственная корпорация электронной информации	China Electronics Corporation (CEC)
Вооружение и военная техника	Корпорация оружейной промышленности Китая (Китайская северная индустриальная корпорация)	China North Industries Group Corporation (CNGC, NORINCO)
	Корпорация вооружения и военной техники Китая (Китайская южная индустриальная корпорация)	China South Industries Group Corporation (CSGC)
Ядерная энергетика	Китайская национальная ядерная корпорация	China National Nuclear Corporation (CNNC)
Судостроение	Китайская судостроительная корпорация	China State Shipbuilding Corporation (CSSC)

Источник: составлено на основе Каменнов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН. 2019. С. 163-165; Полончук Р.А. Политика в сфере обороны и

развитие военно-промышленного комплекса КНР в 2024 году // Российское китаеведение. 2025. №2(11). С. 13–35.

Данные компании имеют сложную внутреннюю структуру, включающую более 100 дочерних предприятий, напрямую подчиненных головной компании. Такая структура рассчитана на то, чтобы каждая военно-промышленная корпорация автономно осуществляла полный цикл создания образцов ВВТ: научные исследования, разработки, производство и реализацию как военной, так и гражданской продукции.

Задачи для функционирования ВПК и научного комплекса в Китае определяются решениями ЦВС КНР, который формулирует военную доктрину и конкретизирует направления военного строительства, а также Госсоветом КНР, который утверждает пятилетние планы, ставящие требования в т.ч. для ВПК. В частности, 14-й пятилетний план (2021 – 2026 гг.) в качестве основных указывает следующие направления военной политики на предстоящий период: реализации курса военно-гражданской интеграции, разработки прорывных технологий военного и гражданского назначения.

Среди приоритетных направлений, где необходимо объединить усилия оборонного и гражданского секторов, были упомянуты морские и космические технологии, технологии использования компьютерных сетей, кибер- и биотехнологии, технологии использования новых источников энергии, а также квантовые технологии¹⁷⁴.

Существенная модернизация парка вооружений и военной техники (ВВТ) связана с реформированием ВС Китая в рамках «Программы модернизации национальной обороны до 2049 г.» (2049军事复兴计划), в

¹⁷⁴ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и основные направления долгосрочных целей на период до 2035 года] // 新华社. 13.03.2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 16.09.2025).

соответствии с которой сокращается устаревшее ВВТ, активизируются научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР)¹⁷⁵.

Важным специфичным элементом военной организации КНР выступает концепция военно-гражданской интеграции (军民融合), суть которой заключается в объединении усилий военного и гражданского секторов для достижения долгосрочных стратегических целей. Конечным результатом усилий военно-политического руководства выступает создание единой военно-гражданской системы и единого стратегического потенциала Китая для достижения баланса между повышением экономической мощи государства и обеспечением национальной безопасности¹⁷⁶.

Согласно закону «О национальной обороне» (ст. 31, 32, 34), развитие оборонной науки, техники и промышленности, а также поддержание материальной базы оборонных научно-исследовательских работ и производства в необходимых масштабах и при рациональном размещении является прерогативой государства. В отношении предприятий и организаций, занятых оборонными НИОКР и производством, государство проводит политику предоставления льгот и преференций. Местным народным правительствам предписано оказывать содействие оборонным предприятиям. ВПК в своей деятельности осуществляет курс на сочетание условий мира и войны (т. е. выпускает как военную, так и гражданскую продукцию). Однако выпуск военной продукции в интересах обеспечения потребностей вооруженных сил, осуществляемый в соответствии с государственным

¹⁷⁵ 习近平:实现建军一百年奋斗目标,开创国防和军队现代化新局面 [Си Цзиньпин: Достичь цели к 100-летию со дня основания армии и создать новую ситуацию в модернизации национальной обороны и армии] // 《求是》杂志. 31.07.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202407/content_6965504.htm (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁷⁶ 阎学通:中美竞争的核心是技术 [Ян Сюэту. Основой китайско-американской конкуренции являются технологии] // 清华大学战略与安全研究中心. 02.12.2024. URL: <https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/zmgx/7675> (дата обращения: 16.09.2025).

оборонным заказом, является приоритетным (ст. 30)¹⁷⁷. Таким образом, Закон предполагает осуществление единой государственной политики в военной области и создает юридическую обязанность концепции военно-гражданской интеграции (ВГИ).

Курс на развитие ВГИ отразился на структуре военной организации КНР. Одним из шагов в этом направлении стало объединение управления промышленностью и информационными технологиями в рамках Госсовета КНР. В 2008 году для этих целей было создано Министерство промышленности и информатизации, которому было подчинено новое Государственное управление оборонной науки, техники и промышленности (ГУОНТП). Основной функцией ГУОНТП стала координация взаимодействия предприятий и научных центров при выполнении заказов на НИОКР и выпуск военной продукции. Управление распределяет задания между организациями, в том числе используя конкурсные процедуры.

Масштабные реформы 2015–2016 гг. привели к созданию в структуре ЦВС КНР нового руководящего органа – Комиссии по науке и технологиям, отвечающей за координацию военных и гражданских НИОКР в рамках ВГИ. Одновременно в Министерстве промышленности и информатизации был образован департамент военно-гражданской интеграции. В 2016 г. при Управлении стратегического планирования ЦВС появилось Бюро военно-гражданской интеграции, взаимодействующее с Комитетом по развитию и реформам Госсовета КНР. Этот орган стал основным проводником вовлечения гражданского сектора в оборонную промышленность, тогда как на ГУОНТП возложили функции по снятию барьеров для конверсии оборонных технологий¹⁷⁸.

¹⁷⁷ 中华人民共和国国防法 [Закон КНР о национальной обороне]. 1997. URL: https://xzca.miit.gov.cn/zwgk/zcwj/flfg/art/2022/art_b0172c706da44ac1a2b19ab25fb13a90.html (дата обращения: 04.01.2024).

¹⁷⁸ Каменнов П.Б. Военно-гражданская интеграция в КНР на современном этапе: достижения и проблемы // Проблемы Дальнего Востока. 2022. Т. 5. С. 119-131.

Система организации ВГИ в Китае построена следующим образом: Бюро военно-гражданской интеграции формирует стратегию и планы, Комиссия по науке и технологиям координирует процессы со стороны ЦВС, а Министерство промышленности и информатизации – со стороны Госсовета. При этом специальные подразделения в штабах видов вооруженных сил обеспечивают внедрение программ на уровне предприятий, компаний и частных организаций, связанных с ВПК. В 2017 г. был образован Центральный совет по интегрированному военно-гражданскому развитию (ЦСИВГР), ставший ключевым координационным органом по разработке стратегии в этой сфере. Он подотчетен Политбюро и его Постоянному комитету, а возглавляет его лично Си Цзиньпин¹⁷⁹, что подчеркивает статус, который военно-политическое руководство приписывает направлению ВГИ.

Практическая реализация планов ВГИ возложена на государственные оборонные корпорации, частные компании, университеты и научные институты, занимающиеся НИОКР в сфере военных и двойных технологий. Важным направлением остается распределение ресурсов между приоритетными проектами и подготовка кадров¹⁸⁰. Стоит отметить, что привлечение к военному строительству таких органов Госсовета КНР как Министерства промышленности и информатизации и Комитет по развитию и реформам позволяет привлекать в данную область ресурсы, которые не учитываются в военном бюджете¹⁸¹.

Результатом функционирования военной организации выступает реализация военной стратегии. В Китае военная стратегия носит «объективно-субъективный характер», что отражает марксистско-ленинский взгляд на

¹⁷⁹ Кашин В.Б. Китайские реформы системы управления военными инновациями: ответ на американскую "третью стратегию компенсации"? // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2017. №4. С. 50.

¹⁸⁰ Понин Р. Военно-гражданская интеграция секторов экономики в Китае // Зарубежное военное обозрение: ежемесячный информационно-аналитический иллюстрированный журнал. 2022. № 2. С. 9-13.

¹⁸¹ Гордиенко Д.В. Военная политика Китайской Народной Республики. М.: Издательский дом «Научная библиотека». 2025. С. 140-141.

военную стратегию. Согласно этому понятию, стратегия представляет собой нелинейную диалектику между объективной реальностью и субъективной инициативой¹⁸². Задачей стратегии (и стратега) является оценка объективной реальности, то есть существующей стратегической среды, а затем использование субъективной инициативы для изменения этой реальности таким образом, чтобы это соответствовало цели стратегии. Синтез объективной реальности и субъективной инициативы приводит к созданию новой, более выгодной объективной реальности. Концепция объективно-субъективного характера выработки военной стратегии, первоначально представленная в 2002 г. в статье профессора Академии военных наук НОАК У Чуньцю под названием «Диалектика и изучение большой стратегии: взгляд китайцев»¹⁸³, по-прежнему закреплена в доктрине НОАК, о чем свидетельствует издание «Науки военной стратегии» 2020 года

Военная доктрина служит фундаментом для организации обороны и построения вооруженных сил любого государства. Ее формальное воплощение варьируется в зависимости от исторических особенностей каждой страны и сложившейся системы права. В таких государствах, как Россия и США, она существует в виде специального документа. В других случаях, как например в Китае, военная доктрина представляет собой совокупность идей и концепций, предложенных военно-политическим руководством страны и находящихся дальнейшую проработку в трудах военных теоретиков.

Доктринальные положения содержатся и в законе «О национальной обороне»¹⁸⁴, где определены цели и принципы национальной обороны, система управления военной организацией, пространства / домены (空间), в

¹⁸² 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京:军事科学出版社 [Издательство военных наук]. 2013. 319 с.

¹⁸³ 吴春秋: 辩证法与大战略研究:一种中国观点 [У Чуньцю. Диалектика и исследование общей стратегии: взгляд Китая]. 北京: 中国军事科学. 2002. Р. 120-134.

¹⁸⁴ 1997年中华人民共和国国防法 [Закон о национальной обороне Китайской Народной Республики от 1997 года] // 国防部网. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4876050.html> (дата обращения: 04.07.2025).

которых национальная оборона должна вестись (суша, море, воздух, киберпространство, космос и электромагнитная сфера), зафиксирована стратегическая концепция «активной обороны» и т.д.

При этом следует отметить, что в китайской стратегической и политической культуре военные доктрины публикуются не в виде отдельных документов, а в виде «идей» или «Руководящих принципов» (中央军事委员会军事战略方针), которые принимаются на расширенных заседаниях ЦВС КНР. Данную особенность следует рассматривать как специфичную черту китайской правовой системы, которая в отличие от романо-германской и англо-саксонской правовых семей не тяготеет к высокой степени кодификации системы взглядов на характер военных задач и способы их решения, а также основные направления военного строительства.

Сами китайские теоретики считают эти Руководящие принципы «ядром и обобщенным воплощением военной стратегии»¹⁸⁵. Руководящие принципы состоят из четырех компонентов: (1) определение стратегического противника; (2) основное стратегическое направление, такое как регион или направление; (3) «форма ведения боевых действий» и (4) оперативные принципы применения военной силы¹⁸⁶. Руководящие принципы издает высший военный орган Китая – Центральный военный совет КНР. Затем они формируют военную доктрину, структуру сил, определяют направления военного строительства и т.д.

Таким образом, военная организация КНР представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой ключевую роль играет принцип абсолютного партийного руководства вооруженными силами. Центральное место в данной системе занимает Центральный военный совет, который обеспечивает стратегическое руководство, определяет направления военного

¹⁸⁵ 王文荣: 战略学 [Ван Вэньжун. Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社. 1999. 427 с.

¹⁸⁶ 夏明星: 改革开放以来中国军事战略方针调整探微 [Ся Синсин. Исследование корректировки Руководящих принципов ЦВС КНР после начала политики "реформы и открытости"] // 党史博采(上). 2021. № 03. С. 23-27.

строительства и координирует деятельность всех компонентов оборонной системы государства. Современная структура военной организации Китая характеризуется высокой степенью централизации управления, усилением роли партийных институтов в военной сфере и интеграцией различных силовых структур — НОАК, Народной вооруженной полиции и народного ополчения.

Одновременно важным элементом данной системы выступает военно-промышленный комплекс, тесно связанный с научно-технологическим сектором и реализующий задачи модернизации вооруженных сил в рамках долгосрочных государственных программ. Реализация принципа военно-гражданской интеграции обеспечивает объединение ресурсов военного и гражданского секторов, что способствует ускоренному развитию оборонных технологий и укреплению совокупного стратегического потенциала страны. В совокупности данные элементы формируют институциональную основу военной политики КНР, обеспечивая ее реализацию как на стратегическом уровне, так и в сфере практического военного строительства.

1.3. Концептуальное обеспечение военной политики Китая

Важным каркасом развития военной доктрины Китая выступают военно-стратегические концепции, которые находят свою интерпретацию в трудах военных теоретиков, заявлениях военно-политического руководства и Руководящих принципах ЦВС КНР.

Принципиальное значение для военной политики КНР имеют следующие концепции:

- концепция «активной обороны»;
- концепция «народной войны»;
- концепция сдерживания.

Одной из ключевых концепций, положенных в основу военной стратегии и военной доктрины КНР стала *концепция «активной обороны»* (积极防御). Эта концепция исходит из положения о противостоянии более сильному противнику и формулирует задачу сохранения сил с последующим

переходом к инициативе. В основе лежит идея не наступления из позиции превосходства, а преодоления слабости, характерной как для Красной армии в годы гражданской войны, так и для Китая в условиях противостояния с США и СССР в первые десятилетия существования КНР.

Термин «активная оборона» впервые появился в 1935 г. в партийном документе, подготовленном Мао Цзэдуном под заголовком «Проблемы стратегии в войне за независимость Китая»¹⁸⁷. В нем «активная оборона» рассматривалась в диалектическом единстве «стратегической обороны», когда в ответ на наступление противника армия совершает организованный отход вглубь территории, и «стратегического контрнаступления», когда с помощью маневра удается сформировать преимущество над силами противника на определенном участке фронта и сокрушить его. «Активная оборона» противопоставлялась «пассивной обороне», в которой главной целью выступает недопущение потери территорий и удержание противника на границах защищаемой территории. В этом подходе Мао Цзэдун видел «проявление мелкобуржуазного революционного фанатизма и нетерпения». Стоит отметить, что по задумке революционного лидера концепция «активной обороны» должна использоваться Красной армией Китая при столкновении с противником, обладающего численным и технологическим превосходством над ней. Эта логика была продолжением опыта партизанской войны конца 1920-х — начала 1930-х гг., где формула «враг наступает — мы отступаем, враг устал — мы атакуем» определяла тактику. Впоследствии Мао Цзэдун развил эти положения, определяя «активную оборону» как «наступательную оборону» или «оборону посредством решительных действий»¹⁸⁸. Она предполагала маневры, отступления и короткие сражения ради изматывания

¹⁸⁷ 陆振兴: 战略思维的光辉典范——重读毛泽东《中国革命战争的战略问题》 [Лу Чжэньсин. Яркий пример стратегического мышления - перечитывание книги Мао Цзэдуна "Проблемы военной стратегии в войне за независимость Китая"] // 解放军报. 28.10.2023. URL: http://www.81.cn/yd_208600/jdt_208601/16262704.html (дата обращения: 07.09.2025).

¹⁸⁸ Мао Цзэдун. О затяжной войне. 1938. URL: http://library.maoism.ru/on_protracted_war.htm (accessed: 12.09.2025).

врага, а не удержания территории, с тем чтобы в стратегической обороне создавать условия для перехода в контрнаступление.

После образования КНР концепция «активной обороны» сохранялась как базовый принцип военной доктрины и в дальнейшем была переосмыслена военно-политическим руководством КНР как сочетание упреждающих наступательных действий и длительной стратегической обороны. При этом основной акцент оставался на ожидании удара и контратаке, что связывалось также с представлением о «справедливой войне». В этом контексте акцент по-прежнему делался на противодействии действиям противника, которые наносили ущерб основным интересам Китая, особенно потенциальному стремлению Тайваня к независимости¹⁸⁹.

Продолжающийся акцент на «активную оборону» имеет несколько последствий для понимания подхода Китая к военной стратегии. Во-первых, цели, ради которых Китай готовится применить силу, являются оборонительными (защита страны от вторжения, отстаивание территориальных претензий в спорах с соседними государствами). Во-вторых, подразумевается, что Китай является более слабой стороной и, следовательно, более уязвимой, что «делает ставку на использование наступательных действий для достижения оборонительных целей»¹⁹⁰. В-третьих, Китай не будет атаковать первым, а вместо этого сосредоточится на контратаке, как только произойдет нападение на Китай. Мао Цзэдун выдвинул эту идею в 1939 г., когда сказал, что «人若犯我，我必犯人» («мы не будем атаковать, если на нас не нападут, но, если нападение произойдет, мы в долгу не останемся»). Этот аспект подчеркивает эффективное использование наступательных действий на оперативном и тактическом уровнях, избегая сильных сторон противника и концентрируясь на создании асимметричных преимуществ,

¹⁸⁹ 陈浩: 中国军事战略思维的守正与创新 [Чэнь Хао: Целостность и инновационность военно-стратегического мышления Китая] // 南方论刊. 2023. № 09. С. 42-47.

¹⁹⁰ Fravel M.T. Active defense: China's military strategy since 1949. Princeton University Press. 2019. P. 63.

чтобы «превратить то, что уступает, в то, что превосходит»¹⁹¹. Этот посыл сохраняет актуальность на протяжении нескольких десятилетий. В частности, в ст. 6 закона КНР «О национальной обороне» (1997 г.) «активная оборона» идентифицируется как один из фундаментальных принципов военной политики КНР¹⁹².

В период гражданской войны также была сформулирована концепция *народной войны* (人民战争), которая формировалась через практику локальной обороны, партизанских действий и ополчения, поддерживавших регулярные силы. Мао Цзэдун впервые описал данную концепцию только в апреле 1945 г. в докладе Седьмому съезду КПК¹⁹³. Будущий председатель КНР рассматривал революционные войны как затяжные конфликты, проходящие через три стадии: стратегическую оборону, стратегический застой и стратегическое наступление. Такой характер войны объяснялся не только военной слабостью, но и необходимостью времени для мобилизации населения, создания политической базы и постепенного истощения противника. Партизанская война, хотя и часто отождествляемая с народной войной, занимала центральное место лишь на стадии стратегического спада, тогда как стратегическая оборона и наступление основывались на мобильных действиях регулярных войск.

Народная война стала основой формирования вооруженных сил КПК. Армия рассматривалась как принадлежащая народу и подчиненная политическим задачам партии, что подчеркивалось в докладе Ма «Об искоренении ошибочных взглядов в партии» на 9-й партийной конференции

¹⁹¹ Каменев П.Б. Китай: принципы активной обороны // Международная жизнь. 2010. No 4. 20 с.

¹⁹² 1997年中华人民共和国国防法 [Закон о национальной обороне Китайской Народной Республики от 1997 года] // 国防部网. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4876050.html> (дата обращения: 04.07.2025).

¹⁹³ 毛泽东选集. 第二版. 第三卷 [Избранные произведения Мао Цзэдуна. Второе издание. Том третий]. 北京: 北京工业大学出版社. 1991. С. 1038-1041.

4-го корпуса Красной Армии Китая¹⁹⁴. Помимо боевых функций, армия участвовала в политической мобилизации, сельскохозяйственном производстве и других видах деятельности, облегчая экономическое бремя крестьян и укрепляя связи с населением.

После 1949 г. значение народной войны изменилось. Термин получил широкое распространение в конце 1950-х гг. и был переосмыслен в годы Культурной революции, когда представлялся как подлинно китайская стратегия и воплощение военного гения Мао Цзэдуна. За пределами Китая он ассоциировался с идеей континентальной обороны и ставкой на численное превосходство в условиях затяжного конфликта. В 1980-х гг. концепция была адаптирована к современным условиям, хотя преувеличение роли партизанских и иррегулярных сил зачастую искажало ее реальное содержание.

В более широком смысле народная война после 1949 г. закрепила установку на мобилизацию населения и ресурсов в случае крупного конфликта. В современной военной мысли данная концепция получила второе дыхание и была облечена в новые аналитические рамки: посыл всеобщей мобилизации уступил место курсу на «военно-гражданскую интеграцию» (军民融合). Китайский исследователь военно-стратегической мысли современного Китая Лю Вей, подчеркивая эволюционную преемственность этих двух концепций, предложил интерпретировать концепцию военно-гражданской интеграции как «новый тип народной войны» (新型人民战争)¹⁹⁵. Нынешнюю форму концепции «народной войны» предложил Председатель Цзян Цзэминь¹⁹⁶. Основная ее цель состоит в том, чтобы гражданский и военный секторы усиливали себя при взаимодействии, используя друг друга в

¹⁹⁴ Мао Цзэдун. Об искоренении ошибочных взглядов в партии. 1929. URL: http://library.maoism.ru/about_extermination.htm (дата обращения: 19.08.2025).

¹⁹⁵ 刘威: 新形势下军民融合是人民战争思想的创新发展 [Лю Вей. В новой обстановке военно-гражданская интеграция является инновационным развитием идеи народной войны] // 社会科学 [Общественные науки]. 2016. № 12. С. 12-32.

¹⁹⁶ 彭光谦, 姚有志: 战略学 [Пэн Гуанцян, Яо Юйю. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社 [Пекин: Издательство военных наук], 2005. С. 376.

качестве рычагов для содействия модернизации и научному развитию технологий и отраслей двойного назначения¹⁹⁷. На практике это также легитимизирует использование гражданских материальных средств и персонала для обеспечивающих функций НОАК.

Тесно сопряжена с концепцией «народной войны» концепция «триединой системы вооруженных сил» (三结合). Исходя из нее вооруженные силы КНР состоят из двух регулярных компонентов — Народно-освободительной армии Китая и Народной вооруженной полиции и одного иррегулярного — народного ополчения. Таким образом, в этой системе важное место осталось за народным ополчением как за массовым организованным резервом вооруженных сил, главным ресурсом для развертывания НОАК, а также для создания формирований гражданской обороны и партизанских отрядов¹⁹⁸.

Важную роль в политических и экспертных обсуждениях играет *концепция сдерживания*, известная в Китае как «вэйше» (威慑). Как поясняют генералы НОАК Пэн Гуанцянь и Яо Ючжи, суть этого подхода заключается в том, чтобы подчинить себе противника, либо демонстрируя военную силу, либо угрожая ее применить¹⁹⁹. Эта комплексная модель разрабатывается, в частности, в Университете национальной обороны КНР, который находится в ведении Центрального военного совета и занимается подготовкой командного состава для армии. Исследователи этого вуза трактуют сдерживание как инструмент, позволяющий избежать прямого столкновения, но при этом достичь своих стратегических целей — будь то

¹⁹⁷ 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社 [Пекин: Издательство военных наук]. 2013. С. 207-209.

¹⁹⁸ 朱毅, 陶红军, 魏化勇: 按照“双应”一体化要求加强和改进民兵建设 [Чжу И, Тао Хунцзюнь, Вэй Хуаюнь: Укреплять и совершенствовать структуру ополчения в соответствии с требованиями интеграции “двойного реагирования”] // 国防. 2006. №. 9. С. 2.

¹⁹⁹ Peng Guangqian, Yao Youzhi. The Science of Military Strategy. Beijing: Military Science Publishing House, 2005. P. 215.

предотвращение конфликта или подавление воли противника к сопротивлению (抵抗意志)²⁰⁰.

В академическом труде «Наука о стратегии», выпущенном тем же университетом, «вэйше» характеризуется как военная тактика, цель которой — заставить оппонента отступить, уступить или полностью сдаться (退让妥协或屈服)²⁰¹. Такая формулировка фактически объединяет понятия сдерживания и принуждения. Получается, что в военной мысли Китая эти два подхода действуют в связке: с одной стороны, это блокировка нежелательных действий, с другой — активное воздействие на поведение противника, что демонстрирует гибкость в стремлении к доминированию.

Несмотря на активное использование, концепция сдерживания до сих пор не получила четкого системного оформления в военно-политических документах Китая. В докладе Председателя КНР и Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина на XX съезде КПК в октябре 2022 г. была поставлена цель для НОАК «построить мощную систему стратегического сдерживания» (战略威慑力量体系), основанную на развитии как традиционного элемента сдерживания — ядерного оружия, так и «наращивания сдерживающего потенциала неядерных сил», в т.ч. с применением информационных систем²⁰². Однако сама по себе стратегия сдерживания не нашла свое отражение в отдельном концептуальном или доктринальном документе. Однако в работах китайских военных аналитиков начиная с 2000-х гг. обсуждаются различные аспекты стратегических и оперативно-тактических преимуществ стратегии сдерживания как, оптимального образа действия НОАК в будущих войнах.

²⁰⁰ 军事变革中的新概念：解读200条军事术语 [Новые концепции в военных преобразованиях: Интерпретация 200 военных терминов]. 北京：中国人民解放军出版社. 2004年. 第85页.

²⁰¹ 寿晓松：战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京：军事科学出版社, 2013年. 第135页.

²⁰² 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Выступление Си Цзиньпина на Двадцатом национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. 16.10.2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 11.04.2025).

В военно-экспертном сообществе Китая стратегия сдерживания воспринимается как многофункциональный механизм достижения политических интересов. Эксперты настаивают на применении комбинированных методов — военных, экономических, дипломатических и информационных. Вместо узкой концентрации на блокировке отдельных действий противника, китайские теоретики рассматривают сдерживание как элемент политического противостояния, где ограничение возможностей оппонента способствует решению стратегических задач государства²⁰³. Для них это часть более широкого политического противостояния, где ограничение чужих возможностей помогает решать собственные стратегические задачи. В этом контексте сдерживание — не самоцель, а средство. Как подчеркивают в китайских научных кругах, развитие этой концепции строится на трех китах: «объединении ядерных и обычных вооружений, сочетании сдерживания с реальными боевыми действиями и интеграции сдерживания в процесс управления конфликтами»²⁰⁴.

В настоящий момент китайская модель акцентирует гибкость и многоаспектность, превращая сдерживание в инструмент комплексного влияния, а не просто превентивного ограничения. Китайская модель включает в себя доктрины ядерного сдерживания (核威慑), сдерживания в космическом (太空威慑) и информационном пространствах (信息威慑)²⁰⁵.

Основная идея ядерного сдерживания базируется на демонстрации имеющегося ядерного арсенала или угрозе его использования, чтобы парализовать волю противника к военным действиям. Речь идет о сигналах готовности нанести удар или ответить, а также о неизбежных

²⁰³ Zhou Peng, Wen Enbing. Developing the Theory of Strategic Deterrence with Chinese Characteristics // China Military Science. Vol. 3. No. 20. 2004. P. 20.

²⁰⁴ 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第147页.

²⁰⁵ 中国人民解放军军语 [Военная терминология Народно-освободительной армии Китая]. 全军军事术语管理委员会. 北京: 国防大学出版社. 2011年. 第3页.

катастрофических последствиях применения такого оружия²⁰⁶. Ключевая задача — сформировать у оппонента психологический барьер, осознание того, что риски агрессии неприемлемо высоки. Если сдерживание работает, Китай получает возможность достигать своих целей, не допуская войны, не давая ей разгореться или удерживая ее в жестких рамках, если столкновение все же произойдет²⁰⁷.

В обычное, мирное время фундаментом сдерживания служат технологическая оснащенность и политическая воля. Однако в кризисных условиях критическую роль играет убедительная демонстрация готовности применить силу²⁰⁸. Сдерживание становится эффективным лишь тогда, когда у противника не остается сомнений: КНР применит ядерное оружие, если того потребуют обстоятельства. Развертывание ядерных сил — это не просто козырь в рукаве, а способ напрямую влиять на то, как оппонент просчитывает свои шаги. Хотя эти принципы отчасти напоминают западные подходы, китайская стратегия отличается особым упором на то, чтобы донести до противника абсолютную ясность: в случае эскалации ядерное оружие будет использовано.

В основе китайской ядерной доктрины лежит стратегия «ответного удара», а не гонка за численным паритетом с другими державами. Официально Пекин декларирует политику «неприменения первым», однако оставляет пространство для ее интерпретации. Вместо накопления гигантских запасов, приоритет отдается созданию компактных, но при этом «надежных» (可靠) и «убедительных» (可信) сил, способных гарантированно выполнить функцию

²⁰⁶ 陈浩: 中国军事战略思维的守正与创新 [Чэнь Хао. Целостность и инновационность военно-стратегического мышления Китая] // 南方论刊. 2023年. 09号. 第42-47页.

²⁰⁷ Cheng D. An Overview of Chinese Thinking About Deterrence in NL ARMS Netherlands Annual Review of Military Studies 2020 ed. by F. Osinga, T. Weiss. Hague: Asser Press. 2021. Pp. 177-200.

²⁰⁸ 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第174页.

сдерживания²⁰⁹.

В военной доктрине Китая космическое сдерживание подразумевает использование космических сил и средств либо для предотвращения вооруженных конфликтов, либо для предотвращения их эскалации. Демонстрируя свою силу и решимость, НОАК хочет заставить потенциальных противников дважды подумать и изменить свои стратегические расчеты. Важно отметить одну вещь: космическое сдерживание не остается только в сфере космоса. Оно накладывается на ядерное, обычное и информационное сдерживание, создавая многоуровневый эффект на то, как противник воспринимает происходящее и принимает решения.

Группа авторов из Академии военных наук НОАК, возглавляемая Цзян Ляньцзю, рассматривает это в своей работе "Лекции по космическим операциям". Они указывают на несколько уникальных черт космического сдерживания. Во-первых, она имеет всеобъемлющий охват (全方位性) - это означает, что она затрагивает не только космические силы, но и наземные операции. Во-вторых, он довольно интегрирован (一体性) - его компоненты включают в себя не только военные, но и гражданские коммерческие структуры и инфраструктуру, такие как спутниковые группировки, наземные станции управления и каналы передачи данных. В-третьих, это требует целостного подхода (综合性), поскольку космические возможности влияют не только на вооруженные силы - они также формируют экономику, финансы и науку. Таким образом, ресурсы и успехи в любой из этих областей могут стимулировать или дополнять другие²¹⁰.

Профессор Академии военных наук НОАК Се Сян, специалист по военной стратегии, утверждает, что развитие информационных технологий и

²⁰⁹ 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] // 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 04.02.2025).

²¹⁰ 姜连举: 空间作战学教程 [Цзян Ляньцзю. Лекции по космическим операциям]. 北京: 军事科学出版社, 2013年. 第102页.

глобальная интеграция коренным образом изменили расклад сил в мире, сделав данные «главным орудием геополитического господства»²¹¹. Как следствие, киберпространство превратилось в арену жесткой конкуренции, где решается вопрос и национальной безопасности, и мощи государства. Атаки на информационные системы страны способны расшатать общество, ухудшить жизнь людей и даже поставить под удар само существование государства²¹².

Чтобы парировать эти угрозы, военно-политическое руководство Китая разработало концепцию «информационного сдерживания» (信息威慑). Ее цель заключается не в блокировке активности противника в цифровой среде, а в достижении конкретных политических результатов. Сдерживание сочетает в себя методы убеждения (например, демонстрацию способности вывести из строя системы врага) и прямого принуждения²¹³.

Исследователь стратегии военного сдерживания КНР Чжан Янь отмечает, что контроль над информацией особо значим в современных конфликтах, потому что угрозы лишить противника доступа к критическим данным может стать инструментом давления. Стоит подчеркнуть, что подобные последствия особенно страшны для государств с развитой цифровой инфраструктурой. Примечательно, что равные по технологическому уровню соперники взаимно сдерживаются, поскольку осознают катастрофические последствия атак. Однако в случае если страны находятся на разном уровне технологического развития и уровень цифровизации их не одинаков, то данное сдерживание будет ограничено. В то же время, если государство обладает ограниченным военным потенциалом, но располагает необходимой инфраструктурой и кадрами, то может воспользоваться своим киберпреимуществом для выведения из строя значимых информационных

²¹¹ Xie Xiang. National Security Strategy Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. P. 126.

²¹² Xiao Tianliang. The Science of Military Strategy. Beijing: China Aerospace Studies Institute. 2020. P.123.

²¹³ 张岩: 战略威慑理论的历史演进 [Чжан Янь. Историческая эволюция теории стратегического сдерживания] // 军事历史. 2018年. 02号. 第57页.

систем своего противника²¹⁴.

По мнению исследователя информационного домена в современных войнах и войнах будущего Е Чжэн, успешные кибератаки — основа информационного устрашения. Даже их потенциальное применение создает давление, а способность проводить масштабные операции в сетях целого государства или совершать атаки на государственные информационные ресурсы, может рассматриваться как фундамент сдерживания. Преимуществом таких атак выступает относительно низкая стоимость реализации при высоком ущербе от их применения (они способны дестабилизировать работу узловых элементов промышленности, транспортной, социальной инфраструктуры, военно-промышленного комплекса, элементов национальной обороны и т.д.). Множество векторов атак и сложность их отслеживания делают даже технологически сильного противника уязвимым, а сдерживание — более гибким, чем ядерное. Непредсказуемость последствий, включая трудности в идентификации источника атаки, снижает вероятность полномасштабного киберконфликта²¹⁵.

Специалист по применению информационных технологий в военной сфере Дин Ченг подчеркивает, что эффективное информационное сдерживание требует создания неопределенности: противник не должен понимать тактику, методы или границы ответных мер. Это заставляет его действовать осторожно. Например, в кризисной ситуации угроза взлома платежных систем или систем распределения электроэнергии может заставить оппонента отступить²¹⁶. Демонстрация устойчивости собственных информационных систем также играет роль сдерживания, так как демонстрирует высокую надежность

²¹⁴ 张岩：战略威慑理论的历史演进 [Чжан Янь. Историческая эволюция теории стратегического сдерживания] // 军事历史. 2018年. 02号. 第59-60页.

²¹⁵ Ye Zheng. Science of Information Operations Teaching Materials. Beijing: Military Science Publishing House. 2013. P. 28.

²¹⁶ Dean Cheng. PLA Perspectives on Network Warfare in “Informationized Local Wars” // The Heritage Foundation. 2022. P. 12.

информационных систем²¹⁷.

У китайских военных экспертов отдельно выделяется конвенциональное сдерживание (常规威胁). Они не рассматривают его как нечто отдельное – как ядерное, космическое или информационное сдерживание. Вместо этого они говорят об этом в контексте крупномасштабных обычных вооруженных сил²¹⁸.

На практике Китай осуществляет конвенциональное сдерживание, развертывая и демонстрируя высокотехнологичное оружие, особенно высокоточные боеприпасы большой дальности. Как отмечает военный эксперт Чжао Сицзюнь: «если вспомнить военные операции США в Ираке в 2003 году, то обычные вооружения не вызывают такой эскалации или негативной реакции международного сообщества, как ядерное оружие. Это делает их удобным инструментом в мирное время или в ограниченных конфликтах»²¹⁹. Это важно для Китая, потому что у он сталкивается с угрозой эскалации вблизи своих границ (на спорных территориях Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей, а также в Тайваньском проливе).

Ракетные войска НОАК играют здесь особую роль. Китайские эксперты отмечают, что эти силы выполняют двойную функцию – они используются как для ядерного, так и для обычного сдерживания при одинаковой структуре командования и с одинаковыми доступными средствами. Важную роль играет неоднозначность сигнала. Любая демонстрация силы с использованием ракет может быть как ядерной, так и обычной. Эта стратегическая неопределенность на самом деле усиливает эффект сдерживания.

В то же время эксперты склонны рассматривать обычное сдерживание как гибкое, ограниченное и практичное средство, то есть его можно использовать в гораздо более широком диапазоне ситуаций. Высокоточное

²¹⁷ Xiao Tianliang. The Science of Military Strategy. Beijing: China Aerospace Studies Institute. 2020. P. 123.

²¹⁸ Xiao Tianliang. The Science of Military Strategy. Beijing: China Aerospace Studies Institute. 2020. P. 134.

²¹⁹ 赵锡君: 慑战:导弹威慑纵横谈 [Чжао Сицзюнь. Война устрашения: комплексная дискуссия о ракетном сдерживании]. 北京: 军事科学出版社, 2005年. 第102-103页.

оружие становится инструментом политического влияния. И Китай настаивает на том, что применение силы направлено не на полное уничтожение, а на то, чтобы заставить противника сдаться, сесть за стол переговоров или отказаться от действий, которые идут вразрез с китайскими интересами²²⁰.

Стоит отметить, что Китай неуклонно превращает свои обычные ракеты в ключевую составляющую международных операций и наступательных действий. Гиперзвуковые планирующие летательные аппараты, противокорабельные баллистические ракеты, высокоточные крылатые ракеты - все это демонстрирует четкую направленность на создание серьезной неядерной огневой мощи. Это оружие уже может поражать укрепленные, движущиеся или скрытые цели на больших расстояниях, что повышает уровень угрозы для потенциальных противников даже при отсутствии ядерного оружия²²¹. Вдобавок ко всему, регулярные ракетные пуски, испытания вблизи спорных районов и крупномасштабные боевые учения - все это вписывается в стратегический план Китая, где демонстрация технической и оперативной готовности является основной частью сдерживания.

Таким образом, анализ концептуальных основ военной политики Китая показал, что она основана на трех взаимосвязанных военно-стратегических концепциях: "активной обороне", "народной войны" и концепции сдерживания. Со временем, по мере развития китайского военного мышления, они были адаптированы к изменяющимся международным условиям. Вместе они определяют основные правила применения военной силы, порядок подготовки вооруженных сил и общее стратегическое направление военной политики страны.

²²⁰ 凌胜银,彭爱华: 我国战略威慑能力建设研究 [Лин Шеньинь, Пэн Айхуа. Исследования по наращиванию потенциала стратегического сдерживания нашей страны]. 北京: 人民出版社. 2019年. 第82-83页.

²²¹ 郝晓雪, 王忠, 韩光松: 高超声速飞行器作战运用探要 [Хао Сяосюэ, Ван Чжун, Хань Гуансун. Исследование возможностей боевого применения гиперзвуковых летательных аппаратов] // 舰船电子工程, 2021年. 41(7)号. 第13-15页.

Стоит отметить, что данные концепции отражают реальный исторический опыт, определенные идеологические взгляды и практические цели обеспечения безопасности Китая. Если в первые годы существования государства основной упор делался на массовую мобилизацию и подготовку к длительной, затяжной войне. Со временем акцент сместился в сторону построения всеобъемлющей системы стратегического сдерживания, которая способна превентивно реагировать на возникающие военные вызовы и угрозы. Кроме того, в концептуализации военной политики Китая оформлено стремление объединить военные, экономические и технические ресурсы в единую систему. В настоящий момент эти концепции служат теоретической основой для дальнейшей модернизации НОАК и укрепления военной мощи Китая.

Завершая рассмотрение исторических и организационных особенностей военной политики Китая, стоит отметить, что военные действия первой половины 20-го века, наряду с вызовами, с которыми столкнулось молодое государство позже, оказали существенное влияние на военную политику Китая. Тогда были заложены основные принципы стратегического мышления, особенно идеи о мобильной войне, затяжных конфликтах и опоре на массовую мобилизацию. Эти принципы все еще живы в концепциях "народной войны" и "активной обороны", которые и по сей день остаются ключевыми элементами военной доктрины Китая.

Вместе с тем эволюция международной обстановки и изменение характера вооруженной борьбы обусловили постепенную трансформацию военной политики КНР. Если в первые десятилетия существования государства стратегия Китая ориентировалась на подготовку к масштабной войне с более технологически развитым противником и допускала глубокое стратегическое отступление с целью изматывания противника, то в последующий период акцент сместился на развитие регулярных вооруженных сил, совершенствование системы межвидового взаимодействия и повышение технологического уровня армии. К концу XX в. китайское военно-

политическое руководство стало рассматривать в качестве наиболее вероятных форм военного противоборства локальные вооруженные конфликты, связанные с защитой территориального суверенитета и национальных интересов.

Особенности институционального устройства военной организации КНР также оказывают существенное влияние на характер ее военной политики. Китайская модель управления вооруженными силами основана на принципе абсолютного партийного руководства армией, что обеспечивает тесную взаимосвязь между политическими целями государства и развитием военной силы. ЦВС КНР выступает ключевым органом стратегического управления, координирующим деятельность вооруженных сил, сил внутренней безопасности и военно-промышленного комплекса. Проведенные в XXI в. реформы системы военного управления были направлены на дальнейшую централизацию командной структуры, повышение эффективности управления и усиление контроля со стороны высшего политического руководства.

Важной особенностью современной военной политики Китая является также развитие военно-гражданской интеграции, предполагающей объединение ресурсов военного и гражданского секторов в интересах оборонного строительства. Такая модель позволяет расширить технологическую и экономическую базу военной мощи государства и обеспечивает долгосрочную модернизацию вооруженных сил. Одновременно она отражает стремление китайского руководства сформировать комплексный стратегический потенциал, в котором военные, экономические и научно-технологические ресурсы рассматриваются как взаимодополняющие элементы национальной мощи.

ГЛАВА II. ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ ПОСЛЕ 1993 ГОДА

Данная глава посвящена комплексному анализу военной политики КНР после 1993 года, когда произошел коренной пересмотр стратегических установок Народно-освободительной армии Китая. В ней последовательно рассматриваются этапы модернизации вооруженных сил в периоды руководства Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, характеризующиеся переходом к высокотехнологичным и информатизированным условиям ведения боя. Особый акцент сделан на расширении задач армии в рамках концепции «новых исторических миссий», направленной на защиту национальных интересов как внутри страны, так и за рубежом. Завершает главу оценка современных угроз безопасности Китая, включающая стратегическое противостояние с США и трансформацию характера современных вооруженных конфликтов.

2.1. Курс Цзян Цзэминя в военной политике Китая

В начале 1990-х гг. высшее партийное и военное руководство Китая считало, что обстановка в области региональной безопасности в Китае была наилучшей с 1949 г., во многом благодаря исчезновению советской угрозы с севера и окончанию холодной войны. Тем не менее, несмотря на отсутствие явной угрозы для безопасности Китая, ЦВС КНР начал разрабатывать одну из самых амбициозных версий руководящих принципов на сегодняшний день, стремясь развить потенциал для проведения совместных операций в широком диапазоне непредвиденных обстоятельств на своей периферии.

Руководящие принципы 1988 г., ознаменовали поворот в подготовке НОАК к ведению локальных войн, однако, в них не было указано, как они будут вестись. Конкретизация условий будущего военного конфликта заставило военно-политическое руководство КНР обратить внимание на возросшую роль технологического фактора в военных действиях, а также на специфику оперативно-тактических требований, которые новые технологии накладывали от вооруженные силы.

Война в Персидском заливе (1990-1991 гг.) стала для китайских военных стратегов поворотным пунктом. Быстрое и сокрушительное поражение Ирака силами коалиции показало, что традиционные представления о войне устарели. Это заставило военно-политическое руководство КНР начать пересмотр своих планов модернизации. Китайские военные теоретики и эксперты начали всесторонне изучать опыт войны, чтобы выработать новую доктрину — подготовку к «локальным войнам с применением высоких технологий», сделав ставку на современные технологии, а не на численность войск.

С марта по июнь 1991 г. высшее руководство НОАК провело ряд встреч на высоком уровне, посвященных анализу войны в Персидском заливе. В качестве председателя ЦВС КНР Цзян Цзэминь участвовал, по крайней мере, в четырех таких совещаниях, что свидетельствовало о серьезном внимании со стороны ЦВС КНР и Партии. Первое собрание прошло 12 марта 1991 г.: Генеральный штаб организовал симпозиум по войне в Персидском заливе в подготовке к более широкому общевойсковому семинару с участием оперативных подразделений. В начале июня были проведены дополнительные совещания, затрагивавшие вопросы электронной промышленности и более общие выводы о войне²²².

По итогам этих встреч Генеральный секретарь представил ЦВС КНР доклад о войне в Персидском заливе, в котором анализировались особенности конфликта и рекомендовалось «извлечь уроки» и углубить изучение военной стратегии и связанных с ней вопросов. Среди предлагаемых мер — оперативные приемы для противодействия технологически превосходящему противнику при использовании современной китайской техники и укрепление потенциала НОАК²²³.

²²² Dean Cheng. Chinese Lessons from the Gulf Wars in Andrew Scobell, David Lai and Roy Kamphau sen, eds., Chinese Lessons from Other Peoples' Wars. Carlisle: Strategic Studies Institute, Army War College, 2011. P. 153– 200.

²²³ 孔范军: 迟浩田传 [Кун Фаньцзюнь. Биография Чи Хаотяня]. 北京: 解放军出版社. 2009. С. 326.

В оставшуюся часть 1990-х гг. НОАК продолжала изучать этот конфликт и его влияние на преобразование ведения боевых действий. В 1992 г. глава Национального университета обороны Чжан Чжэнь отмечал, что война в Персидском заливе служит образцом для понимания характера современной войны²²⁴. В ходе обсуждений высшие офицеры сделали несколько предварительных выводов, которые повлияли на стратегию 1993 года. Во-первых, трансформация боевых действий в ходе этой войны была тесно связана с массовым применением высоких технологий: современная война становилась высокотехнологичной и многоплановой, включая радиоэлектронную борьбу и ракетные операции. Представители военного руководства подчеркивали, что конфликт приобрел многомерный характер и показал возрастание роли новых, наукоемких технологий как ключевого фактора победы.

Во-вторых, война в Персидском заливе рассматривалась как тип конфликта, с которым Китаю, вероятно, придется сталкиваться в будущем: локальные высокотехнологичные войны. Участники обсуждений выделяли целый перечень тем для изучения — радиоэлектронная борьба, противовоздушная оборона, мобильность войск, координация действий в воздухе и на море, оперативные схемы, структура сил, тыловое обеспечение и разведка.

В-третьих, вывод был таков, что Китай в тот момент оказался мало готов к такого рода локальным высокотехнологичным конфликтам. Стране не хватало передовых технологий, что делало ее уязвимой — отставание в технике рассматривалось как фактор, приводящий к пассивности и риску поражения. Руководство призывало отказаться от прежних позиционных советских подходов к ведению войны и искать новые оперативные концепции,

²²⁴ 张震: 张震军事文选, 下卷 [Чжан Чжэнь. Избранные военные очерки Чжан Чжэня, Т. 2]. 北京: 解放军出版社. 2005. С. 518.

соответствующие высоким технологиям и мобильным, интегрированным действиям²²⁵.

Эти три положения свидетельствовали о коренной смене базовых представлений о подготовке к войне и делали устаревшей стратегию, выработанную в начале 1980-х годов. Военные теоретики пришли к выводу о значительном сдвиге в характере боевых действий — от механизированной войны к информационно-технологической. Целями операций стали не столько завоевание территории, сколько подрыв общей боевой мощи противника посредством высокоточного оружия, средств разведки, радиоэлектронной борьбы и автоматизированных систем управления. Конфликт продемонстрировал интеграцию наземных, воздушных, морских, космических и электронных возможностей и подчеркнул роль C4ISR как «мультипликатора силы» для современного объединенного оперативного потенциала.

В речи от 9 ноября 1992 г. Цзян Цзэминь заявил о необходимости пересмотра военной доктрины. По его словам, «международная обстановка стремительно меняется, и мы должны внимательно следить за ее развитием, правильно определять наши военно-стратегические ориентиры»²²⁶. Он поручил, чтобы новые ориентиры опирались на концепцию активной обороны и учитывали «влияние высоких технологий на развитие военного дела и формирование качественной армии».

В начале декабря 1992 г. ЦВС провел небольшой симпозиум по вопросам военной стратегии, призванный проанализировать «международную стратегическую обстановку и тщательно изучить условия региональной безопасности» — это стало важным этапом в разработке нового руководства. Симпозиум открылся 5 декабря 1992 г.; в основу обсуждения лег отчет рабочей группы под председательством начальника Генштаба НОАК Чжан

²²⁵ Там же. С. 521.

²²⁶ 江泽民: 论国防与军队建设 [Цзян Цзэминь. О национальной обороне и строительстве армии]. 北京: 中央文献出版社. 2002. С. 74.

Ваньняня. Первоначально планировавшийся как внешнее заседание, он превратился в оживленную дискуссию, затронувшую оценку международной ситуации, региональной безопасности Китая, эволюцию стратегических ориентиров, вооружений, подготовки и кадров. Группа сосредоточилась на выработке ответов на четыре вопроса: «с кем мы будем воевать? Где мы будем сражаться? Каков характер войны, в которой мы будем сражаться? Как мы будем сражаться?»²²⁷.

Через два дня участники согласовали «базовые положения и содержание» новой стратегии. Они подтвердили идею, выдвинутую Дэн Сяопином еще в 1985 г., что полномасштабная тотальная война маловероятна, что мир и развитие остаются главными тенденциями, мир становится многополярным, а взаимозависимость снижает риск всеобщего конфликта. Вместе с тем локальные столкновения остаются неизбежными и наиболее вероятными для НОАК. В качестве отправной точки подготовки к военным действиям было выделено ведение высокотехнологичных локальных войн — вывод, во многом обоснованный уроками Персидского залива.

Фокус на таких конфликтах породил вопрос, как проводить «активную оборону» в новых условиях. Участники признали ценность традиционных подходов — например, захват инициативы через последующие удары и принцип «дороже техники — дешевле противника» — но также указали на новые требования: оперативность реакции, гибкость и эффективность подавления противника. Чжан Ваньнянь предложил концепции «кулаков» и «убийственных булав» как средства решения этих задач: «кулаки» (拳头) — мобильные силы с высокой оперативной маневренностью (особенно ВМФ, ВВС и обычные ракетные войска), которые могли бы быстро быть переброшены в театр конфликта для контроля ситуации; «убийственные

²²⁷ 郭相杰: 张万年传 [Го Сянцзе. Биография Чжан Ваньняня]. 北京: 解放军出版社. 2011. С. 4-5.

булавы» (杀手锏) — разработка продвинутых средств вооружения, способных реально «подавлять врага»²²⁸.

Расширенное заседание ЦВС КНР, прошедшее 13 января 1993 г. и продолжавшееся неделю, началось с доклада Цзян Цзэмина, в котором новые Руководящие принципы прямо связывались с уроками войны в Персидском заливе. Данные принципы положили начало доктрине «победа в локальных войнах в современных, особенно высокотехнологичных условиях». Председатель отметил, что применение высоких технологий приводит к беспрецедентной точности оружия и интенсивности операций, а также к проявлению внезапности, трехмерности (тесная связь сухопутных, морских и воздушных компонентов ВС), маневренности, скорости и глубины ударов. Поэтому, по его мнению, тот, кто превосходит в области высоких технологий, получает инициативу на поле боя²²⁹.

С 8 по 20 июня 1993 г. ЦВС КНР провел оперативное совещание, посвященное воплощению в жизнь нового курса. На совещании уточнялись основные принципы боевой готовности и будущих операций.

На совещании заместитель председателя ЦВС КНР Лю Хуацин сделал акцент на роли наступательных действий в военных кампаниях как средствах достижения стратегических целей. Сначала он отметил, что военная сила должна использоваться для сдерживания противника и недопущения войны, чтобы обеспечить развитие страны. Затем Лю Хуацин обратил внимание на то, что появление высокотехнологичных средств ведения войны поставило под вопрос прежний оборонительный подход НОАК: раньше делали ставку на мощную укрепленную оборону против крупномасштабного вторжения, но теперь, опираясь на опыт локальных конфликтов (включая Персидский залив), «ситуация изменилась». По его словам, инициатива в бою теперь во многом определяется способностью к активным нападениям и проведению мощных

²²⁸ Там же.

²²⁹ 江泽民: 江泽民文选. 第一卷 [Цзян Цзэминь. Избранные произведения Цзян Цзэмина. Т. 1]. 北京: 人民出版社. 2006. С. 285.

наступательных операций. Лю Хуацин считал, что урок поражения Ирака показал: отстающая по технологиям сторона, оставаясь в пассивной обороне, теряет инициативу; слабейшим государствам, таким как Китай, следует рассчитывать на активные наступления для захвата инициативы. Он допускал, что иракская попытка сконцентрировать удары раньше полного развертывания американских сил могла бы изменить ход событий, и ссылаясь на послевоенные китайские конфликты (например, пограничный конфликт с Индией), чтобы подчеркнуть, что без активных наступательных операций стратегическая цель обороны не достигается²³⁰.

Заместитель председателя ЦВС КНР Чжан Чжэнь предложил идею «комплексных операций с ударами по ключевым объектам» как основу военных операций. Он указал, что данная концепция отвечает тенденциям современных локальных войн: будущие конфликты будут в большей степени строиться на совместных действиях разных видов и родов войск и что именно совместные операции станут краеугольным элементом новой доктрины. Чжан Чжэнь подчеркнул, что технологический характер войны ставит под сомнение маоистский подход к концентрации сил ради «разрушительных сражений»: теперь концентрация должна базироваться не столько на численности личного состава, сколько на качестве и сосредоточении огневой мощи. Вместо прежнего «передового развертывания» потребуется использование высокой мобильности в ходе операций для достижения необходимой концентрации сил²³¹.

И Лю Хуацин, и Чжан Чжэнь согласились, что новая доктрина Китая должна учитывать ряд условий. Во-первых, военные действия должны служить политическим задачам и координироваться с экономической и дипломатической политикой. Во-вторых, при ограниченных ресурсах

²³⁰ 刘华清: 刘华清回忆录 [Лю Хуацин. Воспоминания Лю Хуацина]. 北京: 解放军出版社. 2004. С. 635.

²³¹ 张震: 张震军事文选, 下卷 [Чжан Чжэнь. Избранные военные очерки Чжан Чжэня, Т. 2]. 北京: 解放军出版社. 2005. С. 550.

модернизации необходимо разрабатывать способы ведения высокотехнологичной войны, ориентируясь на имеющееся вооружение и технику. Срочные шаги включали реформу подготовки и последующее переписывание оперативной доктрины. Также на совещании были рассмотрены и скорректированы оперативные предписания для различных стратегических направлений.

Вслед за публикацией Руководящих принципов последовала работа над воплощением военной доктрины «локальных войн в высокотехнологичных условиях» в реальность. Доктрина опиралась на реальные возможности войск и на поиск способов использовать уже имеющееся вооружение, способное компенсировать технологическое превосходство вероятного противника. Первоначально акцент делался на десантных и воздушно-десантных операциях, боях в городе и горах, блокадах, действиях на островах и ночных операциях — все это в условиях применения современных военных технологий.

В 1999 г. ЦВС КНР утвердил два крупных комплекта документов. Первый — это план операций. Среди них ключевым стал План совместных операций (联合作战纲要)²³² — первый документ НОАК, системно описывающий взаимодействие разных видов войск. В нем было закреплено, что будущие войны будут носить совместный характер и проходить в высокотехнологичной среде, включая операции по блокаде и захвату островов, отражение атак в приграничных районах и оборону воздушного пространства.

Эти планы стали отходом от тактики Мао Цзэдуна, ориентированной на легкую пехоту и концентрированные удары. Новая концепция 1999 г. определяла главную идею как комплексные действия с точечными ударами по ключевым элементам системы обороны противника, чтобы парализовать его

²³² См. 徐国成、冯梁、周振铎: 联合战役研究 [Сюй Гочэн, Фэн Лян, Чжоу Чжэньдуо. Исследование совместных операций]. 济南: 黄河出版社, 2004年, С. 25.

возможности. Были сформулированы десять новых принципов ведения кампаний, среди которых — подготовленность, инициативность, концентрация сил, нанесение глубоких ударов, внезапность и единая координация.

Второй свод документов включал боевые уставы, охватывающие оперативный и тактический уровень для разных видов войск. Всего их было издано 89, включая новые «Общие боевые принципы объединенной армии»²³³. Основным принципом стало ведение комбинированных, многоуровневых ударов. Уставы должны были отражать особенности локальных войн в современных технологических условиях. Они охватывали как общевойсковые соединения (дивизии, бригады, полки), так и ВМС, ВВС, ракетные войска, службы снабжения и технического обеспечения, всего — 83 документа для конкретных видов и родов войск.

Если говорить про военное строительство, то стоит отметить, что Руководящие принципы 1993 г. были приняты в период 8-й пятилетки (1991 – 1995 гг.), поэтому масштабные организационные реформы начались лишь с 9-й пятилетки (1996–2000 гг.)²³⁴. Основными концепциями для военного строительства стали «две фундаментальные трансформации» — переход от количественного роста к повышению качества и ориентация на «укрепление армии за счет науки и техники» (科技兴军).

В декабре 1995 г. рабочая группа во главе с начальником Генерального штаба Чжан Ваньнянем представила проект плана, который предусматривал «две фундаментальных трансформации»²³⁵: переход от подготовки к традиционным локальным войнам к войнам в условиях высоких технологий и смещение акцента от количества к качеству и наукоемким технологиям. Эти

²³³ 郝子舟、霍高珍: 战术学教程 [Хао Цзычжоу, Хо Гаочжэнь. Лекции по тактике]. 北京: 军事科学出版社. 2000年. С. 184—215.

²³⁴ См. 薛兴林: 战役理论学习指南 [Сюэ Синлинь. Исследование по теории боя]. 北京: 国防大学出版社. 2002年. С. 24-30.

²³⁵ 张万年: 张万年军事文选 [Чжан Ваньнянь. Избранные очерки по военному делу Чжана Ваньняня]. 北京: 解放军出版社. 2008. С. 517-522.

изменения были направлены на преодоление так называемых «трех несоответствий» — отставания НОАК от международного статуса Китая, мировых тенденций в военной сфере и требований современных локальных войн.

План предусматривал:

- сокращение армии до 2,5 млн военнослужащих и структурные реформы;
- модернизацию мобильных оперативных сил;
- развитие оборонных научных исследований и создание оружия с высоким сдерживающим потенциалом;
- усиление боевой готовности на юго-восточном направлении;
- реформу кадровой системы и повышение профессионализма офицеров;
- углубление нормативного регулирования и реформу системы тылового обеспечения²³⁶.

Центральным элементом плана стало укрепление армии за счет науки и техники: развитие оборонных исследований, совершенствование вооружений, рост технической подготовки кадров и создание современной системы управления инновациями. Военно-политическое руководство КНР, включая Цзян Цзэминя и Лю Хуацина, подчеркивали необходимость повышения качества армии и разработки «оружия нового типа», включая системы противовоздушной и противолодочной обороны, дальнобойные ударные средства, средства связи, разведки, радиоэлектронной борьбы и высокоточные вооружения.

Реформы по сокращению численности вооруженных сил имели широкий и заметный эффект. Прежде всего, они позволили повысить гибкость и эффективность командования. Это было достигнуто за счет ликвидации

²³⁶ 张万年: 张万年军事文选 [Чжан Ваньянь. Избранные очерки по военному делу Чжана Ваньяня]. 北京: 解放军出版社. 2008. С. 517-522.

дублирующих подразделений в высших звеньях управления, где ранее несколько органов могли выполнять схожие функции. В результате количество структурных подразделений в центральных департаментах, военных округах и службах было уменьшено более чем на 11%²³⁷.

Кроме того, была перестроена сама структура вооруженных сил. Основной задачей стало формирование более компактных, мобильных и разнообразных подразделений. В сухопутных войсках численность была уменьшена почти на 19% (часть дивизий и полков преобразована в подразделения Народной вооруженной полиции), численность ВМС сократилась на 11%, ВВС — на 12,6%, а 2-го артиллерийского корпуса, НОАК — менее чем на 3%²³⁸.

Наконец, была создана новая система управления вооружением и техникой. Для этого учредили Главное управление вооружений ЦВС КНР (中国人民解放军总装备部), которое централизовало контроль над разработкой, производством и испытанием вооружений.

Новые вызовы для развития военной стратегии Китая произошли после начала Соединенными Штатами и блока НАТО операции «Союзная сила» 1999 г., в ходе которой были проведены бомбардировки Югославии. Из данной операции военно-политическое руководство Китая сделало несколько ключевых выводов. Прежде всего, стало ясно, что информационное превосходство является решающим фактором в современных конфликтах. Успех группировки НАТО был достигнут во многом благодаря успешно реализованному контролю на поле боя и дезорганизации командно-управленческой системы противника. Это подтолкнуло военно-политическое руководство КНР к выводу, что без развития собственных информационных систем и вооружений Китай рискует оказаться уязвимым перед лицом угроз,

²³⁷ Laurie Burkitt Ms., Larry M. Wortzel Dr., and Andrew Scobell Dr., *The Lessons of History: The Chinese People's Liberation Army at 75*. US Army War College Press. 2003. P. 33.

²³⁸ Blasko, D.J. *The Chinese Army Today: Tradition and Transformation for the 21st Century*. New York: Routledge. 2006. P. 202.

которые создают актуальные технологические возможности потенциальных противников²³⁹.

Другим важным уроком стало понимание большого значения высокоточных воздушных ударов, включая применение стелс-технологий, для разгрома войск противника. Наличие данного компонента позволяет уничтожить военную инфраструктуру или поразить центры принятия решений и не требует наземного вторжения. Китай сделал вывод, что такого рода удары могут нанести большой ущерб в случае агрессии. Из этого было принято решение о развитии системы противовоздушной обороны и системы раннего предупреждения и обнаружения.

Кроме того, операция НАТО подтвердила, что будущее принадлежит интегрированным совместным операциям, объединяющим сухопутные, воздушные, морские компоненты вооруженных сил, а также привлекающих возможности державы использовать космическое и электромагнитное пространства для поддержки своих войск. На этом основании произошел переход от тактической модели простого взаимодействия родов войск к идее комплексной интеграции. Китайское военно-политическое руководство стало разрабатывать подходы к тому, чтобы наделить НОАК способностью проводить интегрированные операции, а также надежно защищаться от подобных операций со стороны противника. Отдельное внимание уделялось бесконтактным формам ведения войны, когда решающие удары наносятся дистанционно по системам управления, связи и обороны противника.

НОАК сделала акцент не на копировании действий НАТО, а на разработке собственных контрмер. Из этого выросла концепция «трех атак и трех защит»: атака на разведку, помехи и высокоточные удары противника, а также защита через раннее предупреждение, мобильность и системы ПВО. В целом, война в Косово подтолкнула Китай к ускоренной информатизации

²³⁹ 黄斌: 科索沃战争研究 [Хуан Бинь. Исследование войны в Косово]. 北京: 解放军出版社. 2000. С. 98.

армии и модернизации вооружений, подчеркнув, насколько велико его технологическое отставание от США.

Наконец, в политико-стратегическом плане война усилила восприятие Соединенных Штатов как «сильного врага», готового вмешаться даже в региональные конфликты. Это укрепило убежденность китайского руководства в необходимости готовиться к возможному военному противостоянию с США, в том числе в случае кризиса вокруг Тайваня.

Вторжение коалиционных сил в Ирак в 2003 г. убедило военно-политическое руководство КНР, что современные вооруженные конфликты приобрели комплексный и многоуровневый характер, где решающую роль играют не только классические боевые действия, но и невоенные формы военной активности. Они отметили, что ключевым фактором успеха американцев стало сочетание высокотехнологичных средств, информационных и сетевых возможностей, а также умение вести операции в новых сферах — космосе, киберпространстве и в электромагнитном спектре.

Китайские военные теоретики пришли к убеждению, что необходимо ускорить процесс информатизации НОАК, развивать силы кибер- и космических операций, а также уделять внимание многообразию задач армии: от классической войны до миротворческих миссий и операций по поддержанию стабильности. Был сделан акцент на том, что современные вооруженные силы должны быть готовы действовать не только на поле боя, но и в условиях кризисов, стихийных бедствий, массовых беспорядков или террористических угроз²⁴⁰.

Таким образом, опыт США в Югославии и Ираке стал для Китая подтверждением того, что армия XXI в. должна обладать универсальностью, уметь выигрывать войны в высокотехнологичной среде и одновременно решать широкий спектр небоевых задач для защиты интересов партии и государства как внутри страны, так и за ее пределами. Кроме того, Китай

²⁴⁰ 马永明, 刘晓莉: 伊拉克战争研究 [Ма Юнмин, Лю Сяоли. Исследование войны в Ираке]. 北京: 军事科学出版社. 2004. С. 153-154.

оценил военно-технический потенциал США и оперативно-тактические особенности его применения, что позволило начать осмысление особенностей потенциального военного конфликта с данной державой.

Если говорить о самих Руководящих принципах, в которых содержатся установки по изменению военной стратегии Китая с учетом новых реалий внешней среды, то стоит отметить, что доступный объем информации о содержании стратегического руководства 2004 г. крайне ограничен, поскольку официальные документы и публичные выступления, посвященные ему, не были опубликованы. Аналогично Руководящим принципам 1993 г., обновленная их версия продолжала исходить из концепции ведения локальных войн на периферии Китая, исключая сценарий полномасштабного вторжения на его территорию. Основное внимание уделялось юго-восточному направлению, что было связано с вероятностью конфликта вокруг Тайваня и возможным вмешательством США. Авторитетные военные источники отмечают, что Народно-освободительная армия Китая (НОАК) сохраняла приоритет на проведении совместных кампаний, определенных еще ранее как наиболее вероятных форм применения Китаем вооруженных сил, включая десантные операции, блокаду острова, а также контрнаступление в приграничных районах. Стратегическая формула 2004 г. сводилась к триаде: «сдерживание кризисов, контроль над обстановкой на поле боя, одержание победы в войнах» (遏制危机, 控制战局, 打赢战争), что означало усиление акцента не только на сдерживании и ведении боевых действий, но и на предупреждении и управлении кризисами²⁴¹.

Руководство было утверждено ЦВС КНР в июне 2004 года. Наиболее существенным изменением стало введение категории «условий информатизации» (信息化条件), заменившей прежнее понятие «условий высоких технологий». В ходе заседания председатель Цзян Цзэминь

²⁴¹ 闻宾: 定准军事斗争准备基点 [Вэнь Бинь. Заложите основу для подготовки к военизированной борьбе] // 学习时报. 03.06.2015. Р. А7.

подчеркнул необходимость адаптации подготовки НОАК к ведению локальных войн именно в условиях информатизации. По оценке ЦВС КНР, данное понятие отражало ключевую особенность современных военных действий, заключающуюся в их информационном измерении, что превращало «информационную войну» в основную форму вооруженных конфликтов XXI века²⁴². Цзян Цзэминь сформулировал задачу трансформации НОАК в направлении создания вооруженных сил нового типа, способных вести и выигрывать войны в условиях информационного противоборства²⁴³. Косвенное подтверждение нового стратегического курса было представлено в «Белой книге по обороне» 2004 г., где указывалось, что вооруженные силы должны ориентироваться на победу в локальных войнах в условиях информатизации²⁴⁴.

Термин «информатизация» (信息化)²⁴⁵ является концептом общегосударственного масштаба в Китае и охватывает как гражданскую, так и военную сферу. Он описывает процесс перехода от индустриального к информационному обществу за счет развития и применения информационных технологий. В военном измерении информатизация трансформирует способы формирования боевых возможностей и характер вооруженной борьбы. Информация становится как самостоятельной сферой, так и связующим звеном между традиционными средами — сушей, морем и воздухом. Ведение

²⁴² 任健: 作战条令概论 [Жэнь Цзянь. Введение в боевой устав]. 北京: 军事科学出版社. 2016年. С. 17.

²⁴³ 江泽民: 江泽民文选. 第三卷 [Цзян Цзэминь. Избранные произведения Цзян Цзэмина. Т. 3]. 北京: 人民出版社. 2006. С. 381.

²⁴⁴ 《2004 年中国的国防》白皮书 [Белая книга по национальной обороне Китая. 2004 г.] // 中国国务院新闻办公室. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cegv/chn/zywjyjh/t176681.htm> (дата обращения: 04.09.2025).

²⁴⁵ Буквальный перевод китайского военного термина «信息化战争» звучит как «информатизированная война», хотя в научном сообществе КНР встречается также вариант употребления «信息战», который можно перевести как «информационная война». Автор будет употреблять второй вариант данного термина, учитывая его широкое распространение в отечественном научном дискурсе. При этом следует учитывать, что понимание сущности информационной войны в китайском научном и военном сообществе шире, чем в российском.

войны в «информатизированных условиях» предполагает использование информационных технологий во всех звеньях военных операций: от сенсорных систем и электроники в вооружении до автоматизированных систем командования и контроля, а также до неклассических форм противоборства, таких как кибер-, электронная и психологическая войны²⁴⁶.

Информатизация вооружений повышает их точность и смертоносность, а сетевое объединение подразделений обеспечивает единую координацию боевых действий. Системы командования, управления, связи, компьютеров, разведки, наблюдения и рекогносцировки (C4ISR) становятся центральными элементами, позволяя обрабатывать большие массивы данных и интегрировать их в военные операции. В результате вооруженные силы получают повышенную эффективность, мобильность, адаптивность и способность к высокоскоростному реагированию. Современные операции в условиях информатизации характеризуются высокой динамикой, пространственной масштабностью, синхронностью действий в различных средах и устойчивостью к внешним условиям. Такие конфликты описываются как противостояние «систем систем»²⁴⁷, формируемых посредством интеграции информационных потоков, которые пронизывают все сферы военной деятельности.

Таким образом, эпоха Цзян Цзэминя стала периодом коренного пересмотра стратегических ориентиров. Под влиянием войны в Персидском

²⁴⁶ McReynolds, J., Mulvenon, J. The Role of Informatization in the People's Liberation Army under Hu Jintao in Roy Kamphausen, David Lai, and Travis Tanner, eds., *Assessing the People's Liberation Army in the Hu Jintao Era*. Carlisle: Strategic Studies Institute, Army War College. 2014. P. 211.

²⁴⁷ Система систем – военный термин, который подразумевает функциональную совместимость и синергизм систем командования, управления, связи, разведки, наблюдения и рекогносцировки в одной единой надсистемой. Система систем должна отвечать пяти характеристикам: операционной независимости составляющих ее систем, управленческой независимости систем, географическим распределением систем, способностью действовать в соответствии с изменяющейся обстановкой и эволюционным развитием. В китайской традиции под «системой систем» понимают «интеграцию информации и огня», то есть объединение разведывательных и сенсорных систем с высокоточными дальнобойными средствами поражения.

заливе и последующих конфликтов (Югославия, Ирак) китайское руководство осознало устаревание традиционных подходов, основанных на численности войск. Ключевым итогом этого этапа стало принятие Руководящих принципов 1993 г., закрепивших курс на подготовку к «локальным войнам в высокотехнологичных условиях». Были реализованы «две фундаментальные трансформации»: переход от количественного роста к качественному совершенствованию и от подготовки к традиционной войне к войне в условиях высоких технологий. Это повлекло за собой сокращение численности армии, структурные реформы (создание Главного управления вооружений) и начало процесса информатизации. Стратегический фокус сместился на юго-восточное направление и сдерживание потенциального вмешательства США.

2.2. Военная политика КНР при Ху Цзиньтао: эпоха «новых исторических миссий»

После прихода к власти в КНР председателя Ху Цзиньтао военная доктрина «победа в локальных войнах в условиях информатизации» получила непосредственное воплощение в характере и форме военных действий. В частности, в Руководящих принципах 2004 г. понятие «интегрированные совместные операции» (一体化联合作战) заменило ранее используемый термин «совместные операции». Впервые новая концепция получила официальное отражение в «Белой книге по национальной обороне» 2004 г., где указывалось, что вооруженные силы должны адаптироваться к требованиям интегрированных совместных действий. Еще ранее, в феврале того же года, она фигурировала в ежегодном руководстве Генерального штаба по подготовке войск, а впоследствии была закреплена на заседании ЦВС КНР 2005 года²⁴⁸. А в 2006 г. председатель КНР сформулировал базовую установку: «локальные войны в условиях информатизации представляют собой

²⁴⁸ 张玉良: 战役学 [Чжан Юйлян. Наука по военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社. 2006. С. 172.

противостояние «систем систем», где интегрированные совместные операции выступают основной формой ведения войны»²⁴⁹.

Ключевое различие между совместными операциями 1993 г. и интегрированными совместными операциями 2004 г. связано с характером взаимодействия различных видов вооруженных сил. Если прежняя модель предполагала лишь координацию действий посредством распределения задач, то новая модель ориентирована на их глубокую интеграцию в рамках единой сети командования и управления. Таким образом, благодаря информатизации НОАК переходит от параллельного взаимодействия отдельных служб к их объединению в рамках единой системы боевых действий.

Вслед за изменением формы операций трансформировались и основные принципы их ведения. В издании «Наука о кампаниях» 2006 г. фиксировалась формула «комплексные операции, подавление противника с помощью точных ударов» (整体作战, 精打制敌)²⁵⁰. В более поздних изданиях этого труда прослеживается дальнейшее развитие концепции: в 2012 г. акцент был сделан на «информационное господство, высокоточные операции, разрушение систем и общую победу», в 2013 г. — на «уничтожение стратегически значимых целей» как вариант «разрушения систем», а также на асимметричные действия и стремление к быстрому принятию решений²⁵¹.

Множественность формулировок объясняется незавершенностью разработки так называемых правил операций пятого поколения. Их создание началось в 2004 г. и завершилось в 2009 г., однако официального введения в действие так и не последовало. В 2010 г. отдельные положения были переданы войскам для апробации. По свидетельству генерала Ян Чжюаня, руководившего процессом, новые правила включали элементы информатизации, в частности информационную и радиоэлектронную

²⁴⁹ 胡锦涛: 胡锦涛文选, 第一卷 [Ху Цзиньтао. Избранные эссе Ху Цзиньтао, Том 1]. 北京: 人民出版社. 2016. С. 453.

²⁵⁰ Чжан Юйлян. Указ. соч. С. 176-177.

²⁵¹ 乔杰: 战役学教程 [Цяо Цзе. Лекции по науке ведения кампаний]. 北京: 军事科学出版社, 2012. С. 34.

борьбу²⁵². Они предусматривали не только обновленные положения по совместным кампаниям, но и одиннадцать планов по различным аспектам боевых действий, включая межвидовые операции, политическую работу, контртеррористическую деятельность и др.

В сентябре 2004 г., вскоре после принятия новых Руководящих принципов начались изменения в военном строительстве²⁵³. В частности, была сформирована обновленный ЦВС КНР, в состав которого впервые вошли командующие всех видов вооруженных сил, включая 2-й артиллерийский корпус, что свидетельствовало о возросшей роли совместных операций. Ранее преобладание представителей Сухопутных войск НОАК в ЦВС КНР и в руководстве военных округов ограничивали развитие межвидовой координации.

Несмотря на эти институциональные изменения, масштабная организационная реформа служб не проводилась. Вместо этого акцент был сделан на их модернизацию, особенно заметную в ВМС и ВВС НОАК. Так, число современных эсминцев и фрегатов увеличилось с 27 единиц в 2007 г. до 49 в 2014 г., а количество подводных лодок нового поколения возросло с 21 до 55 за тот же период. В военно-воздушных силах доля ударной и вспомогательной авиации приблизилась к 50%, что уменьшило прежнюю зависимость от перехватчиков, имевших ограниченные функции в сфере территориальной обороны. Параллельно НОАК приступила к созданию единой системы совместной логистики, призванной заменить разрозненные логистические подразделения отдельных видов войск²⁵⁴.

²⁵² 杨志远: 我军编修作战条令的创新发展及启示 [Ян Чжюань. Инновационное развитие и вдохновение пересмотренных боевых уставов нашей армии] // 中国军事科学. 2009. №6. С. 113.

²⁵³ 任健: 作战条令概论 [Жэнь Цзянь. Введение в боевой устав]. 北京: 军事科学出版社. 2016年. С. 18-19.

²⁵⁴ Denmark, A. PLA Logistics 2004– 11: Lessons Learned in the Field in Roy Kam phaussen, David Lai, and Travis Tanner, eds., Learning by Doing: The PLA Trains at Home and Abroad. Carlisle: Army War College: Strategic Studies Institute. 2012. P. 297– 336.

Одновременно были реализованы меры по развитию информатизации вооруженных сил. В 2005 г. ЦВС КНР утвердила основные положения программы информатизации до 2020 г., а в 2006 г. соответствующие задачи были закреплены в обновленных уставах штабов. Уже в 2003 г. в составе Генерального штаба действовала специализированная группа по вопросам информатизации. С конца 2000-х гг. НОАК внедряла «интегрированную командную платформу» (一体化指挥平台), расширявшую возможности С4ISR на оперативном уровне. Эта система обеспечивала доступ к информации о ходе боевых действий в реальном времени и интегрировала разведывательные, погодные и геопространственные данные, повышая эффективность управления войсками²⁵⁵.

После прихода к власти Ху Цзиньтао в 2004 г. была выдвинута концепция «новых исторических миссий» НОАК, которая не меняла стратегического курса, но существенно расширяла задачи армии. Она представляла собой комплекс стратегических установок, определяющих роль и функции вооруженных сил Китая в новых условиях начала XXI века. Эти миссии были включены в корпус официальной китайской военной мысли и рассматриваются как продолжение и развитие предыдущих этапов военно-политической доктрины, связанных с идеями Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя. Их формулирование отражает изменение международной среды, ускоренное экономическое развитие Китая и расширение национальных интересов страны.

Первая из новых исторических миссий заключалась в «обеспечении мощной гарантии для КПК в деле укрепления ее правящей позиции» (为党巩固执政地位提供重要的力量保证). В ее основе лежит фундаментальный принцип китайской военно-политической системы, согласно которому НОАК является не национальной армией в классическом смысле, а армией Партии.

²⁵⁵ Ayuso W., Henley, L. *Aspiring to Jointness: PLA Training, Exercises, and Doctrine, 2008–2012* in Roy Kamphausen, David Lai, and Travis Tanner, eds., *Assessing the People's Liberation Army in the Hu Jintao Era*. Carlisle: Army War College: Strategic Studies Institute. 2014. P. 183.

Это означает, что ее первоочередная задача заключается в обеспечении политической стабильности и сохранении власти КПК. В рамках данной миссии подчеркивается необходимость безусловной политической лояльности вооруженных сил центральному руководству партии и ЦВС КНР²⁵⁶.

Ху Цзиньтао обосновывал необходимость такой задачи наличием комплекса внешних и внутренних угроз, которые могут поставить под сомнение устойчивость политической системы Китая. Среди внешних факторов упоминалось давление со стороны развитых государств, обладающих превосходством в экономической, технологической и военной сферах, а также идеологическое воздействие со стороны западных стран, стремящихся распространить собственные политические модели и ценности. Внутренние угрозы связывались с социальными последствиями длительного периода экономических реформ, в том числе с ростом социального неравенства, усложнением структуры интересов в обществе и появлением различных форм социальной напряженности²⁵⁷. В этих условиях армия рассматривалась как ключевая опора политического режима, способная обеспечить стабильность и предотвратить масштабные политические кризисы.

Вторая миссия связана с обеспечением безопасности т.н. «периода стратегических возможностей» для национального развития (为维护国家发展的重要战略机遇期提供坚强的安全保障). Данная концепция предполагает, что первые десятилетия XXI в. характеризуются относительно благоприятной международной обстановкой, позволяющей Китаю сосредоточиться на ускоренном экономическом росте, модернизации и повышении уровня

²⁵⁶ 胡锦涛：坚决履行新世纪新阶段我军的历史使命努力开创国防和军队现代化建设新局面 [Ху Цзиньтао: Решительно выполняйте историческую миссию нашей армии на новом этапе нового столетия и стремитесь создать новую ситуацию в области национальной обороны и военной модернизации] // 中国青年报. 2005. URL: http://zqb.cyol.com/content/2005-03/14/content_1048366.htm (дата обращения: 06.03.2026).

²⁵⁷ Там же.

благополучия населения. Основная задача армии в этом контексте заключается в предотвращении внешних и внутренних факторов, способных нарушить стабильность и замедлить развитие страны²⁵⁸.

В рамках этой миссии подчеркивалась необходимость защиты национального суверенитета и территориальной целостности, а также поддержания стабильной внутренней ситуации. Особое внимание уделялось проблеме Тайваня, которая рассматривалась как наиболее серьезная потенциальная угроза стратегическим интересам Китая. Вооруженные силы должны быть готовы сдерживать стремление Тайваня к независимости и, в случае необходимости, использовать военную силу для предотвращения отделения острова. Помимо этого, в числе угроз назывались территориальные споры с соседними государствами, деятельность сепаратистских движений и террористических организаций, а также различные факторы внутренней социальной нестабильности²⁵⁹.

Третья миссия предусматривала предоставление мощной стратегической поддержки для защиты национальных интересов Китая (为维护国家利益提供有力的战略支撑). Ее появление было связано с тем, что в условиях экономической глобализации и технологического прогресса национальные интересы государства постепенно выходят за пределы его традиционных географических границ. Если на ранних этапах развития безопасность Китая рассматривалась преимущественно в рамках защиты территории и границ, то в начале XXI в. она стала включать более широкий спектр пространств и сфер деятельности²⁶⁰.

²⁵⁸ 姜鲁鸣, 王文华, 季自力: 深刻认识党在新形势下的强军目标 [Цзян Лумин, Ван Вэньхуа, Цзи Цзыли: глубокое понимание сильных военных целей Партии в новой ситуации] // 中国人民防空. 2013. P. 13-19.

²⁵⁹ Assessing the People's Liberation Army in the Hu Jintao Era // The United States Army War College. 2014. P. 34-39.

²⁶⁰ 战略评论: 为维护国家利益提供有力的战略支撑 [Стратегический обзор: Обеспечить мощную стратегическую поддержку для защиты национальных интересов] // Sina. 2006. URL: <https://mil.news.sina.com.cn/2006-04-14/1915363940.html> (дата обращения: 06.03.2026).

В рамках данной миссии особое значение придавалось защите интересов Китая в трех новых стратегических областях — морском пространстве, космосе и киберпространстве. Морская сфера приобрела ключевое значение в связи с тем, что значительная часть внешней торговли Китая осуществлялась по морским путям, а также из-за растущей зависимости страны от импорта энергоресурсов, транспортируемых морским транспортом. Кроме того, моря содержат значительные природные ресурсы, включая нефть, газ и биологические ресурсы, что делает их важным элементом экономического развития. В этой связи НОАК должна быть способна защита морских прав и интересов Китая, обеспечивать безопасность морских ресурсов и участвовать в разрешении территориальных споров в прилегающих морских районах²⁶¹. Потребность в защите национальных интересов Китая, связанных с морем, ставила перед НОАК новые задачи: защита морских ресурсов для поддержки дальнейшего экономического развития Китая, развитие и обеспечение безопасности китайских морских торговых маршрутов и нефтепроводов, решение проблем морского терроризма, пиратства, контрабанды и транснациональной преступности, а также создание мирной и надежной региональной системы морской безопасности.

Космос был обозначен как новая область современного международного сотрудничества, конкуренции и конфронтации. Тенденции к милитаризации космоса были отмечены в качестве обоснования для обеспечения космической безопасности. Важность освоения космоса вытекала из его значения в военной, экономической, научно-технической и других областях. Среди задач НОАК в данной области назывались следующие: осуществление эффективной защиты, разработка научных долгосрочных планов, развитие космической

²⁶¹ 郑轩:忠实履行新世纪新阶段我军的历史使命 [Чжэн Сюань. Добросовестно выполнять историческую миссию нашей армии на новом этапе нового столетия] // 政治指导员. 2006. Р. 45.

техники, освоение космоса, участие в международном космическом сотрудничестве и строительство космических сил²⁶².

Третьей важной сферой для развития и безопасности Китая выступало киберпространство. В своей речи Ху Цзиньтао заявил, что «киберпространство - это материальное пространство, которое постепенно привлекает внимание человечества наряду с широким распространением информационных технологий; в военной сфере это "пятое поле боя" после наземного, морского, воздушного и космического»²⁶³. Чтобы защитить интересы Китая в киберпространстве, НОАК необходимо расширить свои знания о киберугрозах и принимать эффективные контрмеры для защиты от них. Главной задачей выступало создание систем обеспечения информационной безопасности и оптимизация мер безопасности с юридической, административной и технической точек зрения²⁶⁴. Примечательно, что данные задачи не имели боевого своего применения, а служили больше для обеспечения стабильного развития стремительно информатизирующейся экономики и социальной сферы.

Заключительная задача «Новых исторических миссий» требует от НОАК реагирования на международные кризисы, поскольку Китай больше не изолирован от внешних событий только географией. Эта задача звучит как “использовать важные возможности для сохранения мира во всем мире и содействия общему развитию” (“为维护世界和平与促进共同发展发挥重要作用”). Она обусловлена представлением Китая о том, что из-за глобализации страна становится все более связанной с внешним миром, особенно в экономическом плане. Соответственно, безопасность и развитие Китая тесно связаны с миром и процветанием во всем мире, а глобальные угрозы, в свою

²⁶² Cao Q. Satellite as method: China's Great Leap Forward revisited // Modern Asian Studies. 2025. P. 1-28.

²⁶³ The Diversified Employment of China's Armed Forces // Information Office of the State Council. 2013. URL: <http://eng.chinamil.com.cn/DOCUMENTSPUBLICATIONS/10053009.html> (дата обращения: 06.03.2026).

²⁶⁴ Там же.

очередь, оказывают непосредственное влияние на безопасность Китая. В связи с этим перед НОАК ставились задачи содействовать поддержанию мира во всем мире и стабильности в регионе, укреплять сотрудничество и взаимное доверие с вооруженными силами других стран, участвовать в региональных и международных мероприятиях по обеспечению безопасности и играть активную роль в международной политике и сфере безопасности²⁶⁵.

На практике это проявлялось в том, что Китай должен наращивать свое вовлечение в международные миротворческие операции, улучшать реагирование на невоенные кризисы (гуманитарные, природные катастрофы), а также повышать свою общую готовность к планированию и проведению тщательной подготовки к войне при одновременном укреплении потенциала стратегического сдерживания. В целом, подчеркивалось, что «НОАК должна быть способна нанести поражение превосходящему по силе противнику в современной высокотехнологичной войне, называемой «локальной войной в условиях информатизации»»²⁶⁶.

Из важных нововведений четвертой задачи стоит выделить концептуализацию «операций, отличных от войны» (非战争军事行动). Под ними подразумевались операции интегрированных целевых групп, проводимых в мирное время для ликвидации последствий, гуманитарной помощи или эвакуации гражданских лиц в случае засух, голода, землетрясений, ураганов, эпидемий и др. стихийных бедствий. В этих операциях могут участвовать интегрированные целевые группы, состоящие из «персонала материально-технического обеспечения, медицинского персонала и другого персонала боевой поддержки, при задействовании транспортных

²⁶⁵ 全面履行党和人民赋予的新世纪新阶段军队历史使命（党的十七大报告解读）[Полностью выполнить историческую миссию армии на новом этапе нового столетия, данную партией и народом (интерпретация доклада 17-го Национального съезда партии)] // 人民日报. 2008. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/2008-01/15/content_1390274.htm (дата обращения: 06.03.2026).

²⁶⁶ Там же.

платформ ВВС и ВМС НОАК»²⁶⁷. В 2011 г. Китай при использовании военно-транспортной авиации осуществил эвакуацию 1800 и 35 тыс. граждан из Египта и Ливии соответственно, а в 2015 г. ВМС НОАК эвакуировали 629 граждан КНР из Йемена. Исследователь ВМС НОАК Ли Цзе, в частности, подчеркивает, что «эвакуация граждан является не только крупным прорывом с точки зрения выполнения действий за рубежом, но и крупным прорывом с точки зрения выполнения НОАК невоенных операций за рубежом и реализации стратегической установки ВМС НОАК касательно выполнения разнообразных военных задач»²⁶⁸.

В совокупности концепция «Новых исторических миссий НОАК» убедительно продемонстрировала, что НОАК является военной силой, имеющей амбиции глобального масштаба. Они обозначили переход Китая от преимущественно региональной оборонительной стратегии к более активной и многомерной военно-политической роли, соответствующей статусу страны как одной из ведущих мировых держав. При этом стоит отметить, что в «Новых исторических миссиях» присутствует некоторая напряженность. С одной стороны, первые две миссии требуют, чтобы НОАК сосредоточилась на своих традиционных исторических задачах, а именно на проявлении общей лояльности к КПК и защите суверенной территории Китая. Эти задачи лежат в основе деятельности НОАК с момента основания Китая в 1949 году. Можно утверждать, что, в конечном счете, это основное направление деятельности НОАК и ее усилий по модернизации. Однако, с другой стороны, «Новые исторические миссии» имплицитно содержат в себе требование к НОАК мыслить как армия глобальной державы, выполняющая множество типов миссий, некоторые из которых даже не являются настоящими боевыми операциями, такими как борьба с пиратством и миротворческие миссии.

²⁶⁷ Дубровский И.Р., Никулин М.А. Возможности развития экспедиционного потенциала НОАК в контексте военной модернизации // Военная мысль. 2022. № 5. С. 118-141.

²⁶⁸ 李杰: 海外撤侨行动, 海军依然给力! [Ли Цзе. В Операциях по эвакуации Военно-морской флот так же впечатляет, как и раньше] // 现代舰船. 2011. № 4. С. 54.

Расширенные географические требования и новый акцент на «операциях, отличных от войны» требуют новых навыков, знаний и возможностей, которые НОАК должна будет развивать в среднесрочной перспективе. Кроме того, это повышает требования к планированию модернизации НОАК для того, чтобы все задачи реализовывались сбалансированно.

Подводя итог анализу военной политики КНР периода руководства Ху Цзиньтао, можно констатировать, что эта эпоха стала временем качественного перехода от технической модернизации к глубокой трансформации характера вооруженной борьбы и функционального назначения армии. Ключевым доктринальным сдвигом стало утверждение концепции «локальных войн в условиях информатизации» и «интегрированных совместных операций», что потребовало создания единых сетевых систем управления и противостояния в формате «систем систем». Важнейшим идеологическим итогом периода стало формулирование «новых исторических миссий», которые радикально расширили роль НОАК за пределы традиционной территориальной обороны, закрепив за армией функции гаранта власти КПК, защитника стратегических возможностей развития и инструмента поддержки национальных интересов в новых сферах (море, космос, киберпространство) и за рубежом. Таким образом, военная политика эпохи Ху Цзиньтао заложила стратегический и идеологический фундамент для превращения Китая в военную державу глобального масштаба, осуществив переход от региональной оборонительной стратегии к защите расширенных национальных интересов и предопределив дальнейшую экспансию военного присутствия КНР в мире.

2.3. Вызовы и угрозы национальной безопасности Китая

Как можно понять из характеристики военной организации КНР китайскому военно-политическому руководству характерен комплексный взгляд на различные аспекты государственного управления. Такая же ситуация в понимании вопросов национальной безопасности.

В ноябре 2013 г. была создана Комиссия ЦК КПК по вопросам государственной безопасности, а в апреле 2014 г. на ее 1-м заседании Си Цзиньпин провозгласил концепцию «комплексной национальной безопасности» (总体国家安全观)²⁶⁹ и перечислил составляющие данной концепции – так называемые «одиннадцать видов безопасности»²⁷⁰. Архитектура предложенной концепции отразилась и в отдельном нормативном документе. В статье 3 «Закона КНР о национальной безопасности» от 1 июля 2015 г. дополнительно разъясняется, что в основе концепции лежат пять ключевых элементов: центральная роль отводится безопасности народа как высшей цели государства, в то время как безопасность политической системы служит несущим основанием. Экономическая безопасность образует материальный фундамент, а военная, технологическая и культурная безопасность совместно являются условиями безопасности²⁷¹.

В мае 2025 г. Китай опубликовал белую книгу «Национальная безопасность Китая в новую эпоху»²⁷², в которой был расширен перечень «видов безопасности», в частности были добавлены такие виды, как безопасность систем искусственного интеллекта, безопасность данных и т.д. Кроме того, примечателен и порядок перечисления данных видов: если в речи Си Цзиньпина от 2014 г. военная безопасность была третьей после

²⁶⁹ 习近平：坚持总体国家安全观 走中国特色国家安全道路 [Си Цзиньпин: Придерживайтесь общего взгляда на национальную безопасность и идите по пути национальной безопасности с китайской спецификой] // 新华网. 15.04.2014. URL: <https://cpc.people.com.cn/n/2014/0415/c64094-24899781.html> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁷⁰ Политическая безопасность; территориальная безопасность; военная безопасность; экономическая безопасность; безопасность в сфере культуры; общественная безопасность; научно-техническая безопасность; информационная безопасность; экологическая безопасность; безопасность природных ресурсов; ядерная безопасность.

²⁷¹ 中华人民共和国国家安全法 [Закон Китайской Народной Республики о национальной безопасности] // 中央政府门户网站. 01.07.2015. URL: https://www.gov.cn/c16762/2015-07/01/content_2893902.htm (дата обращения: 19.08.2025).

²⁷² 新时代的中国国家安全 [Национальная безопасность Китая в новую эпоху] // 新华社. 12.05.2025. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202505/t20250512_894771.html (дата обращения: 04.09.2025).

политической безопасности и территориальной безопасности, то сейчас военная безопасность следует следующей после политической. Это говорит о высокой важности военной политики как области государственного управления, которая обеспечивает необходимые условия для политической стабильности и экономического роста.

Данная важность проистекает из условий стратегической обстановки, которая с точки зрения военно-политического руководства Китая остается сложной. Ключевыми факторами, усложняющими ее, выступает усиление межгосударственной конкуренции на системном уровне, что проявляется в таких чертах, как возвращение к гегемонизму, политике силы, менталитету холодной войны, гонке вооружений и учащению локальных конфликтов.

Ключевые вызовы с точки зрения военно-политического руководства Китая сосредоточены в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который, сохраняя общую стабильность, становится ареной острого соперничества великих держав. В Белых книгах по обороне традиционно указывается, что «действия некоторых стран по укреплению военных альянсов, созданию эксклюзивных «клик» и разворачиванию новых вооружений, включая ракетные системы средней дальности, серьезно обостряют региональную обстановку». В качестве угрозы также рассматривается внешнее вмешательство в нерешенные территориальные и морские споры²⁷³.

У данной оценки есть веские основания. Во-первых, со времен холодной войны США поддерживают систему двусторонних и многосторонних оборонных соглашений в АТР: договоры с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, АНЗЮС с Австралией и Новой Зеландией. Во-вторых, у США имеется военная инфраструктура в странах региона, которая повышает мобильность ВС США: американские военные объекты присутствуют в Японии, Южной Корее, Сингапуре, Австралии и Таиланде. Это

²⁷³ 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 04.09.2025).

воспринимается Китаем как попытка закрепить военное доминирование и ограничить свободу маневра Пекина в регионе²⁷⁴. Наконец, США проводят совместные учения с союзниками — «Balikatan» с Филиппинами, «Malabar» с Индией и партнерами, повышая оперативную совместимость с ВС стран, имеющих территориальные претензии к Китаю.

Однако данные факторы существовали и ранее. Катализатором же, который превратил АТР в «эпицентр стратегической конкуренции» по справедливому мнению коллектива авторов под руководством Д.А. Дегтерева, стал устойчивый курс США на сдерживание Китая как мере противодействия объективно возросшей национальной мощи и расширения внешнеполитических интересов последнего²⁷⁵. Начало его было положено политикой «перебалансировки» Б. Обамы, который в 2010 г. провозгласил курс на «возвращение в Азию». Задачи данного курса были сформулированы в статье госсекретаря США Х. Клинтон «Наше тихоокеанское столетие», опубликованной в журнале *Foreign Policy* в 2011 г. Среди них упоминалась задача создать сеть партнерств и институтов в Тихоокеанском регионе, которая будет «столь же надежной и отвечающей интересам и ценностям Америки, как и связи, которые были налажены со странами по другую сторону Атлантики»²⁷⁶. В военном плане «возвращение» США в Азию проявилось в активизации с 2013 г. операций по обеспечению свободы судоходства

²⁷⁴ Особую обеспокоенность в Китае вызвало размещение в 2017 г. в Республике Корея батареи американского ПРК ТВД ТНААД, состоящего из радара, системы управления и контроля, 6 пусковых установок с 8 противоракетами в каждой. Урегулировать кризис в двусторонних отношениях стало возможным после обещания Сеула от ноября 2017 г. не разворачивать на собственной территории дополнительных комплексов ТНААД, не участвовать в создаваемых США региональной и глобальной системах ПРО и не вступать в трехсторонний военно-политический альянс с США и Японией. См. 齐桐萱: 国际关系预测: 中韩关系的改善限度 [Ци Тунсюань. Прогноз международных отношений: пределы улучшения китайско-южнокорейских отношений] // 国际政治科学. 2020, № 05 (01). Р. 161-163.

²⁷⁵ Конкуренция между США и КНР: возможности для России: Монография / Под ред. Д.А. Дегтерева. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2024. С. 200-204.

²⁷⁶ Clinton, H. America's Pacific Century // *Foreign Policy*. October 11, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 19.08.2025).

(Freedom of navigation operation - FONOP), которые осуществляются ВМФ и ВМС США посредством прохода через спорные территории в ВКМ и ЮКМ.

Администрация Д. Трампа при первой каденции проводила более активную и агрессивную политику сдерживания Китая в рамках стратегии «Свободного и Открытого ИТР» (Free and Open Indo-Pacific), провозглашенной на саммите АТЭС во Вьетнаме в 2017 году²⁷⁷. Упор был сделан как на усиление американской военной силы в регионе в виде передислокации в ИТР к 2020 г. 60% ВМС США, а также проведении FONOP на регулярной основе, так и на расширении военного сотрудничества со странами региона в формате ограниченной многосторонности, где в качестве «ядра» выступали страны Четырехстороннего оборонного формата (Quad), в который вошли США, Индия, Япония и Австралия.

Администрация Дж. Байдена продолжила общий курс Индо-Тихоокеанской стратегии, пытаясь сделать курс сдерживания КНР более комплексным, учитывающим и экономическую сферу. Помимо защиты своих военных интересов США предприняли попытку вернуться и в сферу региональной экономической интеграции за счет проекта Индо-Тихоокеанской экономической структуры. В стратегической сфере была предложена модификация Quad+, открытого для стран, имеющих с Китаем территориальные претензии и желающих усилить свою переговорную позицию. Также был создан формат AUKUS – объединение Австралии, Великобритании и США для сотрудничества в военно-технической сфере для строительства атомных подводных лодок для Австралии. Заявленная цель этого соглашения также распространяется на развитие киберпотенциала, искусственного интеллекта, квантовых технологий и тесное сотрудничество в Индо-Тихоокеанском регионе, что воспринимается Китаем как враждебные действия.

²⁷⁷ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam // The White House. November 10, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (дата обращения 24.11.2025).

Не меньшей напряженности в американо-китайских отношениях создает проблема Тайваня. Китай рассматривает остров не только как неотъемлемую часть своей территории, но и как важнейший элемент обеспечения стратегической безопасности. Контроль над Тайванем позволяет Пекину снять своего рода «географическую блокаду», которая ограничивает доступ китайского флота к Тихому океану, а также обеспечивает свободу маневра военно-морских сил за пределами внутренних морей.

На этом фоне курс США на политическую и военную поддержку Тайваня вызывает обеспокоенность КНР. Речь идет не только о регулярных поставках вооружений и развитии оборонной инфраструктуры острова, но и о визитах американских политиков высокого уровня, а также о законодательных инициативах, которые демонстрируют готовность Вашингтона оказывать прямое содействие Тайбэю. Подобные шаги воспринимаются Пекином как вмешательство во внутренние дела Китая и как подрыв принципа «одного Китая», на котором строится официальная внешнеполитическая линия страны²⁷⁸.

Кроме последствий стратегической конкуренции в регионе, стоит обратить внимание на новые вызовы и угрозы. Возникновение их обусловлено в первую очередь изменением характера внешней политики Китая. Как метко отметил профессор Национального университета обороны КНР Ли Ли «внешняя политика нашей страны вступила в новый этап: в прошлом говорили о необходимости соблюдать принцип “не высовываться”, в настоящее время фактически мы уже вышли в центр международной арены»²⁷⁹. Справедливо отмечает отечественный китаист А.В. Виноградов, на настоящем этапе Китай

²⁷⁸ Сушенцов А. США провоцируют КНР на военное столкновение вокруг Тайваня // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 11.07.2025. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/ssha-provotsiruyut-knr/?ysclid=mfyemwz12h439636288> (дата обращения: 19.08.2025).

²⁷⁹ 国防大学教授：下一艘航母决不是现在这个水平 [Профессор Национального университета обороны: Следующий авианосец ни в коем случае не будет соответствовать нынешнему уровню] // 环球网. 17.12.2012. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJyd3w> (accessed: 24.09.2025).

«возвращается к традиционной китайской концепции внешней политики, в основе которой лежат мироустроительные функции. От активного участия в глобальном управлении в качестве ответственного участника Китай перешел к собственным стратегическим инициативам на региональном и мегарегиональном уровнях»²⁸⁰. Данное изменение отразилось и на расширении национальных интересов. Как подчеркивает российский специалист по внешней политике Китая Е.Н. Грачиков, «с ростом экономической мощи и экспортных возможностей шел медленный процесс “раздвижения” границ национальных интересов КНР за пределы ее территории»²⁸¹.

В данной связи закономерным выглядит осмысление китайским руководством угроз в «зонах зарубежных интересов» [海外利益攸关区]. Значимость зарубежных интересов для национальной безопасности Китая начала возрастать с конца 1990-х гг., когда Председатель Цзян Цзэминь положил начало стратегии «выхода во вне» [走出去], которая поощряла китайские предприятия осваивать международные рынки. Это изменило внешнеэкономическую модель, которая с опоры на экспорт стала переходить к увеличению активов в транснациональных компаниях, через которые идет вывоз капитала для получения доступа к зарубежным природным ресурсам, и вложения в непроизводительные отрасли экономики (в первую очередь, в инфраструктуру). Вместе с этим спрос со стороны быстро развивающегося промышленного сектора вскоре превысил внутренние источники энергии и сырья. Для стимулирования роста китайским компаниям требовался надежный, безопасный импорт энергии и природных ресурсов. Углубление участия Китая в мировой экономике также привело к постоянно растущему числу граждан, проживающих и выезжающих за границу.

²⁸⁰ Виноградов А.В. «Однополярная Азия»: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 29.

²⁸¹ Грачиков Е., Сяоюй Чжоу. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 8. С. 76.

Впоследствии китайское правительство в 2000-х гг. предоставило механизмы финансирования для содействия внешним инвестициям, отправки большего числа китайских граждан за границу и диверсификации энергетических ресурсов Китая по всему миру²⁸². Интеграция Китая в глобальные производственные сети усилила его зависимость от международных морских путей²⁸³. В 2004 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао объявил о «Новых исторических миссиях», в которых впервые официально была сформулирована необходимость армии Китая развивать возможности для защиты зарубежных интересов и которые привели к первым шагам НОАК по развитию экспедиционных возможностей для поддержки военных операций за пределами Восточной Азии²⁸⁴. А уже в Белой книге по обороне 2013 г., «зарубежные интересы стали неотъемлемой составляющей национальных интересов Китая», что справедливо и до настоящего момента²⁸⁵.

Провозглашение инициативы «Один пояс, один путь» в известной степени усилило экономическое вовлечение китайского капитала в зарубежные проекты. В проекты по данной инициативе с 2013 по 2020 гг. было направлено свыше 819 млрд. долл. США прямых инвестиций из Китая. ПИИ были направлены в более чем 30 тыс. фирм, осуществляющих деятельность в 164 странах. Среди них 43,1 % ПИИ приходится на проекты, находящиеся за

²⁸² Full Text of Jiang Zemin's Report at the 16th Party Congress / PRC State Council Information Office. November 17, 2002. URL: <http://www.china.org.cn/english/2002/Nov/49107.htm> (дата обращения: 04.11.2024).

²⁸³ Mulvenon, J. Chairman Hu and the PLA's 'New Historic Missions // China Leadership Monitor. 2009, № 29. P. 1-11.

²⁸⁴ 履行新世纪新阶段军队历史使命 [Реализация исторической миссии армии на новом этапе новой эпохи] // 知史明道 [Чжиши Миндао]. 29.06.2021. URL: http://www.wenming.cn/hsw/hxydll/dsgs/202106/t20210629_6097522.shtml (дата обращения: 04.11.2024).

²⁸⁵ 2013年中华人民共和国国防白皮书 [Белая книга Китайской Народной Республики по национальной обороне за 2013 год] / 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Государственного Совета КНР]. URL: <http://www.doczj.com/doc/94cdd33c9b6648d7c1c74670-22.html> (дата обращения: 04.11.2024).

пределами макрорегиона Большой Восточной Азии²⁸⁶. Кроме капиталовложений ОПОП также стимулирует миграцию трудовой силы из Китая в страны-партнеры по инициативе. На 2019 г. количество граждан КНР, работающих за рубежом, составило 5,5 млн человек²⁸⁷. Данная тенденция в государствах с нестабильной политической ситуацией и слабо проработанной этноконфессиональной политикой приводит к негативным инцидентам²⁸⁸. Согласно Базе данных о местоположении и инцидентах вооруженных конфликтов (ACLED), за последнее десятилетие в странах Африки к югу от Сахары произошло более 150 инцидентов с применением насилия, в которых пострадали китайские граждане²⁸⁹.

Вместе с торгово-инвестиционным пулом зарубежных интересов, особую значимость играет фактор энергетической безопасности. С поступательным ростом китайской экономики пропорционально растет и зависимость Китая от импорта энергоносителей. По данным Управления энергетической информации США, в 2020 г. Китай импортировал рекордные 542,4 млн т. сырой нефти, или 10,85 млн баррелей в сутки (более 69 % все потребляемой нефти)²⁹⁰. Примерно 85 % импорта нефти²⁹¹ и 90 % торговли²⁹² в Китай проходит морским путем через Индийский океан, что делает Китай зависимым от стабильности на данных морских торговых линиях (SLOC),

²⁸⁶ China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2020 / Green Finance & Development Center. January 21, 2021. URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2020/> (дата обращения: 04.11.2024).

²⁸⁷ 李庆四, 陈春雨: 试析中国的海外港链基地战略 [Ли Цинси, Чэнь Чунью. Анализ Стратегии Китая, основанной на зарубежных портовых цепочках] // 区域与全球发展 [Региональное и мировое развитие]. 2019. № 2. С. 125.

²⁸⁸ Dudley Poston, Jr., and Juyin Helen Wong. The Chinese Diaspora: The Current Distribution of Overseas Chinese // The Chinese Journal of Sociology. 2016. Vol. 2, No. 3, P. 348–373.

²⁸⁹ The Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED). URL: <https://acleddata.com> (дата обращения: 04.11.2024).

²⁹⁰ The International Energy Outlook 2021 / EIA. October 6, 2021. URL: https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/IEO2021_Narrative.pdf (дата обращения: 04.11.2025).

²⁹¹ Statistical Review of World Energy 2021. 70th edition / BP. 8 July 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).

²⁹² The Expanding Scope of PLA Activities and the PLA Strategy. China Security Report 2016 // National Institute for Defense Studies. 2016. P. 8–9.

безопасность которых обеспечивается ВМС других государств²⁹³. В условиях нарастающей конкуренции между США и КНР данный риск приобретает новое осмысление.

Ввиду превращения КНР в крупнейшую экономику мира, имеющую значение для системы международных отношений²⁹⁴, лидеры КНР пересмотрели сферу стратегических интересов Китая и роль НОАК в их реализации и защите. В 2004 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао объявил о «Новых исторических миссиях», в которых впервые официально была сформулирована необходимость ВС Китая развивать возможности для защиты зарубежных интересов и которые привели к первым шагам НОАК по развитию экспедиционных возможностей для поддержки военных операций за пределами Восточной Азии²⁹⁵. А уже в Белой книге по обороне 2013 г., «зарубежные интересы стали неотъемлемой составляющей национальных интересов Китая», что справедливо и до настоящего момента²⁹⁶.

Вместе с ростом потребностей в стабильном экономическом развитии и обеспечением предсказуемой международно-политической обстановке можно констатировать стремление Китая перейти от роли участника международной системы к роли архитектора нового миропорядка. Этот порядок должен быть более многополярным, основанным на уважении суверенитета, диалоге цивилизаций и приоритете развития над идеологической конфронтацией. Об этом говорят, в частности, ряд инициатив, предложенных Председателем КНР. В 2021 г. на 76-й сессии ГА ООН Си Цзиньпин выдвинул «Инициативу

²⁹³ Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений) / отв. ред. Т.Л. Шаумян. М.: ИВ РАН. 2018. С. 475.

²⁹⁴ Layne Ch. This Time It's Real: The End of Unipolarity and the Pax Americana // International Studies Quarterly. 2012. 56 (01). P. 206.

²⁹⁵ 履行新世纪新阶段军队历史使命 [Реализация исторической миссии армии на новом этапе новой эпохи] // 知史明道. 29.06.2021. URL: http://www.wenming.cn/hsw/xydll/dsgs/202106/t20210629_6097522.shtml (дата обращения: 04.11.2024).

²⁹⁶ 2013年中华人民共和国国防白皮书 [Белая книга Китайской Народной Республики по национальной обороне за 2013 год] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.doczj.com/doc/94cdd33c9b6648d7c1c74670-22.html> (дата обращения: 04.11.2024).

глобального развития»²⁹⁷ с целью объединить международные усилия для преодоления глобальных вызовов, восстановления после пандемии и достижения устойчивого развития. В 2022 г. была озвучена «Инициатива глобальной безопасности»²⁹⁸, в рамках которой были предложены принципы общей, комплексной, кооперативной и устойчивой для всей архитектуры глобальной безопасности. «Инициатива глобальной цивилизации»²⁹⁹ 2023 г. делала акцент на продвижении обмена и взаимного обогащения между цивилизациями, подчеркивая право каждой страны на собственный путь модернизации без навязывания чуждый для нее моделей.

Кроме сложной военно-политической обстановки экспертное сообщество Китая также учитывает изменения в постоянно меняющемся облике современной войны. В настоящее время наиболее примечательным для Китая оказался опыт проведения Россией специальной военной операции (СВО). В китайских военных исследованиях, посвященных трансформации войны на основе анализа конфликта в Украине, подчеркивается закрепившаяся концепция многодоменности. Еще со времен войны в Персидском заливе в экспертном и политическом дискурсе сложилось понимание того, что война больше не ограничивается традиционными сферами сухопутных, морских и воздушных операций, а охватывает киберпространство, космос и когнитивное измерение. Опыт СВО позволил китайским экспертам отметить, что «информатизация», «интеллектуализация» и пр. высокотехнологичные направления развития ВС не создадут самодостаточную военную силу, если военный потенциал армии в традиционных областях (сухопутной, морской и воздушной компонентах) ослаблен. Информатизированная система командования, управления и связи,

²⁹⁷ Global Development Initiative. 2021. URL: <https://en.chinadiplomacy.org.cn/gdi/index.shtml> (accessed: 07.03.2026).

²⁹⁸ The Global Security Initiative Concept Paper. 2022. URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/pdf/The_Global_Security_Initiative_Concept_Paper.pdf (accessed: 07.03.2026).

²⁹⁹ The Global Civilizational Initiative. 2023. URL: <https://en.chinadiplomacy.org.cn/gci/index.shtml> (accessed: 07.03.2026).

оперативное предоставление разведывательных данных и т.д. остаются важными активами современной войны. Но их эффективность возможна лишь в сочетании с физическими действиями, логистикой и обеспечением ресурсами, что возвращает внимание к комплексной координации операций³⁰⁰.

Важной темой стало осмысление значения боя на малых высотах. Китайские наблюдатели отмечают, что Украина добилась успехов в обороне благодаря применению беспилотных летательных аппаратов и систем ПВО, работающих на малой высоте (от 100 до 1000 метров). Этот опыт заставил аналитиков пересмотреть подход к завоеванию доминирования в воздухе. На настоящем этапе этой цели можно достичь внедрив «мониторинг, боевую систему и управление воздушным пространством на малых высотах»³⁰¹.

Военные действия России в Сирийской Арабской Республике и СВО на Украине продемонстрировали высокую эффективность малоразмерных коммерческих БПЛА в современных боевых условиях. В современном общевойсковом бою беспилотники становятся непосредственными участниками выполнения тактических задач. Их применение вносит значительные изменения в способы действий мотострелковых (танковых) подразделений, которые приобретают воздушно-наземный характер. Прежде всего повышается эффективность выполнения задач органами разведки (ускоряется время, точность определения координат целей и выявления характера действий вероятного противника). Это увеличивает время на организацию противодействия (ответную реакцию общевойскового подразделения) и предоставляет командиру подразделения своевременно внести изменения в способ предстоящих действий. Кроме того, применение БПЛА позволяет корректировать удары авиации, применение

³⁰⁰ 乌克兰战争中的认知战给了中国人民解放军哪些启示 [Что показала Народно-освободительной армии Китая когнитивная война на Украине?] // 观察者网. 06.08.2022. URL: <https://kan.china.com/article/1607800.html> (дата обращения: 19.08.2025).

³⁰¹ 张鹏: 夺取未来陆战低空制权 [Чжан Пэн. Захват права контролировать наземные боевые действия на малых высотах в будущем] // 解放军报. 23.05.2023. URL: <https://m.yunnan.cn/system/2023/05/23/032597750.shtml> (дата обращения: 19.08.2025).

высокоточного оружия большой дальности (ВТО БД), ракетных войск, огня РСЗО и артиллерии, а также выполнять задач РЭБ и связи на поле боя³⁰².

Таким образом, для КНР приоритетом является обеспечение безопасности в своем географическом регионе, где исторически после Второй мировой войны доминировали США, поддерживаемые сетью региональных альянсов. Кроме того, Китай сталкивается с вызовами, связанными с расширением сферы его внешнеполитических и экономических интересов. Реализация инициативы «Один пояс, один путь» с 2013 г. привела к концептуализации «зарубежных интересов» Китая, связанных с обеспечением безопасности маршрутов поставок энергоресурсов и коммуникаций стратегического характера, а также сопряженных с обеспечением безопасности китайских структур, граждан и собственности за рубежом. Меняющийся характер современных конфликтов также привносит дополнительные вызовы национальной безопасности Китая. Принцип многодоменности в едином боевом пространстве, увеличение пространственного и функционального размаха вооруженного противоборства, расширение спектра применяемых средств вооруженной борьбы, а также растущее значение сетевых и когнитивных технологий становятся важной предпосылкой для последовательной модернизации НОАК.

Анализ военной политики Китая после 1993 г. свидетельствует о фундаментальной трансформации Народно-освободительной армии Китая. Данная трансформация обусловлена изменением международной обстановки, развитием военных технологий и расширением национальных интересов КНР. Ключевым итогом периода руководства Цзян Цзэминя стал вектор на подготовку НОАК к «локальным войнам в высокотехнологичных условиях».

³⁰² 刘云华, 杨剑, 亢靖: 聚焦俄特别军事行动中无人机的突破与困境 [Лю Юньхуа, Ян Цзянь Кан Цзин. Оценка достижений и дилемм, связанных с использованием беспилотных летательных аппаратов в российских специальных военных операциях] // Military.China. 04.07.2022. URL: https://military.china.com/news/13004177/20220704/42714899_all.html (дата обращения: 19.08.2025).

Технологические и организационные нововведения войны в Персидском заливе и последующих конфликтов (Югославия, Ирак), оформившие новый облик войны, сформировали предпосылки для курса на качественную модернизацию, сокращение численности войск и развитие высокоточного вооружения. Этот курс нашел свое выражение в Руководящих принципах 1993 г. и концепции «двух фундаментальных трансформаций». В период Ху Цзиньтао страна продолжила данный курс, углубив отдельные моменты. В частности, был более точно артикулирован фокус на «информатизацию» и внедрение модели «интегрированных совместных операций». Принципиальным новшеством стало утверждение «Новых исторических миссий», которые существенно расширили функционал армии. Кроме традиционных для НОАК задач по лояльности к КПК и защите суверенной территории Китая перед военной организацией страны были поставлены задачи по обеспечению безопасности в новых сферах (космос, киберпространство, море), а также содействовать международной стабильности за рубежом. Это говорит об ориентации военно-политического руководства страны на превращение НОАК в армию глобального масштаба, выполняющую множество типов миссий. Выявленные в главе вызовы и угрозы национальной безопасности подтверждают обоснованность выбранного курса. Стратегическое сдерживание со стороны США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, проблема Тайваня, зависимость от морских коммуникаций и рост зарубежных активов (инициатива «Один пояс, один путь») требуют от НОАК способности действовать глобально. Кроме того, изменение характера современной войны (многодоменность, использование беспилотных систем, когнитивная борьба), подтвержденное опытом современных конфликтов, диктует необходимость дальнейшей технологической модернизации.

ГЛАВА III. РЕАЛИЗАЦИЯ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ЭПОХУ СИ ЦЗИНЬПИНА

В данной главе рассматриваются особенности реализации военной политики Китайской Народной Республики в период руководства Си Цзиньпина. Анализируется институциональная структура управления вооруженными силами, а также изменения, произошедшие в результате проводимых реформ системы военного управления. Особое внимание уделяется трансформации организационного устройства НОАК и новым направлениям военного строительства, связанным с технологической модернизацией и развитием возможностей ведения современных видов вооруженной борьбы. В совокупности данные процессы позволяют оценить основные тенденции развития китайского военного потенциала и его адаптацию к современным вызовам безопасности.

3.1. Военная доктрина Китая эпохи Си Цзиньпина

Анализируя происходящие во внешней среде вызовы военно-политическое руководство Китая продолжило совершенствовать и дополнять военную доктрину страны. Приход к власти в КНР Си Цзиньпина ознаменовал собой новый этап корректировок военной доктрины.

Формально военно-политическое руководство КНР не объявляло о новом издании Руководящих принципов³⁰³, однако, уже с лета 2014 г. в китайском экспертном дискурсе началось обсуждение формулировок и положений, которые потом будут обнародованы в рамках новой Белой книги по обороне Китая, озаглавленной «Военная стратегия Китая» от 2015 года. В

³⁰³ Анализ публикационной активности китайских военных экспертов позволяет предположить, что новые Руководящие принципы были сформулированы в июле 2014 г., поскольку в статье, посвященной 87-й годовщине основания НОАК, опубликованной 2 августа 2014 г. содержится отсылка к «Руководящим принципам в новую эпоху» (新形势下军事战略方针). См.: 王士彬、罗铮: 国防部举行盛大招待会 热烈庆祝建军87周年 [Ван Шибинь и Ло Чжэн: Министерство национальной обороны устроило торжественный прием в честь 87-й годовщины основания армии] // 解放军报. 2014. URL: <http://military.people.com.cn/n/2014/0802/c172467-25388123.html> (дата обращения: 05.10.2025).

ней не привносились принципиально новые концепции, скорее, речь шла о корректировке курса 2004 г.: еще большее внимание уделялось информатизации войны и обоснованию масштабных организационных реформ, необходимых для успешного ведения совместных операций.

В Белой книге говорилось, что страна корректирует военную стратегию, «учитывая развитие форм войны и ситуацию в сфере национальной безопасности». В документе появилось два новых акцента. Во-первых, утверждалось, что дальнейшее развитие способов ведения войны требует перестройки системы подготовки НОАК: главным ориентиром должна стать «победа в информационных локальных войнах» (赢得信息化局部战争). Эта формулировка слегка отличалась от версии 2004 г. — в ней убрали всего несколько иероглифов, что, по мнению исследователей Академии военных наук НОАК, указывало на качественное изменение подхода³⁰⁴.

Следует более детально дать интерпретацию «ядра» военной доктрины КНР, а именно «локальной войны». Концепция «локальной войны» имеет два измерения. С одной стороны, она указывает на возросшую материальную и технологическую основу войны. С другой, акцентирует внимание, что война контролируется в пределах локального диапазона, где пространство боевых действий, средства ведения войны, а также время ограничено. Концепция локальных войн, через призму которых военная компания представляется амальгамой небольших сражений [小战], имплицитно содержит в себе послы на повышение мобильности задействованных в них соединений, а также их комплексности и многофункциональности³⁰⁵.

Во-вторых, в разделе о национальной безопасности подчеркивалось, что информация является доминирующей характеристикой будущих войн, а не

³⁰⁴ 魏作凯, 王仲元: 科学把握打赢信息化局部战争的战略指导 [Вэй Цзикай, Ван Чжунъюань: Научное обоснование стратегического руководства для победы в локальной войне за информационные технологии] // 南京政治学院学报. 2016. Т. 32. № 6. С. 80-84.

³⁰⁵ Никулин М.А., Дубровский И.Р., Ма В.В., У Ц. Экспедиционный потенциал НОАК в контексте китайской военной стратегии в новую эпоху // Проблемы Дальнего Востока. 2021. №6. С. 110.

просто «важным условием», как было зафиксировано при Цзян Цзэминь. Отмечалось, что война быстро трансформируется в сторону информатизации, а среди ключевых тенденций, где это наиболее ярко прослеживается называлось развитие высокоточного, интеллектуального (с применением ИИ), беспилотного и дальнобойного вооружения. Развитая разведка рассматривалась как основа для достижения контроля в воздухе, на море и других сферах во время «информационных локальных войн». Констатировалось расширение и усложнение поля боя: к традиционным пространствам (суша, море, воздух, космос) добавлялись новые — электромагнитное, кибер- и когнитивное. При этом воздушное и космическое измерения интегрировались, превращаясь в «стратегическую точку для завоевания инициативы». Киберпространство и космос, в свою очередь, назывались «высотами стратегического соперничества»³⁰⁶. Эти факторы требовали пересмотра основ военного строительства.

В-третьих, в Белой книге подчеркивалась роль «военной борьбы на море». Предыдущие Руководящие принципы не выделяли конкретные области, но, тем не менее, подразумевали преобладание наземных боевых действий. Очевидно, что одним из факторов является обострение споров о территориальном суверенитете в условиях стратегической конкуренции с США, угрожающей дестабилизации региональной обстановки. Вторым фактором является «постоянное расширение национальных интересов Китая», в рамках которого такие зарубежные интересы, как доступ к рынкам и открытые морские пути сообщения, «становятся заметными»³⁰⁷. В соответствии с растущим вниманием к морской сфере, в Белой книге впервые публично говорится, что стратегическая концепция ВМС Китая «постепенно переходит от «обороны в ближних морях» (近海防御) к сочетанию «обороны

³⁰⁶ 温冰: 定准军事斗争基点 [Вэнь Бин. Заложите основу для военизированной борьбы] // 学习时报. 2015年. 第7页.

³⁰⁷ 郭媛丹: 要打海上战争? 中国应作海上军事斗争准备 [Го Юаньдэнь. Хотите повоевать на море? Китаю следует подготовиться к военной борьбе на море] // 环球时报. 26.05.2015. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKmJLnPo> (дата обращения: 04.07.2025).

в ближних морях» и «защиты в дальних морях» (远海护卫)». В рамках первой задачи особое внимание уделялось защите интересов Китая в потенциальных конфликтах вокруг Тайваня, а также в Восточно- и Южно-Китайском морях. А «защита дальних морей» делала акцент на готовности противостоять военным угрозам в зонах расширяющихся интересов Китая за рубежом — от безопасности морских торговых маршрутов до защиты китайских предприятий и граждан. Первая задача требует активных действий, а вторая предполагает скорее реактивные меры³⁰⁸.

В-четвертых, одним из ключевых изменений стало расширение понятия «основного стратегического направления», в которое теперь включался не только Тайваньский пролив, но и районы западной части Тихого океана. Как отметил генерал-лейтенант Ван Хунгуан, данное изменение связано с возможностью вовлечения вооруженных сил США в любой конфликт из-за Тайваня. Соответственно, Китаю придется учитывать это при мобилизации и развертывании своих собственных сил³⁰⁹.

Затем в Белой книге были изложены новые задачи. Из документа стало ясно, что защита интересов Китая должна идти рука об руку с поддержанием стабильности — надежной защитой национального суверенитета и безопасности, а также поддержкой экономического развития. Для достижения этого предполагалось уделять «особое внимание к дальновидному планированию и управлению, формированию благоприятных ситуаций, комплексному управлению кризисами, решительному предотвращению войн и победе в войнах» (注重深远经略，塑造有利态势，综合管控危机，坚决遏制战争和打赢战争). Это подчеркивает переход сферы оперативной деятельности НОАК от территориальной обороны к защите интересов Китая в

³⁰⁸ 张晓东: 近期中国海洋军事战略之观察与展望——从 2015 年度最新发布的白皮书说起 [Чжан Сяодун. Последние наблюдения и перспективы военно-морской стратегии Китая - начиная с последней Белой книги, опубликованной в 2015 году] // 太平洋学报. 2015. Т. 23. № 10. С. 65-74.

³⁰⁹ 王洪光: 从历史看今日中国的战略方向 [Ван Хунгуан. С точки зрения истории, стратегическое направление Китая сегодня] // 同舟共进. 2015年. 第3期. 第48页.

области развития и координации военных инструментов с экономическими и дипломатическими для создания благоприятных условий для развития. В дополнение к важности стратегического сдерживания в предотвращении войн, в нем также подчеркивалось предотвращение возникновения кризисов и контроль над ними в случае их возникновения. В этом плане важными элементами новой стратегии были «эффективное управление крупными кризисами, надлежащая обработка возможных цепных реакций»³¹⁰.

Основной формой боевых действий (基本联合战役原则) продолжали оставаться общевойсковые операции, получившие еще в 2004 г. концептуальное оформление как «интегрированные совместные операции» (一体化联合作战)³¹¹. Документы, опубликованные после 2019 г., такие как «Общие сведения о совместных операциях»³¹², подтверждают, что именно эта форма лежит в основе развития оперативной деятельности НОАК, несмотря на теоретические обсуждения новых подходов в академической среде. Также не изменилась и «основная руководящая идея» операций, заключающаяся в формуле «информационное господство, точечные удары по стратегическим целям, совместные действия ради победы» (信息主导, 精打要害, 联合制胜)³¹³.

³¹⁰ 肖天亮: 战略学 [Сяо Тяньлян. Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社 [Пекин: Издательство Университета национальной обороны]. 2017. С. 201.

³¹¹ В современном военном и экспертном дискурсе все чаще опускают слово «интегрированные» и называют форму операций: совместные операции (联合作战), подразумевая при этом основные принципы этого термина: согласованность действий видов ВС, родов войск и вспомогательных служб, оперативная координация за деятельностью боевых подразделений с помощью внедрения высоких технологий (в т.ч. ИИ) в подсистему командования, управления и связи и т.д.

³¹² 中国人民解放军联合作战纲要(试行). 推动解放和发展我军联合作战能力 [Общие сведения о совместных операциях Народно-освободительной армии Китая (пробная реализация). Содействовать освобождению и развитию совместных боевых возможностей нашей армии] // 解放军报. 26.11.2020. URL: http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2020-11/26/content_4874624.htm (дата обращения: 04.07.2025).

³¹³ 骆德荣: 军队建设与军事斗争准备的行动纲领 – 对新形势下军事战略方针的几点认识 [Ло Дэжун. План действий по строительству армии и подготовке к вооруженной борьбе – некоторые соображения о военно-стратегическом подходе в новой ситуации] // 中国军事科学. 2017年. 第1期. 第95页.

Эта идея остается фундаментом стратегического планирования и не подвергалась официальной ревизии по сей день.

С точки зрения военных теоретиков повышение потенциала совместных операций в основном должно быть сосредоточено на следующих шести областях³¹⁴:

- Способность собирать, анализировать и обрабатывать разведывательные данные в целях удовлетворения оперативных потребностей. С учетом реальных потребностей Вооруженных сил КНР в выполнении предстоящих миссий и задач, сфера технической разведки и раннего предупреждения в будущем должна охватывать такие регионы, как Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Индийский океан и т.д.

- Способность единого командования и управления. Для проведения совместных операций требуется осуществлять командование, контроль и координацию действий на суше, на море, в воздухе, в космосе и в электромагнитных многомерных пространствах подчиненных военных служб и вооруженных сил. В будущем нашим военным необходимо сформировать высокоэффективную и стабильную систему командования и управления (体系), в которой она обладала бы способностью осуществлять эффективное командование и управление совместными операциями на различных стратегических направлениях. Приоритет отдается Западной части Тихого океана и Северной части Индийского океана.

- Способность к быстрому маневру. Данная функция подразумевает оперативную переброску сил для захвата и удержания инициативы или занятия выгодной позиции. В основном она включает в себя операции и задачи, не связанных с военной деятельностью, которые могут выполнять ВС

³¹⁴韩林,魏兵,刘建伟:《中国人民解放军联合作战纲要(试行)》:认识战争规律,设计战争打法 [Хань Линь, Вэй Бин, Лю Цзяньвэй. План совместных операций Народно-освободительной армии Китая (пробная реализация): Понимание законов войны и разработка военных операций] // 解放军报. 05.01.2022. URL: http://www.mod.gov.cn/topnews/2022-01/05/content_4902340.htm (дата обращения: 03.10.2025).

КНР. Первоочередной задачей выступает способность проецировать силы для выполнения оперативных задач в юго-восточном прибрежном направлении, юго-западном направлении и в важных наземных (и морских) периферийных районах. Среднесрочной целью выступает повышение способности проецировать военную силу для выполнения задач в регионах, из которых идет импорт нефти, таких как Африка, Центральная Азия, Ближний Восток и Латинская Америка и т.д.

- Комплексный ударный потенциал, опирающийся на помощь электронных информационных систем, состоящих из наземных, морских, воздушных и космических платформ. Он предназначен для сочетания высокоточной огневой мощи на средней и большой дальности с возможностями электронных и сетевых атак.

- Многомерная способность защиты. В контексте «локальной войны в условиях информатизации» высокая роль отводится укреплению потенциала противодействия разведке и наблюдению противника, точным ударам и информационным атакам, одновременно с повышением возможности защиты от ядерного, биологического и химического оружия противника.

- Возможность единообразно осуществлять оперативную поддержку, материально-техническую поддержку и снабжение для различных объединений за пределами границ при выполнении совместных операций, а также других военных мероприятий на основе сетевой и информационной системы поддержки.

Таким образом, главным посылом нового этапа теоретической проработки модернизации военного потенциала КНР стала ориентация на создание объединения войск различной видовой и родовой принадлежности в единую структуру на оперативно-стратегическом уровне с участием всех служб ВС и родов войск.

В октябре 2017 г. на XIX съезде КПК Си Цзиньпин конкретизировал форму боевых действий, поручив НОАК нарастить свой «потенциал в информационной и кибер- сферах для проведения совместных операций» (网)

络信息体系的联合作战能力), а также обладать «универсальными боевыми возможностями»³¹⁵ (全域作战能力)³¹⁶, что стало качественным развитием концепции интегрированных совместных операций и военной доктрины.

Концепция «совместных операций на основе сетевых информационных систем» рассматриваются как «система систем», которая объединяет функции разведки, командования и управления, высокоточной атаки, маневра, атаки на конфиденциальность, целостность и доступность информации, которой оперирует противник, а также всесторонней поддержки.

Концепция «универсальных боевых операций» с содержательной точки зрения данная ориентация подразумевала формирование диверсифицированных асимметричных сил и средств и увеличение оперативной деятельности НОАК посредством наращивания возможностей стратегической доставки (战略投送)³¹⁷, размещения стратегических опорных пунктов, создания способности проецировать силу в отдаленные регионы и внедрение единой информационной инфраструктуры, объединяющей вооружения и технику в общую систему под централизованным командованием³¹⁸.

³¹⁵ Западные аналитики чаще всего переводят данный термин как «All-Domain Operations Capability», подразумевая под этим устоявшуюся в доктринах США и НАТО военную концепцию, включающую ведение боевых действий в сухопутной, морской, воздушной, космической сферах и киберпространстве одновременно. Стоит учесть, что китайская военная концепция «全域作战能力» шире западной. В частности, она включает требования к экспедиционному потенциалу и экстерриториальности выполнения боевых задач.

³¹⁶ 习近平总书记在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад Генерального секретаря Си Цзиньпина на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. 27.10.2017. URL: http://www.81.cn/zggcdsjd/2017-10/27/content_7802608_10.htm (дата обращения: 19.08.2025).

³¹⁷ Имеется ввиду «всестороннее использование всех видов военного транспорта и подразделений для доставки военной силы в боевую или кризисную ситуацию в целях достижения стратегической цели». См. 中国人民解放军军语 [Военная терминология Народно-освободительной армии Китая] // 全军军事术语管理委员会. 北京: Military Science Press, 2011. P. 58.

³¹⁸ 张谦一:探索全域作战能力生成路径 [Чжан Цяньи. Анализ путей создания глобального боевого потенциала] // 解放军报. 25.09.2018. URL: http://www.81.cn/jfjbmap/content/2018-09/25/content_216591.htm (дата обращения: 19.08.2025).

В совокупности данные концепции вносят корректировки в военную доктрину, которая получает вектор на преодоление традиционной ориентации на оборону территории. Все больше заметно движение в сторону действий в сложных условиях, созданных из различных факторов: географической удаленности района боевых действий, электромагнитных помех, незащищенностью информационных систем и др. Из этого можно сделать вывод об образе результата будущих компаний. Конечной целью должна была стать способность НОАК осуществлять оперативную переброску сил, обладающих огневой и информационной мощностью в нужные районы для быстрого захвата и удержания выгодной оперативно-стратегической позиции в отношении противника.

В 2019 г. была выпущена новая Белая книга, обозначенная как «Руководящие принципы новой эры» (新时代军事战略方针). Она внесла в военную доктрину формальные изменения, приведя ее в соответствие с установками, озвученными на XIX съезде КПК. При этом она обладает высокой степенью преемственности по отношению к версии 2015 года. Изменения в ней затронули главным образом идеологический уровень, тогда как ключевые принципы, структура и содержание военной доктрины «победы в информационных локальных войнах» остались в основном неизменными. В труде «Наука военной стратегии» 2020 г. утверждалось, что новые Руководящие принципы призваны обеспечить выполнение задач Партии по строительству вооруженных сил мирового уровня и подготовке к информационным войнам³¹⁹.

Одним из изменений можно считать усиление идеологического компонента стратегии: ее «стратегическая мысль» теперь напрямую связывается с Си Цзиньпином и называется «Военно-стратегическая мысль Си Цзиньпина». Данный вектор был продолжен на XX съезде КПК, где Си

³¹⁹ 肖天亮: 战略学 [Сяо Тяньлянь. Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社, 2020 年. 第3页.

Цзиньпин провозгласил строительство «всепроникающего механизма и системы ответственности председателя ЦВС» (健全贯彻军委主席负责制体制机制)³²⁰. Как отмечает В.Б. Кашин, «речь идет не об усилении контроля над армией со стороны Партии как института, а об усилении единоличного контроля над армией со стороны председателя ЦВС, то есть самого Си Цзиньпина»³²¹.

Среди значимых нововведений стало понятие «интеллектуализации» (智能化) применительно к будущей форме военных действий и основам военного строительства. Оно было впервые введено еще на XIX съезде КПК, но нашло более конкретное объяснение в Белой книге 2019 года. «Интеллектуализация» была связана с бурным внедрением технологий искусственного интеллекта, больших данных, облачных вычислений, квантовой информации и IoT-устройств в военную практику. Эти технологии, как отмечается в документе, радикально меняют характер международного военного соперничества, ускоряют развитие высокоточного, автономного и малозаметного оружия, а также формируют предпосылки для перехода от информационной войны к интеллектуальной³²².

Ученые Национального университета обороны НОАК определили интеллектуализированную войну как интегрированную форму ведения боевых действий, где ключевую роль играет использование систем Интернета вещей, интеллектуального оружия и алгоритмических решений в наземных, морских, воздушных, космических, кибернетических, когнитивных и электромагнитных сферах. Основные ее характеристики включают принятие

³²⁰ 习近平: 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на 20-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. 16.10.2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 04.07.2025).

³²¹ Кашин В.Б. Политика КНР в сфере обороны // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022: монография. М.: ИКСА РАН. 2023. С. 93.

³²² 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Гос. Совета КНР]. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 04.07.2025).

решений людьми на основе аналитики алгоритмов ИИ (С2 на базе ИИ), массовое использование беспилотных систем с роевым интеллектом³²³, а также комплексное слияние физических и нефизических пространств войны.

Несмотря на то, что к 2022 г. интеллектуализированная война не заменила информационную в качестве официальной военной доктрины, на XX съезде КПК Си Цзиньпин подчеркнул необходимость «синхронного продвижения механизации, информатизации и интеллектуализации». Таким образом, интеллектуализация не изменяет военную доктрину «информационных совместных операций», но лишь усиливает ее акцент.

На основе анализа публикаций китайских военных экспертов можно выделить ряд особенностей данного направления в военной политике Китая.

1) Переход от информационной доминации к интеграции решений и автономности. В условиях интеллектуализации боевые операции НОАК все больше опираются не просто на сбор и передачу информации, а на способность обрабатывать, интерпретировать и действовать на ее основе автоматически и совместно с техническими платформами. То есть командование и контроль (С2) трансформируются: человек и компьютерная система работают как единое целое, где ИИ помогает в принятии решений, планировании и корректировке хода операций.

2) Ускорение и распараллеливание конфликтов в разных средах. Интеллектуализация требует готовности к едва уловимым, быстрым ударам и ответам по разным доменам — наземным, воздушным, морским, космическим, киберпространству, электромагнитному и когнитивному. Междоменные атаки становятся нормой, а время реакции — критическим ресурсом.

3) Сдвиг акцента от уничтожения к управлению и контролю. В интеллектуальных операциях успех все больше зависит не от нанесения

³²³ Рой - группа ИИ-агентов, способная декомпозировать сложную задачу пользователя на естественном языке и самостоятельно распределить ее части между специализированными агентами, действующим как единое целое, благодаря общей «памяти».

физического урона, а от способности дестабилизировать информационные и когнитивные системы противника, нарушить его принятие решений, лишить преимущественной ситуационной осведомленности и контролировать мышление — как вражеское, так и собственные силы.

4) Роевая тактика, автономные системы и гибкая координация. Ключевые боевые задачи включают координацию групп дронов и автономных систем («роев»), обеспечение их взаимодействия в режиме реального времени, быстрое переключение ролей (разведка, удар, сопровождение), а также поддержание устойчивости и надежности в условиях информационных помех и кибератак³²⁴.

Военная доктрина КНР сохраняет черты преемственности. Ее базисом остаются концепции «активной обороны» и «народной войны». Концепция «активной обороны» подчеркивает эффективное использование наступательных действий на оперативном и тактическом уровнях, избегая сильных сторон противника и концентрируясь на создании асимметричных преимуществ, чтобы «превратить то, что уступает, в то, что превосходит»³²⁵. Данная цель вписывается в расширение деятельности НОАК в функциональной и географической плоскостях. При этом, если она концепция относилась к крупномасштабной войне, то на данном этапе она предполагает ряд следующих особенностей: готовность вооруженных сил захватить и удерживать инициативу, при этом не стремясь к захвату территории; способность ВС к активным маневрам в условиях «локальной войны» с применением высоких технологий; создание благоприятной внешней

³²⁴ 李建平, 纪凤珠, 李琳: 浅析智能化指挥信息系统发展 [Ли Цзяньпин, Цзи Фэнчжу, Ли Линь. Краткий анализ разработки интеллектуальной командно-информационной системы] // 解放军报. 09.08.2022. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/4917735.html> (дата обращения: 03.10.2025); 周胜利, 沈寿林, 张国宁: 人机智能融合的陆军智能化作战指挥模型体系 [Чжоу Шэнли, Шэнь Шоулинь, Чжан Гуонин: Модель интеллектуального боевого командования армии с интеграцией человеческих и интеллектуальных возможностей] // 火力与指挥控制. 2020. Vol. 45. № 3. С. 8-19.

³²⁵ Каменов П.Б. Китай: принципы активной обороны // Международная жизнь. 2010. No 4. С. 40-56.

обстановки в сфере безопасности; способность в короткие сроки перевести страну на военное положение³²⁶.

«Народная война» нашла свое новое прочтение в связи с концепцией военно-гражданской интеграции, основной идеей которой выступает взаимоусиление гражданского и военного секторов в части содействия модернизации и научному развитию технологий и отраслей двойного назначения³²⁷.

Целесообразно рассмотреть миссии, которые возложены на соответствующие виды Вооруженных сил, обусловленные их специфическими особенностями и сферой применения, в рамках доктринальных основ и стратегических концепций. Принимая форму «совместных операций» в качестве основной формы активной обороны в локальных войнах, перед видами ВС были поставлены ряд оперативно-стратегических установок, соответствующих их роли в возможных боевых действиях.

Сухопутные войска НОАК нацелены на переход от региональной обороны к межрегиональной мобильности (实现区域防卫型向全域机动型转变), что должно сопровождаться улучшением возможностей в области воздушно-наземных комплексных операций, маневров на большие расстояния, быстрых атак и специальных операций.

Вектором развития *ВМС НОАК* служит отход от доктрины обороны в ближних морях (近海防御) в сторону комбинации обороны в ближних морях и защиты дальних морей (远海护卫) при создании комбинированной,

³²⁶ 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Гос. Совета КНР]. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 19.08.2025).

³²⁷ В китайском военном сообществе даже появилось обозначение данной концепции как «нового типа народной войны» [新型人民战争]. См. 刘威: 新形势下军民融合是人民战争思想的创新发展 [Лю Вей. В новой обстановке военно-гражданская интеграция является инновационным развитием идеи народной войны] // 社会科学 [Общественные науки]. 2016. № 12. С. 12-32.

многофункциональной и эффективной системы морских боевых сил и улучшения морских мобильных операций, морские совместные операции и комплексных возможностей поддержки.

BBC НОАК стремятся ускорить переход от территориальной противовоздушной обороны к наступательным и оборонительным операциям, в которых первоочередную важность будут иметь система сил воздушно-космической обороны, которая адаптируется к потребностям информационных операций, а также упор на оттачивание навыков планирования и проведения воздушно-десантных операций (空降作战) и улучшения возможностей стратегической доставки и комплексной поддержки (战略投送和综合保障).

Отдельная роль отводится *Войскам объединенного тылового обеспечения*, на которые возлагается ответственность создания логистики для победы в современных войнах (建设保障打赢现代化战争的后勤). Среди задач, которые возлагаются на тыловые подразделения, значатся материально-техническое обеспечение координированных операций в зонах военных действий, формирование быстрого реагирования, полномасштабного участия в войне и точечных возможностей поддержки³²⁸.

Материальное обеспечение и транспортно-логистическое сопровождение деятельности армии возлагается также на гражданский сектор. Данный подход имеет большой потенциал для усиления экспедиционных возможностей НОАК с учетом принятого в 2016 г. Закона «О коммуникациях оборонного назначения», в соответствии с которым «планирование, строительство, управление и использование ресурсов в таких секторах транспорта, как железные дороги, автомобильные дороги, водные пути, авиация, трубопроводы и порты», должны координироваться с военными властями. Также он предписывает гражданским предприятиям оказывать

³²⁸ 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Информационное бюро Гос. Совета КНР]. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 04.11.2024).

помощь в обслуживании техники и восстановлении экипажей ВМС и ВВС НОАК, осуществляющих военные операции по международному спасению, морскому сопровождению и защите национальных интересов за рубежом³²⁹.

Итак, подводя итог эволюции военной доктрины Китая за последние годы, следует отметить, что она перешла от довольно узкой направленности на территориальную оборону к созданию интегрированной системы, защищающей национальные интересы в глобальном масштабе. Основной упор делается на то, чтобы объединить все виды вооруженных сил и рода войск в единую систему, способную вести многоуровневые и многомерные боевые действия. Ключевой посыл заключается в том, что информация является ключевым ресурсом, а в будущем технологии ИИ в военной сфере будут играть не менее важную роль. Приоритетными будут совместные операции, проводимые с использованием сетевых информационных систем, высокоточного оружия, беспилотных наземных и воздушных средств, опирающиеся на проекцию силы стратегического масштаба.

В то же время военная доктрина Китая явно вышла за рамки чисто оборонительных задач. Можно наблюдать стремление защищать национальные интересы за рубежом, обеспечивать безопасность морских путей, контролировать ключевые районы в Азиатско-Тихоокеанском регионе и готовиться к потенциальной конфронтации с ведущими мировыми державами, особенно с США. Растущее значение военно-морского флота, военно-воздушных сил и космических сил, а также развитие кибернетических и когнитивных возможностей - все это указывает на то, что НОАК рассматривается не только как региональный фактор сдерживания, но и как инструмент глобального влияния.

³²⁹中华人民共和国国防交通法 [Закон КНР «О коммуникациях оборонного назначения»] / 全国人民代表大会常务委员会 [Постоянный комитет Всекитайского собрания народных Представителей]. 03.09.2016. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=540013 (дата обращения: 19.08.2025).

Для военной политики Китая в новую эпоху это прямо указывает на то, что Китай придерживается некоторых традиционных принципов, но также трансформирует свою военную политику в модель, которая включает в себя новейшие технологии и новые способы их использования, а также наращивает экспедиционный потенциал для демонстрации мощи вдали от дома. Целью данного курса выступает создание вооруженных сил мирового класса, способных защищать национальный суверенитет, предотвращать кризисы и войны и, при необходимости, побеждать в конфликтах любой сложности, сохраняя при этом условия для устойчивого развития страны.

3.2. Институциональный контур военной политики Китая

Военное строительство подчинено собственной логике, которая выражена в стратегических задачах, стоящих перед НОАК. Модернизация ВС – это не просто политическое предпочтение или сиюминутное начинание, важность которого со временем может ослабнуть. Она является неотъемлемым элементом государственного курса на модернизацию страны. Как заявила КПК на Пятом пленуме в октябре 2020 г., амбиции КНР стать богатой страной тесно связаны с ее амбициями создать мощную армию. Там же было подтверждено, что в 2020 г. КНР достигла важного рубежа — НОАК закончила процесс механизации и добилась значительного прогресса в информатизации и улучшении стратегических возможностей³³⁰. При этом НОАК продолжает преследовать амбициозные цели модернизации и повышать свою боеготовность в соответствии с целями и сроками, объявленными Генеральным секретарем Си Цзиньпином на XX съезде Партии в 2022 г. (см. рис. 2).

Рисунок 2.

Основные вехи военной модернизации НОАК в XXI в.

³³⁰ 全军和武警部队官兵深入学习贯彻党的十九届五中全会精神 [Вся армия и Вооруженная полиция глубоко изучили и воплотили в жизнь дух Пятого Пленума 19-го съезда ЦК Партии] / 国防部网. 26.11.2020. URL: http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2020-11/26/content_4874636.htm?from=timeline&isappinstalled=0 (дата обращения: 24.01.2025).

Источник: составлено автором на основе 习近平: 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Си Цзиньпин. Доклад на 20-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. 16.10.2022. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 04.07.2025).

Главным посылом нового этапа теоретической проработки модернизации военного потенциала КНР к 2027 г. стала ориентация на создание объединения войск различной видовой и родовой принадлежности в единую организационно-штатную структуру на оперативно-стратегическом уровне с участием всех служб и родов войск. Замысел данного процесса сводился к достижению НОАК возможностей проводить совместные операции³³¹, в которых были бы созданы условия для единого командования и управления, быстрого маневра, комплексного ударного потенциала, а также оперативной поддержке, материально-технической поддержке и снабжению для различных объединений. Для реализации данных возможностей необходимо было создать соответствующую организационную структуру.

Уже в ноябре 2013 г., в решении третьего пленума ЦК КПК, была обозначена необходимость реформы системы командования³³². Си Цзиньпин прямо увязал проблему недостатков командной структуры с необходимостью стратегического переосмысления: Руководящие принципы 2014 г., приведшие

³³¹ 寿晓松. 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京:军事科学出版社. 2013, С. 206-207.

³³² 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким важным вопросам всестороннего углубления реформ] // Government of the People's Republic of China. 13.11.2013. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm (дата обращения: 04.07.2025).

к изменению военной доктрины, стали именно таким обоснованием, легитимирующим реформы³³³.

До реформ 2015 г. 4 главных управления НОАК (Генеральный штаб, Главное политическое управление, Главное управление тыла и Главное управление вооружений) обладали высокой автономией от ЦВС КНР и Партии. Командующие родами войск действовали независимо от командующих военными округами. Эта структура создала разобщенную НОАК, неспособную к эффективным совместным операциям.

Для решения данной проблемы и приведения НОАК в соответствие требованиям новой военной доктрины «победы в информационных локальных войнах» Си Цзиньпин инициировал ряд организационных реформ. Их главной целью стало изменение принципов управления, командования и ведения операций. В основе этих преобразований лежала необходимость ухода от устаревшей модели, основанной на доминировании сухопутных сил и высоком уровне административной изолированности между видами ВС и родами войск. Образ результата процесса реформирования был емко выражен в материалах ЦВС КНР: «ЦВС КНР осуществляет общее руководство, стратегические командования отвечают за проведение операций, виды ВС отвечают за военное строительство» (军委管总, 战区主战, 军种主建)³³⁴. На основании данных задач была произведена перестройка ЦВС КНР и осуществлены структурные изменения на уровне служб, родов войск и территориальных общевойсковых объединений частей и соединений.

Реформы 2015-2017 гг. радикально изменили структуру. Кроме ликвидации 4-х главных управлений НОАК и создания вместо них 15-ти

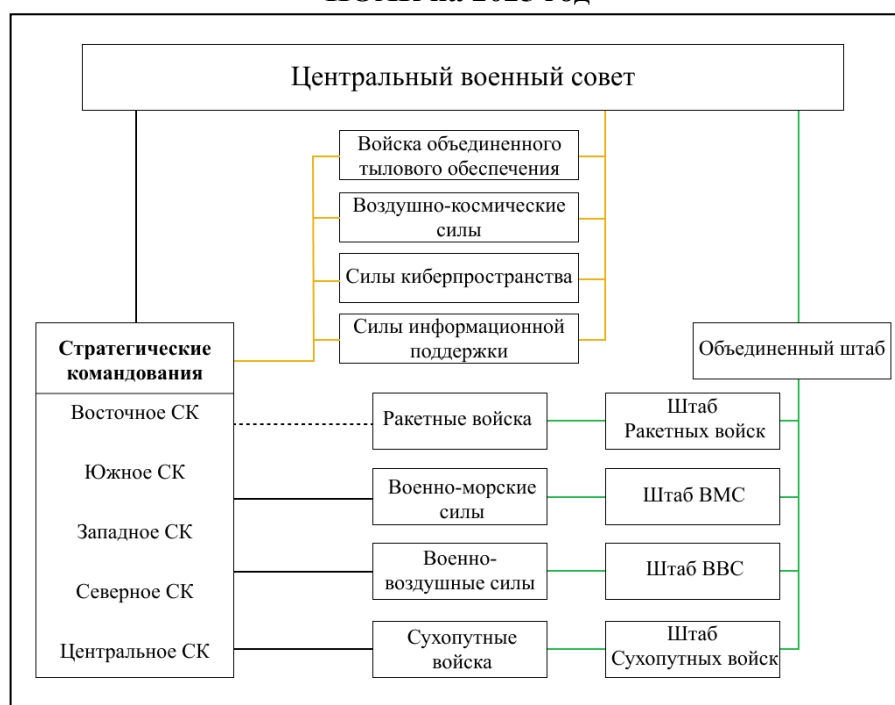
³³³ 习近平: 习近平国防和军队建设重要论述选编 [Си Цзиньпин. Избранные очерки о национальной обороне и военном строительстве Си Цзиньпина]. 北京: 解放军出版社, 2016 年. 第220页.

³³⁴ 胡光正, 许今朝: 伟大改革的精髓: 论军委管总、战区主战、军种主建 [Ху Гуанчжэн, Сюй Цзиньчжао: Суть Великой реформы: о главном управлении Военной комиссией, главном сражении на театре военных действий и главном строительстве вооруженных сил] // 国防. March 2016. С. 4-10.

органов, напрямую подчиненных ЦВС КНР, была создана организационная модель для проведения совместных операций. Штабы родов войск, лишились оперативного контроля над своими подразделениями, сохранив только административные функции. Сами штабы были сведены в единый орган Объединенный штаб, замкнувший на себе все вопросы военного строительства. Оперативное управление вместо расформированных 7-ми военных округов было передано 5-ти новым стратегическим командованиям (см. рис. 3).

Рисунок 3.

**Организационная структура системы оперативного командования и управления
НОАК на 2025 год**

Источник: составлено автором.

Примечание: линии черного цвета указывают на отношения оперативного управления, линии зеленого цвета – на отношения административного управления, линии желтого цвета обозначают отношения функций поддержки, которую оказывают самостоятельные службы, напрямую подчиненные ЦВС КНР. Пунктирная линия указывает на то, что управление имеет ограниченный характер ввиду того, что ядерные силы напрямую подчинены ЦВС КНР.

Объединенный штаб ЦВС КНР состоит из руководителей всех видов ВС. ОШ в максимальной мере освобожден от хозяйственных функций, которые были у Генштаба НОАК. На этот орган возложены задачи осуществлять на

межвидовой основе планирование и управление войсками; разрабатывать уставы ВС, организовывать оценку возможностей войск и поддерживать единую систему подготовки личного состава³³⁵.

Позднее, в марте 2016 г. при Оперативном управлении ОШ ЦВС КНР появился Отдел зарубежных операций. Его основные функции включают в себя координацию военных операций за рубежом, среди которых пресс-секретарь Министерства национальной обороны Ян Юйцзюнь выделил следующие: миротворческие миссии, операции сопровождения за рубежом, спасательные операции, эвакуация китайских граждан, координация в области многосторонних военных учений и т.д.³³⁶. Появление данного органа сигнализирует о том, что Китай сфокусировал руководство операциями НОАК за рубежом в ответственности одного органа, освободив НОАК от межведомственных бюрократических препон для осуществления зарубежных акций, требующих интегрального, скоординированного руководства и оперативного управления.

Реформы на уровне видов вооруженных сил радикально изменили структуру НОАК. До преобразований существовали три основных рода войск (Сухопутные войска, ВМС, ВВС) под контролем ЦВС, а Ракетные войска (бывший Второй артиллерийский корпус НОАК) были отдельным формированием. После реформ структура расширилась: к трем основным видам добавились независимые Ракетные войска НОАК (повышенные в статусе в декабре 2015 г.), Силы стратегической поддержки (ССП) и Войска объединенного тылового обеспечения (ВОТО).

³³⁵ Кокошин А.А. Военная реформа в КНР: военно-стратегические, политические и организационно-управленческие аспекты // РСМД. 10.01.2017. URL: [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voennaya-reforma-v-knr-voenno-strategicheskie-politicheskie-/](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/voennaya-reforma-v-knr-voenno-strategicheskie-politicheskie/) (дата обращения: 04.11.2024).

³³⁶ 中央军委联合参谋部作战局成立海外行动处 [Оперативное управление Объединенного штаба Центральной военной комиссии создало Отдел зарубежных операций] / 解放军报 [Газета НОАК]. 31.03.2021. URL: http://www.81.cn/xwfy/2016-03/31/content_6986671.htm (дата обращения: 04.11.2024).

Ракетные войска НОАК стали самостоятельным видом войск, равным другим. Это отражает растущую роль ракетно-ядерных сил в военной доктрине Китая и повышенное внимание к стратегическому сдерживанию³³⁷.

Силы стратегической поддержки (ССП), созданные в конце 2015 г., централизовали управление ключевыми некинетическими доменами: космосом, киберпространством, радиоэлектронной борьбой, информационными и психологическими операциями. В 2024 г. они были разделены на три отдельных рода войск: Воздушно-космические силы (航天部队), Силы киберпространства (网络空间部队), Силы информационной поддержки (信息支援部队)³³⁸. Вместе с Войсками объединенного тылового обеспечения данные структуры обеспечивают поддерживающую функцию боевым подразделениям, которые находятся в подчинении у командующих стратегических командований.

В обязанности Воздушно-космических сил входит организация космических запусков, наблюдение за космосом, обеспечение войск информацией из космоса, управление спутниками, а также ведение боевых действий в космическом пространстве. Китай активно развивает эту область, стремясь создать единую систему для совместных действий разных родов войск и развернуть глобальную сеть разведки и оповещения в реальном времени³³⁹. В частности, для этого наращивается количество спутников — связи, разведки и навигационных (таких как система «Бэйдоу»).

³³⁷ Lee R. Integrating the PLA Rocket Force into Conventional Theater Operations // China Brief 20. No. 14, 2020. P. 24–31.

³³⁸ 信息支援部队是全新打造的战略性兵种 [Силы информационной поддержки - это недавно созданное стратегическое оружие] // 国防部网. 19.04.2024. URL: http://www.mod.gov.cn/gfbw/xwfyf/lhzb/ztjzh_249264/2024n4y_249265/16302027.html (дата обращения: 04.07.2025).

³³⁹ 朱传超, 卢东方: 军事航天部队方队: 追星揽箭 逐梦太空 [Чжу Чуанчао, Лу Дунфан: Команда Военно-космических сил: В погоне за звездами и стрелами, в погоне за мечтами в космосе] // 解放军报. 04.09.2025. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16407558.html> (дата обращения: 19.08.2025).

Силы киберпространства отвечают за защиту национальной сети в условиях войны, проведение технической разведки и радиоэлектронной борьбы в интересах стратегического командования, а также психологического воздействия на противника. Собирая данные с помощью различных наземных технических средств, они создают общую оперативную картину, которая помогает действовать распределенным оперативным группам³⁴⁰.

Главной задачей СИП является создание высокоэффективной информационной сети, способной поддерживать скоординированные действия армии даже в условиях активного противодействия со стороны противника. Также перед СИП поставлены задачи восстановления сетевой инфраструктуры командования и управления в условиях кибератак, радиоэлектронного подавления и физических повреждений, внедрение интеллектуальных систем мониторинга, позволяющих прогнозировать и минимизировать угрозы, осуществление взаимодействия с боевыми подразделениями для обеспечения многодоменных операций³⁴¹.

Желаемым результатом деятельности данных трех служб в условиях общевойсковой совместной операции выступает создание автоматизированной системы управления, связи, наблюдения, сбора информации и разведки (C4ISR)³⁴². Стоит отметить, что это необходимый компонент для поддержки удаленных операций.

Наконец, завершающим штрихом в организационной структуре пореформенной НОАК, оптимизирующим защиту «зарубежных интересов», стали Войска объединенного тылового обеспечения ЦВС КНР, созданные в

³⁴⁰ 彭冰洁: 网络空间部队方队: 智掌风云 密织天网 [Пэн Бинцзе. Строй киберпространства: Укрощая виртуальную бурю, сплетая несокрушимую сеть] // 解放军报. 04.09.2025. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16407559.html> (дата обращения: 19.08.2025).

³⁴¹ 梁艳婕, 王一凡, 范恩达: 信息支援部队方队: 网信尖兵 融合制胜 [Лян Яньцзе, Ван Ифань, Ван Энда. Строй сил информационного обеспечения: в авангарде сетей, к победе — через интеграцию] // 解放军报. 04.09.2025. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16407560.html> (дата обращения: 19.08.2025).

³⁴² Costello, J., McReynolds, J. China's Strategic Support Force: A Force for a New Era // China Strategic Perspectives, No. 13. Washington: National Defense University Press. 2018. P. 7.

сентябре 2016 года. Они напрямую подотчетны ЦВС КНР и представляют собой самостоятельный вид вооруженных сил, что подчеркивает их значимость³⁴³. ВОТО отвечают за капитальное строительство и закупки топлива, строительных материалов, продовольствия и т.д.

Пять стратегических командований (战区) ответственны за межвидовое управление войсками в зоне собственной ответственности. Ввиду того, что всем СК приписаны сухопутные и военно-воздушные части, а Восточному, Северному и Южному СК приписаны также флоты, то и зона их ответственности, соответственно, распространяется на все три пространства в пределах территориальной юрисдикции КНР³⁴⁴.

В военной науке Китая военные операции делятся на две категории: военные и невоенные. Они могут быть концептуально сгруппированы в четыре широкие категории: пограничные операции, операции в ближнем море, операции в совместной зоне ответственности нескольких стратегических командований (операции «СК+») и операции в дальних морях. Операции СК+ в основном находятся в географической зоне ответственности одного СК, но либо требуют значительных средств, не находящихся под контролем командующего СК, либо вспомогательных операций, которые проводятся за пределами этой зоны ответственности³⁴⁵. Четвертый тип включает в себя операции в дальних морях (см. табл. 3).

Таблица 3.

Операции и миссии НОАК в Новую эпоху

Тип операций	Командование и управление	Задействованные виды ВС НОАК	Тактические мероприятия
пограничные операции	Стратегические командования, ЦВС КНР (управление Ракетными войсками)	СВ, ВМС, ВВС, РВ НОАК	Четыре СК планируют и проводят операции в пределах своих

³⁴³ McCauley K. Modernization of PLA Logistics: Joint Logistic Support Force. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. 15.02.2018. P. 5-6.

³⁴⁴ Каменнов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН. 2019. С. 147-148.

³⁴⁵ Saunders, P.C. Beyond Borders: PLA Command and Control of Overseas Operations // NDU Strategic Forum. July 2020. No. 306. P. 3.

			географических зон ответственности
операции в ближнем море	Стратегические командования, штаб береговой охраны; штаб ВВС	ВМС, ВВС, береговая охрана, морская милиция	Южное СК отвечает за ЮКМ, Восточное СК отвечает за ВКМ, Северное СК – за Желтое море
операции «СК+»	Стратегические командования, ЦВС КНР и Объединенный штаб для координации	СВ, ВМС, ВВС, РВ НОАК	Восточное СК: Тайвань и Западная часть Тихого океана; Западное СК: Индия
операции в дальних морях	Штаб ВМС, Объединенный штаб ЦВС КНР, Отдел зарубежных операций (миротворческие миссии, эвакуационные и гуманитарные миссии)	ВМС НОАК, ВОТО	морское сопровождение, защита линий морских коммуникаций, миротворческие миссии, эвакуация граждан, создание баз материально-технической поддержки

Источник: составлено автором на основе 肖天亮. 战略学 [Сяо Тяньлян. Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社 [Пекин: Издательство Университета национальной обороны]. 2017. P. 388; Saunders, Phillip C. Beyond Borders: PLA Command and Control of Overseas Operations // NDU Strategic Forum. July 2020. No. 306. P. 3-4.

Анализируя данную типологию операций, можно заключить, что географический фокус совместных операций НОАК по-прежнему сосредоточен на прибрежных морях Китая (имеются в виду районы в пределах «первой цепи островов», включая Желтое, Южное и Восточно-Китайское моря и Тайваньский пролив). К понятию экспедиционных подходят операции в дальних морях, которые происходят за пределами «первой цепи» и, осуществляются ОШ ЦВС КНР. Согласно китайскому подходу, набор экспедиционных миссий («стратегической доставки») НОАК включает комплекс морских, воздушных и наземных операций за пределами непосредственной периферии Китая, которые требуют доставки военной силы на большие расстояния для достижения стратегической цели. К ним относятся традиционные миссии военно-морского флота голубой воды, такие как защита линий коммуникаций, а также ряд более мелких нетрадиционных миссий по обеспечению безопасности. Данные миссии служат различным политическим целям, происходят с разной интенсивностью и продолжительностью и могут не включать угрозу насилия или протекать в условиях, приближенных к боевым. Частым ответом на данные вызовы выступает развертывание

небольшого, но мобильного контингента вооруженных сил за пределами границ Китая, что соответствует как стратегии «активной обороны», так и духу концепции «локальных войн».

Реформированию подверглась и организационно-штатная структура ВС КНР. В ходе военной реформы произошел частичный отказ от дивизионного и полкового звеньев и началось внедрение системы «армия—бригада—батальон» [军—旅—营]³⁴⁶, что зафиксировано было в Военной стратегии КНР 2015 г. как составляющая курса на миниатюризацию, многофункциональную и модульную разработку боевых подразделений³⁴⁷. Общевойсковая бригада в качестве основного тактического звена позволяет экспедиционному корпусу действовать в условиях ограниченного времени и пространства, сохраняя многофункциональность. Новшеством данного подхода выступает отказ от громоздкой организационной структуры дивизии, в сторону более мобильной и гибкой по своей структуре бригаде. НОАК намерена планировать военную компанию как комплекс мелких, тактических операций, за которые будут ответственны командиры общевойсковых бригад³⁴⁸. В отличие от дивизий, бригада в целом не предназначена для самостоятельных действий в отрыве от армии, но более эффективна в условиях «локальных войн», на которые рассчитана китайская военная доктрина.

Таким образом, институциональный контур военной политики КНР представляет собой сложную иерархически выстроенную систему управления, в которой ключевая роль принадлежит Коммунистической партии

³⁴⁶ 2015年中国国防白皮书《中国的军事战略》[«Военная стратегия Китая». Белая книга по национальной обороне Китая. 2015 г.] // China Daily. 26.05.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (дата обращения: 04.11.2024).

³⁴⁷ Don Tse. China's Americanized Military // The Diplomat. December 13, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/12/chinas-americanized-military/> (accessed: 08.01.2024).

³⁴⁸ 韩林,魏兵,刘建伟:《中国人民解放军联合作战纲要(试行)》:认识战争规律,设计战争打法 [Хань Линь, Вэй Бин, Лю Цзяньвэй. План совместных операций Народно-освободительной армии Китая (пробная реализация): Понимание законов войны и разработка военных операций] // 解放军报. 05.01.2022. URL: http://www.mod.gov.cn/topnews/2022-01/05/content_4902340.htm (дата обращения: 03.10.2025).

Китая, обеспечивающей политический контроль над вооруженными силами. Проведенные в последние годы реформы организационной структуры НОАК были направлены на повышение эффективности стратегического управления, усиление межвидовой координации и формирование механизмов ведения совместных операций. Центральное место в данной системе занимает Центральный военный совет, выступающий основным инструментом реализации партийного руководства армией и координации процессов военной модернизации.

Институциональные преобразования, реализованные в период руководства Си Цзиньпина, свидетельствуют о стремлении китайского руководства создать более гибкую и функционально интегрированную систему управления вооруженными силами. В результате происходит постепенный переход от традиционной модели управления к более централизованной и технологически ориентированной структуре, способной обеспечивать эффективное использование военного потенциала в условиях современных конфликтов. Таким образом, институциональная трансформация выступает важнейшим условием реализации стратегической задачи по превращению НОАК в современную армию мирового уровня.

3.3. Новые акценты в вопросах военного строительства

Если говорить о материально-технической части военного строительства, то целесообразно будет вслед за военно-политическим руководством КНР ее разделить на три направления: механизацию, информатизацию и интеллектуализацию. Одновременно с этим Китай расширяет свои экспедиционные возможности для защиты своих расширяющихся национальных интересов на морских логистических маршрутах и улучшает координацию между военным сектором и гражданскими компаниями для ресурсного обеспечения военной модернизации.

Учитывая, что *механизация* признана достигнутой целью НОАК, на данном этапе под ней понимается процесс оснащения ВС новыми видами ВВТ, которые необходимы для выполнения возложенных на них задач.

Сухопутные войска НОАК. Основными инициативами НОАК по проецированию силы является создание мобильных модульных общевойсковых формирований, сил специального назначения, а также авиационных и воздушно-штурмовых подразделений. После многих лет существенных реформ общевойсковой батальон общевойсковой бригады является основополагающим тактическим подразделением НОАК. Разработанная в течение последних 5 лет и вводимая в эксплуатацию техника, ориентирована на мобильность и удобство транспортировки, включая 122-мм гаубицу на базе штурмовой машины PLC-171, колесную гаубицу PCL-181, штурмовые машины 3-го поколения Dongfeng Mengshi и широкофюзеляжный транспортный вертолет Z-8L. 15 бригад специальных операций PLAAs предоставляют командирам возможность прямых экспедиционных действий и проникновения. Кроме того, в сухопутных войсках идет масштабное внедрение современных систем по обеспечению «информатизации» управления боем, включая различные типы автоматизированных систем управления и связи тактического звена, а также новые системы управления и связи для военнослужащих³⁴⁹.

Военно-воздушные силы и морская авиация ВМС НОАК совершенствуют свои возможности по проведению наступательных и оборонительных морских операций, таких как нанесение ударов, воздушная и противоракетная оборона, стратегическая мобильность, а также миссии раннего предупреждения и разведки. Хотя в настоящее время они обладают ограниченными возможностями по проецированию мощи, но заметно стремление к расширению сферы их применения. ВВС НОАК развертывает и разрабатывает

³⁴⁹ Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949-2014 гг // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 114.

тяжелые транспортные самолеты и крупные десантные боевые и комплексные корабли снабжения для поддержки стратегической доставки войск. Силы армейской авиации расширяются, вводятся в строй новые транспортные вертолеты, планируется создание вертолета большой грузоподъемности.

Основой парка военно-транспортной авиации остается Ил-76, однако, КНР активно разрабатывает собственные модели транспортных самолетов: тяжелый транспортный самолет Y-20, средний транспортный самолет Y-9. В разработке находится транспортный самолет Y-30, который, как сообщается, способен нести большую полезную нагрузку, чем Y-9³⁵⁰. Вместе с этим Китай увеличивает парк самолетов-заправщиков Xian H-6U и Xian H-6UD (морской вариант). НОАК также приобрела у Украины три танкера-заправщика Ил-78³⁵¹. Все перечисленные типы транспортных судов способны не только перевозить военнотружущих и военную технику, но и осуществлять парашютное десантирование личного состава и грузов НОАК.

Руководствуясь принципом военно-гражданской интеграции, военно-транспортная авиация может быть оперативно усилена транспортными и пассажирскими воздушными судами гражданских авиакомпаний Китая, что при совместных действиях обеспечит переброску по воздуху значительного количества войск. В 2021 г. Китай ввел в эксплуатацию бомбардировщик дальнего действия нового поколения H-20, а также увеличивает парк самолетов-заправщиков Xian H-6U³⁵². Важным фактором, повышающим возможности ВВС НОАК является развертывание аэродромов на искусственных островах («непотопляемых авианосцев») в Южно-Китайском море, позволяющих увеличивать дальность полета для военной авиации КНР,

³⁵⁰ Дубровский И.Р., Никулин М.А. Возможности развития экспедиционного потенциала НОАК в контексте военной модернизации // Военная мысль. 2022. №. 5. С. 118-141.

³⁵¹ Warnes, A. Air Refuelling Proliferates // Asian Military Review. July 25, 2018. URL: <https://www.asianmilitaryreview.com/2018/07/air-refuelling-proliferates/> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁵² Божов О. Китайский. Суперсекретный. Стратегический. Необычный дебют авиационной надежды дальней авиации КНР // Армейский стандарт. 2021. URL: <https://armystandard.ru/news/2021120911-8XEрW.html?ysclid=mna8n49113688260008> (дата обращения: 04.11.2025).

а также внедрение в войска самолета раннего предупреждения и управления третьего поколения KJ-500, позволяющего поражать цели сверхдальними китайскими ракетами класса «воздух-воздух». КНР также могла бы повторить опыт создания взлетно-посадочных полос на логистических объектах за пределами КНР, как это было апробировано на пункте стратегической поддержки в Джибути.

Военно-морские силы НОАК. ВМС НОАК продолжает превращаться в глобальную силу, постепенно расширяя свой оперативный охват за пределы Восточной Азии и приобретая устойчивую способность действовать на все более дальних расстояниях, включая постоянное присутствие в Аденском заливе. В частности, введение в строй трех авианосцев, последний из которых (Фуцзянь) обладает электромагнитной катапульты, расширяет зону действия противовоздушной обороны за пределы радиуса действия береговых и корабельных ракетных систем и позволят оперативным группам действовать на все более дальних дистанциях.

ВМС НОАК наращивают создание судов обеспечения (проект 903 и 903А, а также 908 и 905), которые необходимы для поддержания деятельности военно-морских групп в отдаленных районах. С 2017 г. Китай начал разрабатывать два крупнейших судна обеспечения проекта 901, превосходящих все предыдущие как по грузоподъемности, так и по скорости, что увеличит срок развертывания авианосной ударной группы. Наличие данных судов усиливает возможности ВМС НОАК проецировать собственную мощь, повышая скорость, маневренность и автономность боевых групп³⁵³.

Китай является единственной страной, за исключением США, которая построила особый тип десантных кораблей, называемых Мобильными посадочными платформами (или экспедиционными доками, согласно

³⁵³ 马尧: 中国最强航母补给舰亮相 [Ма Яо. Спущен на воду сильнейший китайский корабль снабжения для авианосцев] // 时代报告. 2017. С. 38-41.

нынешней терминологии США)³⁵⁴. В 2019 г. на воду был спущен первый из трех десантных кораблей нового типа (проект 075). Имея водоизмещение до 40 тыс. т., данный корабль имеет решающее значение для проведения экспедиционных операций и поддержки сухопутных сил, поскольку может перевозить большое количество ударных и транспортных вертолетов и войск³⁵⁵. Как подчеркивается в издании 2024 г. Ежегодного доклада Пентагона о состоянии возможностей ВС КНР армия Китая может задействовать возможности судостроительной промышленности КНР за короткий промежуток времени нарастить производство кораблей на воздушной подушке³⁵⁶, повышающих маневренность целевых групп.

Расширяющийся флот крупных современных универсальных десантных кораблей-вертолетоносцев (проект 071) позволяет КНР проводить широкий спектр экспедиционных операций везде, где интересы страны находятся под угрозой, или в поддержку участия КНР в военных операциях, отличных от войны (MOOTW). Расширение военно-морских операций за пределы непосредственного региона Китая также облегчит его невоенную деятельность и еще больше узаконит растущую глобальную военную мощь КНР, включая пункт материально-технического обеспечения в Джибути.

Ракетные войска НОАК увеличивают запасы ударного оружия большой дальности и качественно улучшают их состав. Это относится, в частности, к гиперзвуковым планирующим ракетам, межконтинентальных баллистических ракет, ракет средней дальности и противоракет малой дальности. РВ НОАК продолжает наращивать свои запасы ракет средней дальности DF-26, которые были впервые представлены в 2015 г. и поставлены на вооружение в 2016

³⁵⁴ O'Rourke, R. China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities—Background and Issues for Congress. Washington: Congressional Research Service. 2020. P. 8.

³⁵⁵ Joe, R. The Future of China's Amphibious Assault Fleet // The Diplomat. July 17, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/07/the-future-of-chinas-amphibious-assault-fleet/> (дата обращения: 04.11.2024).

³⁵⁶ Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2024. Washington: Office of the Secretary of Defense. 2024. P. 121.

году³⁵⁷. DF-26 имеют многоцелевой характер, предназначены для быстрой замены обычных и ядерных боеголовок и способны наносить высокоточные наземные и противокорабельные удары в западной части Тихого океана, Индийском океане и Южно-Китайском море с территории материкового Китая. В 2020 г. КНР приступила к эксплуатации гиперзвуковой планирующей ракеты DF-17³⁵⁸, которая предназначена для замены некоторых старых блоков баллистических ракет малой дальности. РВ НОАК разрабатывают и тестируют несколько новых вариантов ракет большой дальности на ТВД, а также развивают возможности и методы противодействия системам ПРО противника.

Китай совместно с Россией разрабатывает систему предупреждения о ракетном нападении, которая позволит получать информацию о государстве-агрессоре, атакуемых районах, времени до прибытия боевых блоков баллистических ракет и масштабе ракетного удара с характеристиками, достаточными для принятия решений высшими звеньями управления государства и Вооруженных сил Китай³⁵⁹. РВ НОАК разрабатывают межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), которые значительно улучшат ее ракетные силы, обладающие ядерным потенциалом, за счет более живучих систем доставки и потребуют увеличения производства ядерных боеголовок, частично из-за внедрения разделяющихся головных частей с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН).

Вектор *информатизации* проявляется в том, как НОАК наращивает свои возможности в части выстраивания системы управления, связи, сбора

³⁵⁷ 国防部：东风-26型导弹列装火箭军部队 [Министерство обороны: Армейское подразделение по производству ракетных комплексов "Дунфэн-26"] // 国防部网. 24.06.2018. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/qwfb/4811025.html> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁵⁸ Литвинова М. «Код красный» — гиперзвуковой вызов Китая и пределы американской обороны // РСМД. 18.03.2026. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/kod-krasnyy-giperzvukovoy-vyzov-kitaya-i-predely-amerikanskoy-oborony/?ysclid=mna8xub0bf922166225> (дата обращения: 04.11.2025).

³⁵⁹ Стефанович Д. Как Россия поможет защитить Китай от ракетного нападения? // РСМД. 07.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/kak-rossiya-pomozhet-zashchitit-kitay-ot-rakernogo-napadeniya/?ysclid=mgdti6xq4b591817791> (дата обращения: 19.08.2025).

разведанных, наблюдения, разведки местности, передачи данных (C4ISR). Военно-политическое руководство КНР рассматривает C4ISR как основу современной войны, где скорость сбора, обработки и передачи информации выступает решающим фактором. НОАК совершенствует как свои технологии, так и структуры организационного управления, чтобы более эффективно координировать совместные операции на разных театрах военных действий. Это позволяет командирам быстрее принимать решения и более эффективно управлять подразделениями в боевых условиях³⁶⁰.

Пекин также наращивает усилия в области радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Подразделения РЭБ НОАК тренируются подавлять и нарушать работу систем связи, радаров и навигации противника (включая GPS). Данную область в Китае рассматривается как способ сдерживания противника от вступления в конфликт и как ключевая часть информационной и когнитивной войны.

КНР к 2022 г. создала постоянно действующую орбитальную космическую станцию³⁶¹, построила обширную наземную инфраструктуру поддержки глобальной спутниковой навигационной группировки «Бэйдоу», нарастила производство космических аппаратов и космических ракет-носителей (SLV), осуществила успешные запуски своих ракет большой грузоподъемности Чанчжэн-5 и Чанчжэн-5В и спутников комплексной системы дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) с высоким разрешением «Гаофэн».

КНР продолжает развивать ряд противокосмических средств и связанных с ними технологий, включая ракеты кинетического поражения, наземные лазеры и орбитальных космических роботов, а также расширяет

³⁶⁰ Chase, M.S. China's Digital Silk Road in Nadege Rolland, ed., Securing the Belt and Road Initiative. Washington: National Bureau of Asian Research. September 2019. 75 p.

³⁶¹ 瞄准世界科技前沿 抢占未来发展先机 [Стремитесь быть на переднем крае мировой науки и техники, чтобы воспользоваться возможностью для будущего развития] // 科技日报. 2024. URL: https://www.cas.cn/zt/hyzt/ysdh21st/cmsm/202406/t20240624_5022599.shtml (дата обращения: 19.08.2025).

возможности космического наблюдения, которые позволяют отслеживать объекты в космосе в пределах их поля зрения и обеспечивать действия в противокосмическом пространстве. Кроме того, за запусками спутников и межконтинентальных баллистических ракет наблюдают специальные корабли слежения серии «Юаньван».

В настоящее время в качестве военной защищенной космической системы связи используется группировка из пяти геостационарных космических аппаратов (один типа «Шэньтун-2», один «Фэнхо-2» и три ретранслятора типа «Тяньлянь-1»). В интересах НОАК работает спутник двойного назначения «Чайнасан-М» из состава национальной системы космической связи КНР, состоящей из семи геостационарных космических аппаратов. В интересах военных задействуются также элементы системы космической связи на базе четырех спутников типа «Апстар» и четырех «Эйшасат». Китай также приступает к развертыванию систем нано- и микроспутников двойного назначения, вынашивает планы к 2030 году создать глобальную сеть на основе квантовой связи³⁶².

Военно-политическое руководство КНР рассматривает кибероперации, наряду с электронной и психологической войной, одним из ключевых инструментов достижения информационного превосходства и противодействия более сильному противнику. Пекин объявил киберпространство критически важной сферой национальной безопасности и ускоряет развитие кибервойск. НОАК рассматривает интеграцию киберсредств с космосом и РЭБ как стратегическое оружие для дезорганизации систем управления противника. Кибероперации выполняют задачи разведки, сдерживания, ударов по логистике и коммуникациям, а также усиливают эффект кинетических атак. Особое внимание уделяется защите

³⁶² Гордиенко Д.В. Военная политика Китайской Народной Республики. М.: Издательский дом «Научная библиотека». 2025. С. 248.

собственных систем и инфраструктуры, включая превентивные меры и наступательные действия против киберактивности противника³⁶³.

Китайская концепция *интеллектуализации* заключается в том, чтобы внедрить ИИ и связанные с ним технологии в систему C4ISR. Но вот в чем дело – они не рассматривают ИИ как конечную цель. Вместо этого, это скорее инструмент для объединения людей, оружия и методов ведения боя в так называемую «систему систем». Основная цель – создать единую структуру для проведения комплексных совместных операций, которая обеспечит вам единое командование, хорошую маневренность и всестороннюю поддержку.

Искусственный интеллект стал настоящим стратегическим направлением для Китая, влияющим как на экономический рост, так и на военную мощь. Еще в 2017 году ИИ был включен в «План развития искусственного интеллекта нового поколения», который, по сути, стал основой национальной стратегии страны³⁶⁴. И за этим стоит не только правительство – китайские технологические компании играют большую роль в реализации этого плана, особенно в рамках стратегии слияния военного и гражданского секторов. В рамках этой стратегии искусственный интеллект используется для принятия командных решений, военных расчетов и создания оборонных технологий.

В 14-м пятилетнем плане по национальной информатизации 2021 г. руководство Китая акцентировало внимание на развитии ключевых технологий, таких как искусственный интеллект, квантовые вычисления, с целью повышения национальной конкурентоспособности и обеспечения

³⁶³ 贯彻总体国家安全观护航网络强国建设 [Внедрение общей концепции национальной безопасности и содействие строительству кибердержавы] // 中国网信网. 28.03.2025. URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/28/c_1744866206374020.htm (accessed: 25.08.2025).

³⁶⁴ 新一代人工智能发展规划的通知 // [План развития искусственного интеллекта нового поколения] // 国务院. 2017. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed: 25.08.2025).

безопасности³⁶⁵. На Второй сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2024 г. была подтверждена приверженность НОАК модернизации через военно-гражданскую интеграцию, где ИИ выделяется как ключевой элемент «революции в военном деле»³⁶⁶.

Опыт КНР по внедрению ИИ в вооружения отражен в работе исследователей из Центра безопасности и новых технологий, в которой проанализированы 343 контракта НОАК. В данной работе выделены семь приоритетных сфер: автономные транспортные средства, ISR, логистика, радиоэлектронная борьба, моделирование, командование и управление, а также автоматическое распознавание целей³⁶⁷. Эти направления можно свести к двум категориям: ИИ в вооружении и ИИ в поддержке боевых действий.

Китай разрабатывает системы с разным уровнем автономности — от дистанционно управляемых до почти полностью автономных. НОАК стремится к интеграции пилотируемых и беспилотных систем, использованию ИИ для групповых атак и логистики. Примеры — БПЛА TYW-1, ASN-216 и проект FH-97A («лояльный ведомый»). Однако смертоносных автономных систем с развитым ИИ пока нет³⁶⁸.

ИИ также применяется в задачах ISR, например в радарх YLC-2E и YLC-16, а в перспективе — в когнитивных радарх и системах ПВО с функциями автоматизированного принятия решений и интеграции сенсоров.

³⁶⁵ Translation: 14th Five-Year Plan for National Informatization // Stanford University. Dec. 2021. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-14th-five-year-plan-for-national-informatization-dec-2021/> (accessed: 22.03.2025).

³⁶⁶ 第十四届全国人民代表大会第二次会议上 [Вторая сессия 14-го Всекитайского собрания народных представителей] // 国务院. 05.03.2024. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11246/202403/content_6941846.html (accessed: 22.03.2025).

³⁶⁷ Дубровский И.Р. От «информатизации» к «интеллектуализации»: трансформация военных концепций КНР в эпоху Си Цзиньпина // Конфликтология. 2025. №4. С. 372 - 383.

³⁶⁸ Stokes, J. Military Artificial Intelligence, the People's Liberation Army, and U.S.-China Strategic Competition // CNAS. 2024. URL: <https://www.cnas.org/publications/congressional-testimony/military-artificial-intelligence-the-peoples-liberation-army-and-u-s-china-strategic-competition> (accessed: 25.08.2025).

Китай работает над «Интегрированной системой ПВО и ПРО» с использованием ИИ³⁶⁹.

Отдельно стоит сказать про *военную инфраструктуру*. КНР подобно США на рассвете создания системы глобального развертывания расширяет свое присутствие на торговых маршрутах и в зонах сосредоточения зарубежных интересов КНР. Однако при этом КНР избегает создания полноценных военных баз с размещением на них крупных формирований. Модель проецирования силы КНР скорее напоминает адаптированную к постбиполярной системе международных отношений модель глобального развертывания США. В последней приоритет отдавался не основным операционным базам, а транспортно-логистической сети, которая позволила бы перебросить в чрезвычайных ситуациях оперативную группировку с континентальной части США. Как отмечалось в «Науке о военной стратегии» одной из желаемых функций совместных операций с интегрированным командованием выступала оперативная переброска сил для захвата и удержания инициативы или занятия выгодной позиции. Отдельный акцент был сделан на регионы Африки, Центральной Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки под предлогом защиты стабильности поставок энергоресурсов³⁷⁰.

Располагая единственной «базой поддержки» [保障基地] в Джибути с размещенным на ней подразделением морской пехоты и складами с ВВТ и ГСМ, КНР не исчерпывает свою модель «стратегической доставки» данной базой. Не имея широкой сети такого рода баз, в краткосрочной и среднесрочной перспективе НОАК должна полагаться на множество коммерческих точек доступа, уделяя повышенное внимание к портовым сооружениям, эксклюзивным логистическим объектам НОАК с отлаженной

³⁶⁹ China's Air Defense Radar Industrial Base // China Aerospace Studies Institute. March 2025. 54 p.

³⁷⁰ 寿晓松. 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京:军事科学出版社. 2013. С. 206.

сетью поставок. В настоящее время КНР использует коммерческую инфраструктуру для поддержки всех своих военных операций за рубежом, включая присутствие НОАК на территориях других стран. В ходе развертывания целевых групп сопровождения с 2008 г. для выполнения миссии по борьбе с пиратством в Аденском заливе была разработана схема предоставления коммерческих услуг по хранению топлива и предметов снабжения в сотнях портов по всему миру³⁷¹.

В экспертно-аналитических и военных кругах КНР прорабатывается концепция использования инфраструктуры двойного назначения в коммерческих портах³⁷², которые часто называют зарубежными «стратегическими опорными пунктами» Китая (战略支点). Особенностью китайской модели выступает интеграция с коммерческими предприятиями, построенными, эксплуатируемыми и/или принадлежащими китайским компаниям. Командующий ВМС НОАК адмирал У Шэнли отметил, что объекты стратегические опорные пункты будут использоваться для предоставления международных общественных благ, таких как поддержка операций ООН и ликвидация последствий стихийных бедствий, а также для обеспечения безопасности линий связи КНР, граждан и активов за рубежом³⁷³. Военные ученые КНР утверждают, что базы за рубежом могут обеспечить передовое развертывание сил НОАК и способность оперативного реагирования в случае военного конфликта, оценки военно-политической

³⁷¹张杰. 海上通道安全与中国战略支点的构建-兼谈21世纪海上丝绸之路建设的安全考量 [Чжан Цзе. Безопасность морских проходов и строительство стратегической точки опоры Китая - Обсуждение соображений безопасности при строительстве Морского Шелкового пути в 21 веке] // 国际安全研究. 2017. № 6. С. 100–118.

³⁷² Главным механизмом создания «стратегических опорных пунктов» выступает концепция «военно-гражданской интеграции».

³⁷³梁庆松, 王元元: 海军召开亚丁湾护航8周年研讨会 [Лян Цинсун, Ван Юаньюань. Руководство военно-морского флота провело семинар, посвященный 8-й годовщине эскорта в Аденском заливе] // 人民海军. 30.12.2016. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2016/1229/c1011-28985207.html> (дата обращения: 04.11.2025).

ситуации, а также участия в двустороннем и многостороннем сотрудничестве и взаимном обучении³⁷⁴.

На данный момент существует по меньшей мере 200 зарубежных терминалов, в строительстве которых принимала участие китайская государственная фирма. 95 из этих терминалов имеют китайскую фирму в качестве оператора терминала и/или владельца аренды терминала. Государственные предприятия КНР выступают владельцами более чем 90 % этих портов, подавляющее большинство которых (84 %) являются дочерними компаниями трех ведущих госпредприятий КНР. Основными мажоритарными акционерами судоходных портов выступают Hutchison Ports, China Ocean Shipping Company (COSCO), China Merchants Port Holdings Company Ltd. (CMPort) и China Harbor Engineering Corporation³⁷⁵.

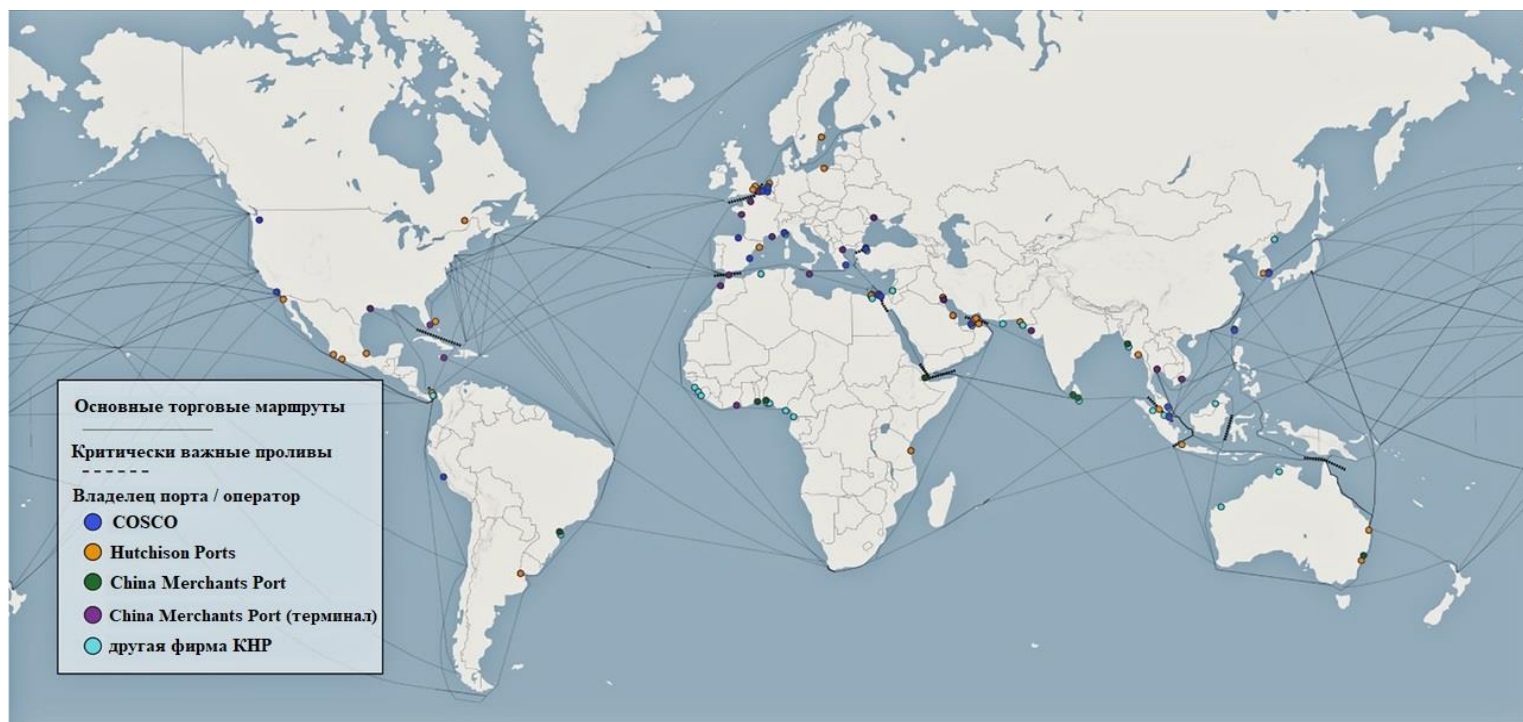
География объектов, которыми владеют данные предприятия, представлена на рисунке 4. Если рассматривать присутствие инфраструктуры в океанических пространствах, в Атлантическом океане находится тридцать один порт, в Индийском океане двадцать пять, в Тихом океане двадцать один. При этом шестнадцать портов располагаются в Средиземном море. В региональном масштабе их двадцать два в Европе, двадцать на Ближнем Востоке и в Северной Африке (БВСА), восемнадцать в Северной и Южной Америке, восемнадцать в Южной и Юго-Восточной Азии и девять в странах Африки к югу от Сахары. Пятьдесят три из этих портов расположены вблизи ключевых морских проливов, получившие в экспертном сообществе названия

³⁷⁴ 长弓 et. al. 出海蛟龙21世纪解放军海外基地化部署需求[Чан Гун и др. Потребности в развертывании заграничных баз НОАК в XXI веке] // NAAS & Inertal Technology. 2016. № 5. С. 25–45; 张静, 张智慧, 周江寿. 中美港口建设贯彻国防要求对标分析 [Чжан Цзин, Чжан Чжижи, Чжоу Цзяншоу. Сравнительный анализ китайской и американской стратегии строительства портов с точки зрения эффективности удовлетворения потребностям национальной обороны] // Journal of Military Transportation University. 2019. Vol. 21, No. 4, P. 24 -41.

³⁷⁵ Kardon, I.B. China's Overseas Base, Places, and Far Seas Logistics in The PLA beyond borders: Chinese Military Operations in Regional and Global Context / ed. by Joel Wuthnow et al. Washington: NDU Press. 2021. P. 77-78.

«бутылочных горлышек» (choke points)³⁷⁶. Из них десять находятся вблизи Ла-Манша, девять – вблизи Малаккского пролива, девять - вблизи Ормузского пролива, шесть - вблизи Суэцкого канала и по четыре - вблизи Панамского канала, Гибралтарского пролива и Босфора и Дарданеллы.

Рисунок 4.
География распространения коммерческой портовой инфраструктуры КНР

Источник: Kardon, I. Research & Debate—Pier Competitor: Testimony on China’s Global Ports // The U.S. Naval War College Review. 2021. Vol. 74. No. 1, Art. 11. P. 131.

Регион западной части Индийского океана, или БВСА, следует считать районом наибольшей концентрации, особенно если мы включим семь портов в восточном Средиземноморье, которые играют жизненно важную роль для перевозок через Суэцкий канал в Индийский океан или из него. В Южной и Юго-Восточной Азии также сосредоточены китайские порты в ключевых местах вдоль основных морских линий связи (SLOC) и вблизи критических точек пересечения морских торговых маршрутов.

Поскольку существует большое количество портов в странах, в которых НОАК вряд ли будет пользоваться политической благосклонностью

³⁷⁶ Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений) / отв. ред. Т.Л. Шаумян. М.: ИВ РАН. 2018. С. 475.

правительства принимающей страны, то это снижает количество портов, которые следует считать наиболее вероятными кандидатами для более полного развития двойного назначения в качестве точек доступа НОАК в критических регионах.

Более важным, чем корпоративная собственность, является степень, в которой сама фирма контролирует деятельность порта. Как правило, оператор терминала обладает значительной свободой действий при предоставлении доступа военно-морским судам, желающим зайти, складировать оборудование, а также осуществлять бункеровку, использовать сухой док, медицинские, энергетические и другие терминалы. Контрольное или единоличное владение портовым оператором является условием, которое наилучшим образом позиционирует фирму для обеспечения материально-технической поддержки экспедиционных операций. Такие механизмы более осуществимы в дружественных странах, в которых низкая прозрачность является нормой при заключении контрактов (и управлении в целом) и где на Китай приходится значительная доля их общей торговли и инвестиций.

Подход Китая, вероятно, включает рассмотрение различных объектов во многих странах, но только некоторые из них перейдут к переговорам по соглашению об инфраструктуре, статусе сил или соглашению о посещении сил и/или соглашению о базировании, что сделает данные порты объектами двойной инфраструктуры и позволит задействовать их как звенья в сети глобальной военной инфраструктуры. Важнейшими организациями, участвующими в планировании и согласовании объектов военной логистики, являются Объединенный штаб ЦВС КНР, ВОТО и штаб ВМС НОАК.

Таким образом, современный этап военного строительства КНР характеризуется смещением акцентов в сторону технологической модернизации вооруженных сил и повышения их способности к ведению высокотехнологичных и совместных операций. Достигнув значительных результатов в области механизации, китайское руководство сосредоточило усилия на развитии информатизации и интеллектуализации вооруженных сил,

что предполагает широкое внедрение цифровых систем управления, средств связи, автоматизации боевых процессов и элементов искусственного интеллекта. Одновременно с этим модернизация НОАК сопровождается совершенствованием организационной структуры войск, развитием мобильных и экспедиционных возможностей, а также углублением взаимодействия между военным и гражданским секторами. Комплексное развитие данных направлений свидетельствует о стремлении Китая сформировать вооруженные силы нового типа, способные эффективно защищать национальные интересы страны как в региональном, так и в глобальном масштабе. В совокупности эти процессы отражают стратегическую линию китайского руководства на формирование высокотехнологичной, интегрированной и боеспособной армии, соответствующей долгосрочным целям военной модернизации КНР.

Анализ реализации военной политики Китайской Народной Республики в период правления Си Цзиньпина позволяет сделать выводы о комплексном характере военного строительства Китая. Проводимые реформы затрагивают институциональную структуру управления армией, военную доктрину и практические направления строительства и модернизации армии. Одним из основных направлений реформы стала институциональная реформа военной политики. Усиление ЦВС КНР, переход к единой системе командования и оптимизация структуры Народно-освободительной армии Китая позволяет сделать вывод о том, что китайское военно-политическое руководство стремится адаптировать систему военного командования к требованиям современной войны (высокий уровень межвидового взаимодействия, оперативная координация и т.д.). Современная военная доктрина Китая, оставаясь по своему характеру оборонительной, предусматривает развитие способности активно реагировать на угрозы национальной безопасности. Это нашло отражение в изменениях образа действия НОАК. Народно-освободительная армия Китая постепенно превращается из сил обороны территории страны в более маневренную и технически оснащенную военную

силу. В области военного строительства основными направлениями являются технологическая модернизация вооруженных сил, развитие потенциала в части информатизации и ИИ, совершенствование систем командования и управления, расширение возможностей для проведения совместных операций.

В совокупности данные процессы свидетельствуют о последовательной реализации стратегического курса китайского руководства на формирование вооруженных сил мирового уровня и повышение их способности эффективно реагировать на современные вызовы безопасности. Военная политика Китая в эпоху Си Цзиньпина характеризуется высокой степенью системности и долгосрочного планирования, что позволяет рассматривать проводимые преобразования как важный этап в формировании нового качества военной мощи КНР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования, основанного на широком спектре источников и литературы на китайском, русском и английском языках, были выявлены и изучены ключевые особенности военной политики Китая, представляющей собой динамичную систему, эволюция которой обусловлена как внутренними задачами национального возрождения, так и внешними ограничениями трансформирующегося глобального порядка. Выявленные закономерности адаптации военной организации КНР — от доктринальных сдвигов в сторону «информационных локальных войн» до институциональных реформ и технологической интеллектуализации в «новую эру» — свидетельствуют о стремлении Пекина сформировать универсальный инструмент обеспечения безопасности, способный действовать в различных средах и географических масштабах. Накопленный теоретический и эмпирический материал создает необходимую базу для оценки реализованного курса и определения ключевых тенденций дальнейшего развития военного потенциала Китая в контексте укрепления его позиций как мировой державы.

Изменение военно-политического курса и оборонных концепций Китая во второй половине XX в. характеризовалось постепенным отходом от партизанских методов «народной войны» в сторону формирования более упорядоченной и технически оснащенной оборонительной системы. Изначальные подходы, рожденные в горниле гражданской войны и конфликта с Японией (такие как маневренность, ставка на широкие народные массы и ведение затяжных боевых действий), на протяжении длительного времени служили основой китайской стратегической мысли. Однако с усилением государственных институтов, трансформацией международной обстановки и прогрессом в военной сфере эти подходы претерпели серьезные изменения.

Принимаемые в различные периоды руководящие документы Центрального военного совета КНР демонстрируют, как китайская военная мысль приспосабливалась к текущим внешнеполитическим реалиям и стратегическим вызовам. В 1950–1960-е гг. акцент делался на готовность к

полномасштабной войне с технически более оснащенным неприятелем, что предусматривало возможность значительного отступления вглубь территории. В 1970–1980-е гг. акценты сместились: приоритетом стало выстраивание глубокоэшелонированной обороны, совершенствование общевойскового боя и усиление роли кадровых армейских формирований. В этот период значение партизанской борьбы как главного метода ведения войны снижается, уступая место развитию взаимодействия родов войск, внедрению механизации и систематической боевой подготовке.

К исходу 1980-х гг., на фоне новой расстановки сил в мире и урегулирования отношений с Советским Союзом, китайское руководство изменило саму основу стратегического планирования. Оборонная доктрина отказалась от привязки к образу конкретного противника и стала ориентироваться на возможность ограниченных вооруженных конфликтов, возникающих при защите территориальной целостности и государственных интересов. Ключевым ориентиром для развития вооруженных сил была объявлена «боевая эффективность», которая синтезировала в себе организационное совершенствование, внедрение новых технологий и улучшение системы управления.

Военная организация КНР представляет собой уникальную систему, которая характеризуется всеобъемлющей интегрированностью: партия и государство осуществляют единое руководство над армией, военная промышленность тесно связана с научным комплексом, а взаимодействие военного и гражданского секторов институционально закреплено. В совокупности это формирует единую стратегическую систему, направленную на достижение долгосрочных целей модернизации и обеспечения национальной безопасности Китая. Указанные особенности свидетельствуют о том, что военная организация КНР строится на принципах единого стратегического управления и концентрации ресурсов, что позволяет Пекину обеспечивать устойчивую модернизацию вооруженных сил и формировать

комплексный потенциал национальной мощи, сочетающий политическое руководство, научно-технический прогресс и военную силу.

Анализ концептуальных основ военной политики Китая показал, что она основана на трех взаимосвязанных военно-стратегических концепциях: "активной обороне", "народной войны" и концепции сдерживания. Со временем, по мере развития китайского военного мышления, они были адаптированы к изменяющимся международным условиям. Вместе они определяют основные правила применения военной силы, порядок подготовки вооруженных сил и общее стратегическое направление военной политики страны. Стоит отметить, что данные концепции отражают реальный исторический опыт, определенные идеологические взгляды и практические цели обеспечения безопасности Китая. Если в первые годы существования государства основной упор делался на массовую мобилизацию и подготовку к длительной, затяжной войне. Со временем акцент сместился в сторону построения всеобъемлющей системы стратегического сдерживания, которая способна превентивно реагировать на возникающие военные вызовы и угрозы. Кроме того, в концептуализации военной политики Китая оформлено стремление объединить военные, экономические и технические ресурсы в единую систему. В настоящий момент эти концепции служат теоретической основой для дальнейшей модернизации НОАК и укрепления военной мощи Китая.

Эпоха Цзян Цзэминя стала периодом коренного пересмотра стратегических ориентиров. Под влиянием войны в Персидском заливе и последующих конфликтов (Югославия, Ирак) китайское руководство осознало устаревание традиционных подходов, основанных на численности войск. Ключевым итогом этого этапа стало принятие Руководящих принципов 1993 г., закрепивших курс на подготовку к «локальным войнам в высокотехнологичных условиях». Были реализованы «две фундаментальные трансформации»: переход от количественного роста к качественному совершенствованию и от подготовки к традиционной войне к войне в условиях

высоких технологий. Это повлекло за собой сокращение численности армии, структурные реформы (создание Главного управления вооружений) и начало процесса информатизации. Стратегический фокус сместился на юго-восточное направление и сдерживание потенциального вмешательства США.

Период руководства Ху Цзиньтао стал временем качественного перехода от технической модернизации к глубокой трансформации характера вооруженной борьбы и функционального назначения армии. Ключевым доктринальным сдвигом стало утверждение концепции «локальных войн в условиях информатизации» и «интегрированных совместных операций», что потребовало создания единых сетевых систем управления и противостояния в формате «систем систем». Важнейшим идеологическим итогом периода стало формулирование «новых исторических миссий», которые радикально расширили роль НОАК за пределы традиционной территориальной обороны, закрепив за армией функции гаранта власти КПК, защитника стратегических возможностей развития и инструмента поддержки национальных интересов в новых сферах (море, космос, киберпространство) и за рубежом. Таким образом, военная политика эпохи Ху Цзиньтао заложила стратегический и идеологический фундамент для превращения Китая в военную державу глобального масштаба, осуществив переход от региональной оборонительной стратегии к защите расширенных национальных интересов и предопределив дальнейшую экспансию военного присутствия КНР в мире.

Анализ современных вызовов национальной безопасности Китая свидетельствует о формировании комплексной архитектуры угроз, требующей интеграции военных и невоенных инструментов защиты. Концепция «комплексной национальной безопасности», провозглашенная в 2014 г., отражает приоритет военной безопасности как условия политической стабильности и экономического роста в условиях усиления стратегической конкуренции с США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ключевыми факторами напряженности остаются политика сдерживания Вашингтона (альянсы, инфраструктура, проблема Тайваня) и растущая зависимость Китая

от зарубежных интересов (энергетика, инициатива «Один пояс, один путь», морские пути). Кроме того, опыт современных конфликтов, включая специальную военную операцию России на Украине, актуализировал необходимость учета многодоменного характера военных действий будущего, роли беспилотных систем, киберпространства и когнитивной борьбы, что подталкивает руководство КНР к дальнейшей адаптации военной доктрины и укреплению обороноспособности для защиты расширенных национальных интересов в нестабильной международной среде.

Военная доктрина Китая «победы в информационных локальных войнах» демонстрирует переход от ограниченной концепции территориальной обороны к построению комплексной системы стратегического обеспечения национальных интересов в глобальном масштабе. Основное внимание уделяется интеграции всех родов войск в единую систему, способную эффективно действовать в условиях многоуровневого и многомерного противоборства, где ключевым ресурсом становится информация, а в перспективе — интеллектуальные технологии. Приоритетное значение приобретают совместные операции, опирающиеся на сетевые информационные системы, высокоточную и беспилотную технику, возможности стратегической проекции силы и мобильного маневра. Сочетание идей «активной обороны» и «народной войны» с новыми стратегическими установками отражает стремление Пекина опираться на традиционные ценности при адаптации к вызовам XXI в., формируя баланс наступательных и оборонительных элементов в военной политике.

Одновременно с этим военная доктрина Китая выходит за рамки чисто оборонительных задач: в ней отчетливо прослеживается установка на защиту национальных интересов за рубежом, обеспечение безопасности морских коммуникаций, контроль над ключевыми направлениями в АТР и готовность к противостоянию с ведущими мировыми державами, прежде всего США. Усиление роли ВМС, ВВС и космических сил, а также развитие кибер- и

когнитивных возможностей подтверждают, что НОАК рассматривается как инструмент глобального влияния, а не только регионального сдерживания.

Институциональная система формирования и реализации военной политики КНР представляет собой многоуровневую структуру управления, в которой определяющее значение сохраняется за Коммунистической партией Китая, осуществляющей политическое руководство вооруженными силами. Центральное место в данной системе занимает Центральный военный совет, выступающий основным органом стратегического управления НОАК и координации процессов военной модернизации. Запущенные с 2015 г. реформы институциональной структуры вооруженных сил были ориентированы на повышение эффективности управления, укрепление взаимодействия между различными видами войск и адаптацию системы командования к условиям современной войны. Создание новых органов управления и оптимизация структуры НОАК отражают стремление китайского руководства сформировать более мобильную и функционально интегрированную модель военного управления. В результате реализуемые преобразования свидетельствуют о постепенном переходе к более централизованной и технологически ориентированной системе руководства вооруженными силами, что рассматривается как важное условие дальнейшей модернизации НОАК и повышения ее боеспособности.

При рассмотрении современных направлений военного строительства КНР следует отметить, что приоритетное значение приобретает развитие технологического потенциала вооруженных сил и повышение их способности действовать в условиях высокотехнологичного вооруженного противоборства. После достижения значительных результатов в механизации армии китайское руководство сосредоточило внимание на углублении процессов информатизации и переходе к этапу интеллектуализации военной сферы. Данный курс предполагает активное внедрение современных информационных технологий, совершенствование систем управления войсками, развитие средств связи и автоматизации боевых процессов.

Одновременно осуществляется дальнейшая оптимизация структуры вооруженных сил, повышение их мобильности и расширение возможностей проведения совместных операций. В целом наблюдаемые тенденции свидетельствуют о стремлении Китая создать вооруженные силы нового типа, способные эффективно функционировать в условиях современной военно-политической среды и обеспечивать защиту национальных интересов государства как на региональном, так и на более широком международном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ:

На русском языке:

Нормативно-правовые:

1. Конвенция ООН по морскому праву. 1982. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml 1900370 (дата обращения: 12.06.2025).

2. Резолюция 1816 (2008), принятая Советом Безопасности на его 5902-м заседании от 2 июня 2008 года. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902131701?ysclid=lg95t0c38u352420780> (дата обращения: 30.05.2025).

3. Соглашение «О порядке организации и проведения совместных антитеррористических учений государствами - членами Шанхайской организации сотрудничества». 28.08.2008. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/File/GetFile/0001201312260003?type=pdf&ysclid=13syz3pxec> (дата обращения: 30.05.2025).

4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом / Сайт Президента РФ. 14.06.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 31.05.2025).

Делопроизводственные:

5. Устав ООН. 1945. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> 1900370 (дата обращения: 12.06.2025).

Публицистические:

6. Мао Цзэдун. О затяжной войне. 1938. URL: http://library.maoism.ru/on_protracted_war.htm (accessed: 12.12.2025).

7. Мао Цзэдун. Об искоренении ошибочных взглядов в партии. 1929. URL: http://library.maoism.ru/about_extermination.htm (дата обращения: 19.08.2025).

8. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Владивостоку Ордена Ленина // Горбачев-Фонд. 28.07.1986. URL:

https://www.gorby.ru/userfiles/rech_vladivostok_1986.pdf?ysclid=mna5pavby9291771184 (дата обращения: 28.03.2026).

На китайском языке:

Нормативно-правовые:

9. 中华人民共和国宪法（1982年12月4日）[Конституция Китайской Народной Республики (4 декабря 1982 года)] // 中国人大. 1982. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/zt/qt/gjxfz/2014-12/03/content_1888093.htm (дата обращения: 19.08.2025).

10. 中华人民共和国反恐怖主义法 [Закон о борьбе с терроризмом Китайской Народной Республики] // 湘西州公安局. 27.12.2015. URL: http://gaj.xx.gov.cn/zwgk_149/fdxxgknr/zcwj/bmwj/202011/t20201127_1752204.html (дата обращения: 30.05.2025).

11. 中华人民共和国国家安全法 - 全文 [Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики] / 国防部网. 01.07.2015. URL: http://www.81.cn/2018gjaqjyr/2017-04/07/content_8002237_3.htm (дата обращения: 30.05.2025).

12. 中华人民共和国国防交通法 [Закон КНР «О коммуникациях оборонного назначения»] / 全国人民代表大会常务委员会 [Постоянный комитет Всекитайского собрания народных Представителей]. 03.09.2016. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=540013 (дата обращения: 04.01.2025).

13. 中华人民共和国国家情报法 [Закон Китайской Народной Республики о национальной разведке] // 中国人大网. 2017. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2017-06/27/content_2024529.htm (дата обращения: 04.11.2025).

14. 中华人民共和国人民武装警察法 [Закон Китайской Народной Республики «О Народной вооруженной полиции»]. 2012. URL: <https://www.mps.gov.cn/n6557558/c9304473/content.html1997> (дата обращения: 04.11.2025).

04.11.2025).

15. 中华人民共和国海警法 [Закон Китайской Народной Республики "О морской полиции"]. 2021. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4877678.html> (дата обращения: 04.11.2025).

16. 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和2035年远景目标纲要 [Четырнадцатый пятилетний план национального экономического и социального развития Китайской Народной Республики и основные направления долгосрочных целей на период до 2035 года] // 新华社. 13.03.2021. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 16.09.2025).

17. 年中华人民共和国国防法 [Закон о национальной обороне Китайской Народной Республики от 1997 года] // 国防部网. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/fgwx/flfg/4876050.html> (дата обращения: 04.07.2025).

18. 中央军委关于深化国防和军队改革的意见 [Мнение Центрального военного совета КНР по углублению национальной обороны и реформы армии] // ИА Синьхуа. 01.01.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/mil/2016-01/01/c_1117646695.htm (дата обращения: 04.11.2025).

19. 新时代的中国国家安全 [Национальная безопасность Китая в новую эпоху] // 新华社. 12.05.2025. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202505/t20250512_894771.html (дата обращения: 04.09.2025).

20. 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 [Белая книга "30 лет участия китайских военных в миротворческих операциях ООН"] // 国务院新闻办公室. 18.09.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-09/18/content_5544398.htm (дата обращения: 16.03.2025).

21. 1998年中国的国防. 白皮书 [Белая книга по национальной обороне

Китай. 1998 г.] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: http://hprc.cssn.cn/wxzl/zfbps/zhefbpp/200909/t20090917_3959028.html (дата обращения: 04.11.2025).

22. 2000年中国的国防. 白皮书[Белая книга по национальной обороне Китая. 2000 г.] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: http://www.gov.cn/zwgk/2005-05/26/content_1224.htm (дата обращения: 04.11.2025).

23. 《2002年中国的国防》白皮书 [Белая книга по национальной обороне Китая. 2002 г.] // 新华社. URL: http://www.81.cn/2017jj90/2011-01/06/content_7671717_2.htm (дата обращения: 04.11.2025).

24. 《2004 年中国的国防》白皮书 [Белая книга по национальной обороне Китая. 2004 г.] / 中国国务院新闻办公室. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/cegv/chn/zywjyjh/t176681.htm> (дата обращения: 04.11.2025).

25. 2006年中国的国防 [Белая книга по национальной обороне Китая. 2006 г.] / 中国国务院新闻办公室. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2006-12/29/content_2615760.htm (дата обращения: 04.11.2025).

26. 《2008年中国的国防》 в [Белая книга по национальной обороне Китая. 2008 г.] // 新华社. URL: http://www.81.cn/2017jj90/2011-01/06/content_7671720.htm (дата обращения: 04.11.2025).

27. 2010年中国的国防. 白皮书 [Белая книга по национальной обороне Китая. 2010 г.] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: http://www.gov.cn/test/2011-03/31/content_1835465.htm (дата обращения: 04.11.2025).

28. 2013年中华人民共和国国防白皮书 [Белая книга по национальной обороне Китая. 2013 г.] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.doczj.com/doc/94cdd33c9b6648d7c1c74670-22.html> (дата обращения: 04.11.2025).

29. 2015年中国国防白皮书《中国的军事战略》[«Военная стратегия Китая». Белая книга по национальной обороне Китая. 2015 г.] // China Daily. 26.05.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/interface/toutiao/1138561/2015-5-28/cd_20821000.html (дата обращения: 04.11.2025).

30. 2019年《新时代的中国国防》白皮书 [Белая книга 2019 г. «Национальная оборона Китая в новую эпоху»] / 中华人民共和国国务院新闻办公室. URL: <http://www.mnw.cn/news/china/2182138.html> (дата обращения: 04.11.2025).

31. 习近平在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告 [Отчетный доклад Генерального секретаря Си Цзиньпина на XX съезде Коммунистической партии Китая] / 中央纪委国家监委网站. 16.10.2022. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1747768983594192426&wfr=spider&for=pc> (accessed: 12.12.2025).

32. 习近平总书记在中国共产党第十九次全国代表大会上的报告 [Доклад Генерального секретаря Си Цзиньпина на 19-м Национальном съезде Коммунистической партии Китая] // 新华社. 27.10.2017. URL: http://www.81.cn/zggcdsjd/2017-10/27/content_7802608_10.htm (дата обращения: 19.08.2025).

33. 台湾问题与新时代中国统一事业》白皮书（全文） ["Белая книга" по тайваньскому вопросу и делу объединения Китая в новую эпоху (полный текст)] // 新华社. 2022. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/tuijian/taiwan/202403/t20240320_838725.html (дата обращения: 04.09.2025).

Делопроизводственные:

34. 中国人民解放军联合作战纲要（试行） [План совместных операций Народно-освободительной армии Китая (пробная реализация)] // 环球时报. 26.11.2020. URL: http://lyrb.lyd.com.cn/images2/1/2020-11/14/004/20201114004_pdf.pdf (дата обращения: 31.12.2025).

35. 中国共产党章程(中国共产党第二十次全国代表大会部分修改, 2022年10月22日通过) [Устав Коммунистической партии Китая (с поправками XX съезда КПК, принятыми 22 октября 2022 года)] // 共产党员网. 2022. URL: <https://www.12371.cn/2022/10/27/ARTI1666845926836204.shtml> (дата обращения: 07.09.2025).

36. 第十四届全国人民代表大会第二次会议上 [Вторая сессия 14-го Всекитайского собрания народных представителей] // 国务院. 05.03.2024. URL: https://www.gov.cn/gongbao/2024/issue_11246/202403/content_6941846.html (accessed: 22.03.2025).

37. 第十一届全国人民代表大会第四次会议议程 [Повестка дня 4-го заседания 11-го Всекитайского собрания народных представителей] / 中央政府门户网站 [Официальный сайт Государственного совета КНР]. URL: http://www.gov.cn/2011lh/content_1816141.htm (дата обращения: 21.04.2025).

38. 中国共产党第二十届中央委员会第四次全体会议公报 [Коммюнике Четвертого пленарного заседания Центрального комитета Коммунистической партии Китая 20-го созыва] // 新华社. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202510/content_7045444.htm (дата обращения: 01.02.2026).

39. 贯彻总体国家安全观护航网络强国建设 [Внедрение общей концепции национальной безопасности и содействие строительству кибердержавы] // 中国网信网. 28.03.2025. URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/28/c_1744866206374020.htm (accessed: 25.08.2025).

40. 新一代人工智能发展规划的通知 // [План развития искусственного интеллекта нового поколения] // 国务院. 2017. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (accessed: 25.08.2024).

41. 中共中央关于全面深化改革若干重大问题的决定 [Решение Центрального комитета Коммунистической партии Китая по нескольким важным вопросам всестороннего углубления реформ] // Government of the People's Republic of China. 13.11.2013. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-11/15/content_2528179.htm (дата обращения: 04.07.2025).

Публицистические:

42. 中国共产党第二十届中央委员会第一次全体会议公报 [Коммюнике первого пленарного заседания 20-го Центрального комитета Коммунистической партии Китая] // 今日浙江. 31.10.2022. URL: https://www.jrzj.cn/art/2022/10/31/art_727_22427.html (accessed: 12.12.2025).

43. 中国共产党第十九届中央委员会第五次全体会议公报 [Коммюнике пятого пленарного заседания Центрального комитета Коммунистической партии Китая 19-го созыва] // 新华社. 29.10.2020. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2020-10/29/content_5555877.htm (дата обращения: 19.08.2025).

44. 习近平: 习近平国防和军队建设重要论述选编 [Си Цзиньпин. Избранные очерки о национальной обороне и военном строительстве Си Цзиньпина]. 北京: 解放军出版社, 2016年. 420页.

45. 习近平: 坚持总体国家安全观走中国特色国家安全道路 [Си Цзиньпин: Придерживайтесь общего взгляда на национальную безопасность и идите по пути национальной безопасности с китайской спецификой] // 新华网. 15.04.2014. URL: <https://cpc.people.com.cn/n/2014/0415/c64094-24899781.html> (дата обращения: 19.08.2025).

46. 习近平:实现建军一百年奋斗目标,开创国防和军队现代化新局面 [Си Цзиньпин: Достичь цели к 100-летию со дня основания армии и создать новую ситуацию в модернизации национальной обороны и армии] // 《求是》杂志. 31.07.2024. URL:

https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202407/content_6965504.htm (дата обращения: 16.09.2025).

47. 习近平出席军队领导干部会议并发表重要讲话 [Речь Си Цзиньпина на встрече ведущих военных кадров] // 解放军报. 24.10.2022. URL: http://www.81.cn/xue-xi/2022-10/24/content_10194750.htm (accessed: 12.12.2025).

48. 习近平在第七十届联合国大会一般性辩论时的讲话 [Выступление Си Цзиньпина во время общих прений 70-й Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций] // 新华网. 29.09.2015. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/29/c_1116703645.htm (дата обращения: 16.03.2025).

49. 关于国务院机构改革和职能转变方案的说明 [Разъяснение по Плану институциональной реформы и функциональной трансформации Государственного совета] / 第十二届全国人民代表大会. 10.03.2013. URL: http://www.gov.cn/2013lh/content_2350848.htm (дата обращения: 25.02.2025).

50. 履行新世纪新阶段军队历史使命 [Реализация исторической миссии армии на новом этапе новой эпохи] // 知史明道. 29.06.2021. URL: http://www.wenming.cn/hsw/hxydll/dsgs/202106/t20210629_6097522.shtml (дата обращения: 04.11.2025).

51. 毛泽东选集. 第二版. 第三卷 [Избранные произведения Мао Цзэдуна. Второе издание. Том третий]. 北京: 北京工业大学出版社. 1991. 1287 с.

52. 江泽民: 江泽民文选. 第一卷 [Цзян Цзэминь. Избранные произведения Цзян Цзэмина. Т. 1]. 北京: 人民出版社. 2006. 341 с.

53. 江泽民: 江泽民文选. 第三卷 [Цзян Цзэминь. Избранные произведения Цзян Цзэмина. Т. 3]. 北京: 人民出版社. 2006. 401 с.

54. 江泽民: 论国防与军队建设 [Цзян Цзэминь. О национальной обороне и строительстве армии]. 北京: 中央文献出版社. 2002. 401 с.

55. 胡锦涛: 胡锦涛文选, 第一卷 [Ху Цзиньтао. Избранные эссе Ху Цзиньтао, Том 1]. 北京: 人民出版社. 2016. 504 с.

56. 胡锦涛: 坚决履行新世纪新阶段我军的历史使命努力开创国防和军队现代化建设新局面 [Ху Цзиньтао: Решительно выполняйте историческую миссию нашей армии на новом этапе нового столетия и стремитесь создать новую ситуацию в области национальной обороны и военной модернизации] // 中国青年报. 2005. URL: http://zqb.cyol.com/content/2005-03/14/content_1048366.htm (дата обращения: 06.03.2026).

57. 邓小平: 邓小平军事文集 [Дэн Сяопин. Военные очерки Дэн Сяопина]. 北京: 中央文献出版社. 2004. 311 с.

58. 邓小平: 邓小平论国防和军队建设 [Дэн Сяопин. Дэн Сяопин о национальной обороне и строительстве армии]. 北京: 军事科学出版社. 1992. 297 с.

На английском языке:

Нормативно-правовые:

59. Full Text of Jiang Zemin's Report at the 16th Party Congress / PRC State Council Information Office. November 17, 2002. URL: <http://www.china.org.cn/english/2002/Nov/49107.htm> (дата обращения: 04.11.2025).

60. Full text of the report to the 20th National Congress of the Communist Party of China. 2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/202210/t20221025_10791908.html (accessed: 04.11.2025).

Делопроизводственные:

61. Deployment and Redeployment Operations / Joint Publication 3-35. 10 January 2018. 150 p.

62. Doctrine for the Armed Forces of the United States / Joint Publication 1. 25 March 2013. Incorporating Change 1. 12 July 2017. 55 p.

63. Global Development Initiative. 2021. URL: <https://en.chinadiplomacy.org.cn/gdi/index.shtml> (accessed: 07.03.2026).

64. Interim National Security Strategic Guidance / The White House. Washington D.C. March 3, 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/> (accessed: 12.12.2025).

65. Joint Operations / Joint Publication 3-0. 17 January 2017 Incorporating Change 22 October 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_0ch1.pdf (accessed: 31.12.2025).

66. Joint Planning / Joint Publication 3-35. 01 December 2020. 358 p.

67. Marine Corps Operations / Marine Corps Doctrinal Publication 1-0, Washington: Headquarters, U.S. Marine Corps. December 2, 2018. 263 p.

68. Resolution adopted by the General Assembly on 16 September 2005. A/60/L.1. // General Assembly. 24 October 2005. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_60_1.pdf (accessed: 16.03.2025).

69. The Global Civilizational Initiative. 2023. URL: <https://en.chinadiplomacy.org.cn/gci/index.shtml> (accessed: 07.03.2026).

70. The Global Security Initiative Concept Paper. 2022. URL: https://en.chinadiplomacy.org.cn/pdf/The_Global_Security_Initiative_Concept_Paper.pdf (accessed: 07.03.2026).

71. Translation: 14th Five-Year Plan for National Informatization // Stanford University. Dec. 2021. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-14th-five-year-plan-for-national-informatization-dec-2021/> (accessed: 22.03.2025).

72. U.S. Army Doctrine Reference Publication 3-0, Unified Land Operations. Washington, DC: Headquarters Department of the Army, 2016. 86 p.

Публицистические:

73. Clinton, H. America's Pacific Century // Foreign Policy. October 11, 2011. URL: <https://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 19.08.2025).

74. Joint Statement of the Third Foreign Ministers' Meeting Among the Neighboring Countries of Afghanistan // Ministry of Foreign Affairs of China. 31.03.2022. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202203/t20220331_10658230.html (accessed: 27.05.2025).

75. Remarks by President Trump at APEC CEO Summit. Da Nang, Vietnam // The White House. November 10, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (дата обращения 24.11.2025).

76. Rumsfeld, D.H. U.S. Secretary of Defense, The Global Posture Review of United States Military Forces Stationed Overseas: Hearing Before the Committee on Armed Services, United States Senate, One Hundred Eighth Congress, Second Session. September 23, 2004, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2005. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-108shrg23080/html/CHRG-108shrg23080.htm> (accessed: 31.12.2025).

77. U.S. Strategic Framework for the Indo-Pacific // USNI News. January 15, 2021. URL: <https://news.usni.org/2021/01/15/u-s-strategic-framework-for-the-indo-pacific> (accessed: 12.12.2025).

Статистические:

78. The Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED). URL: <https://acleddata.com> (дата обращения: 04.11.2025).

79. The International Energy Outlook 2021 / EIA. October 6, 2021. URL: https://www.eia.gov/outlooks/ieo/pdf/IEO2021_Narrative.pdf (дата обращения: 04.11.2025).

80. Statistical Review of World Energy 2021. 70th edition / BP. 8 July 2021. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).

81. The Military Balance 2025 // Institute for Strategic Studies (IISS). 25.02.2025. URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/2025/the-military-balance-2025/> (дата обращения: 12.10.2025).

82. Troop and police contributors / United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (дата обращения: 16.03.2025).

83. Material Capabilities (v 5.0.) // Correlates of War Project. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities> (accessed: 08.02.2025).

84. Global Firepower Index. 2025. URL: <https://www.globalfirepower.com> (accessed: 08.02.2025).

ЛИТЕРАТУРА:

На русском языке:

85. Абдрахимов Л.Г. Системы обеспечения национальной безопасности России и Китая: субъекты, сферы, механизмы : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 5.5.4. Москва: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. 2025. 232 с.

86. Арон Р. Мир и война между народами / Под общей ред. канд. полит. наук Даниленко В.И. М.: NOTA BENE, 2000. 880 с.

87. Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ / под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: РУДН, 2021. 319 с.

88. Бевеликова Н.М., Трощинский П.В. Развитие правового статуса Вооруженных сил Китая // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 15-30.

89. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука. 1973. 274 с.

90. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995); Институт США и Канады РАН. Москва : Конверт-МОНФ, 1997. 351 с.

91. Богатуров А.Д. Международные отношения и внешняя политика России: Научное издание. М.: Аспект Пресс. 2020. 480 с.
92. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. Пер. с англ. П.М. Кудюкина. Под общей редакцией канд. полит, наук Б.Ю. Кагарлицкий. СПб.: Университетская книга. 2001. 416 с.
93. Вентцель Е.С. Исследование операций: задачи, принципы, методология / 2-е изд., стер. М.: Наука. 1988. 208 с.
94. Виноградов А.В. “Однополярная Азия”: китайский региональный порядок // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 3. С. 23-32.
95. Воскресенский А.Д. Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 5-20.
96. Гантман В.И., Волкова Е.Д., Барановский В.Г. и др. Система, структура и процесс развития современных международных отношений / отв. ред. В. И. Гантман. М.: Наука. 1984. 422 с.
97. Горбачев Б.Н. Роль Вооруженных Сил в общественно-политической жизни Китайской Народной Республики (1949-1979): автореферат дис.... доктора исторических наук : 07.00.03. Москва: Институт военной истории Министерства обороны РФ. 1993. 40 с.
98. Горбачев Б.Н. Эволюция роли министра обороны в системе высшего военного управления КНР и отставка генерала Ли Шанфу // Российское китаеведение. 2024. №2 (7). С. 19-41.
99. Гордиенко Д.В. Военная политика Китайской Народной Республики. М.: Издательский дом «Научная библиотека». 2025. 644 с.
100. Гордиенко Д.В. Военный компонент политики Китайской Народной Республики в «стратегическом треугольнике» Россия-Китай-США: модернизация народно-освободительной армии Китая // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 3. №. 2. С. 28-45.

101. Горшков С.Г. Морская мощь государства. Изд. 2-е, доп. М.: Воениздат. 1979. 451 с.
102. Грачиков Е., Сяоюй Чжоу Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. №.8. С. 70-83.
103. Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993-2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. №.3. С. 83-93.
104. Грачиков Е.Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 1. С. 7-24.
105. Дубровский И.Р., Понька Т.И. Влияние конфигурации лидерства в Юго-Восточной Азии на региональный баланс сил // Баланс сил в ключевых регионах мира: концептуализация и прикладной анализ. Под ред. Д.А. Дегтерева, М.А. Никулина, М.С. Рамича. М.: РУДН. 2021. С. 57-71.
106. Залесский К.А. Германская военная мысль. М.: Астрель. 2012. 876 с.
107. Зеленев Е.И., Солощева М.А. Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. №. 3. С. 142-164.
108. Зиновьев Г.В. Китай и сверхдержавы. История внешней политики КНР (1949-1991). Санкт-Петербургский государственный университет, Восточный факультет. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета. 2010. 328 с.
109. Зиновьева Е.С., Казанцев А.А. Сложность мировой политики: к вопросу о новой методологии анализа // Мировая экономика и международные отношения. 2015. №4. С. 58-67.
110. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике. 2-е изд., испр. и перераб. М.: Аспект Пресс. 2021. 326 с.

111. Каменов П.Б. КНР: военная политика в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН. 2019. 248 с.
112. Каменов П.Б. Китай: принципы активной обороны // Международная жизнь. 2010. № 4. 20 с.
113. Кашин В., Крашенинникова Л., Пятачкова А. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 7. С. 51-69.
114. Кашин В.Б. Китайские реформы системы управления военными инновациями: ответ на американскую "третью стратегию компенсации"? // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2017. №4. С. 42-66.
115. Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949-2014 гг // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 4. С. 106-129.
116. Кашин В.Б. Политика КНР в сфере обороны // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2022: монография. М.: ИКСА РАН. 2023. С. 88-93.
117. Кашин В.Б., Кокошин А.А. О подходах руководства КНР и китайских силовых структур к противоборству в киберпространстве // Военная мысль. 2022. №. 6. С. 119-127.
118. Кладо Н.Л. Этюды по стратегии / рук. проекта проф. И. С. Даниленко; Ред. В.А. Двуреченских, Н.Н. Беляков, Г.А. Чернейко. М.: Клуб «Реалисты». 1997. 361 с.
119. Кожухова К.Е. «Стратегическая культура» в научном дискурсе Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2021. №. 3. С. 136-144.
120. Кокошин А.А. Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918-1991 гг. М.: Международные отношения. 1995. 321 с.

121. Кокошин А.А. О некоторых методологических вопросах изучения войн // Вопросы философии. 2020. №. 1. С. 5–17.
122. Кокошин А.А. Формирующаяся система мировой политики и роль в ней военной техносферы и вооруженного насилия // РСМД. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/formiruyushchayasya-sistema-mirovoy-politiki-i-rol-v-ney-voennoy-tekhnosfery-i-vooruzhennogo-nasiliya/> (дата обращения: 29.04.2025).
123. Кокошкин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В., Фисенко И.С. Современные войны и военное искусство: Некоторые социологические и политологические аспекты. М.: ЛЕНАНД. 2015. 160 с.
124. Конышев В.Н. Изучая природу войны: взгляд из России и Европы // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 182-188.
125. Конышев В.Н., Парфенов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 56-66.
126. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия. М.: Аспект Пресс. 2014. 272 с.
127. Костючек С.В., Власов С., Васин А.А., Фокина А.А. «Космическая гонка» в стратегическом треугольнике США-РФ-КНР: сравнительный анализ // Конфликтология / nota bene. 2021. № 3. С. 64-77.
128. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс. 2005. 344 с.
129. Ларин В.Л. Китайская повестка мировой политики XXI века // Российское китаеведение. 2023. №. 2. С. 2-14.
130. Лебедева Н.Б. Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений) / отв. ред. Т.Л. Шаумян. М.: ИВ РАН. 2018. С. 513 с.
131. Лексин В.Н. Неопределенность, риски и устойчивость систем // Труды ИСА РАН. Том 72. 1/2022. С. 3-14.

132. Лексютина Я. Китай как ответственная великая держава: ожидания Запада и политика Пекина // Международные процессы. 2025. Т. 16. №. 2. С. 60-72.
133. Логика новой мироустроительной архитектоники и стратегии держав / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Стратегические изыскания, 2021. 576 с.
134. Ломанов А.В. Внешнеполитическая стратегия Си Цзиньпина после XX съезда КПК // Россия и АТР. 2024. № 3. С. 11-34.
135. Ломанов А.В. Внешнеполитическая идеология Китая в преддверии XX съезда КПК // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2022. Т. 27. №. 27. С. 25-41.
136. Ломанов А.В. Циркуляция против изоляции. Китай ответил Западу стратегически // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. No 3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czirkulyacziya-protiv-izolyaczii/> (дата обращения: 08.02.2021).
137. Лузянин С.Г. «Возвышение» Китая как фактор мировой политики // Baikal Research Journal. 2014. №. 5. С. 2-17.
138. Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения. 2015. 792 с.
139. Лукьянов Ф. Диалектика конфронтации // Российская газета, 29.06.2021. URL: https://rg.ru/2021/06/29/professor-niu-administraciia-bajdena-hochet-sistematizirovat-mezhdunarodnuii-anarhiu.html?fbclid=IwAR35k_RPGFEOpxzZGETSHNbTg4Wpanzc9yxzijB4r_wB79IdEnMverQ4lWY (дата обращения: 29.04.2023).
140. Ма Хуатэн, Мэн Чжаоли, Ян Дели, Ван Хуалей. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики. Т. 93. М.: Сбербанк. 2019. 241 с.
141. Макаренко А.В., Чхартишвили А.Г., Шумов В.В. Системный анализ и прогнозирование безопасности / под общей редакцией В.В. Шумова. М.: Ленанд, 2022. 435 с.

142. Мокрецкий А.Ч. Китайская внешняя политика и дипломатия в период пандемии // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. 2022. С. 23-31.
143. Морозов Ю.В. Пути нейтрализации угроз России в рамках стратегического треугольника «РФ — США — КНР». М.: ИДВ РАН. 2020. 341 с.
144. Новиков Д.А. Теория управления организационными системами. М.: МПСИ. 2005. 584 с.
145. Новосельцев В.И. Системный анализ: современные концепции (издание второе, исправленное и дополненное). Воронеж: Издательство «Кварта». 2003. 360 с.
146. Новосельцев В.И., Мельников В.М. Конфликтология. Воронеж: Российская академия правосудия (Центральный филиал). 2004. 290 с.
147. Новосельцев В.И., Тарасов Б.В. Теоретические основы системного анализа / изд. 2-е, исправленное и переработанное. М: Майор. 2013. 536 с.
148. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М.: Высшая школа. 1989. 360 с.
149. Полончук Р.А. Взгляды китайского руководства на роль вооруженных сил в обеспечении национальной безопасности «в новую эпоху» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2025. Т. 30. №. 30. С. 208-225.
150. Полончук Р.А. Политика в сфере обороны и развитие военно-промышленного комплекса КНР в 2024 году // Российское китаеведение. 2025. №2(11). С. 13–35.
151. Портяков В.Я. Внешняя политика Китайской Народной республики в XXI столетии. М.: ИДВ РАН. 2015. 280 с.
152. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс. 1986. 432 с.
153. Саати Т. Метод анализа иерархий / перевод с английского Р. Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь. 1993. 278 с.

154. Саати Т., Кернс К. Аналитическое планирование. Организация систем / пер. с англ. Р. Г. Вачнадзе. М.: Радио и связь, 1991. 224 с.
155. Саати Т.Л. Математические модели конфликтных ситуаций / пер с англ. Под ред. И.А. Ушакова. М.: Советское радио, 1977. 304 с.
156. Саати Т.Л. Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. Пер. с англ. / Науч. ред.: А.В. Андрейчиков, О.Н. Андрейчикова. М.: Издательство ЛКИ. 2008. 360 с.
157. Свечин А.А. Стратегия. Искусство политики и войны. М.: Вече. 2021. 400 с.
158. Системная история международных отношений в четырех томах / Под ред. А.Д. Богатурова. Том III. События. 1945-2003 М.: Obraforum. 2003. 641 с.
159. Стратегикон Маврикия / изд. подг. В.В. Кучма. СПб.: Алетейя. 2014. 248 с.
160. Стратегия в трудах военных классиков. М.: Финансовый контроль, 2003. 398 с.
161. Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия и Китай как опоры нового мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Т. 20. №. 20. С. 7-28.
162. Тренин Д.В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Пабlishер. 2021. 471 с.
163. Хрусталеv М.А. Основы теории внешней политики государства. М.: УДН. 1984. 80 с.
164. Шлындов А.В. Вооруженные силы Китайской Народной Республики. Очерки: монография / Ред.-сост. Н.В. Анисимцев. М.: ИДВ РАН. 2019. 184 с.
165. Эшби У. Росс. Теоретико-множественный подход к механизму и гомеостазису // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс. 1969. С. 389-411.

На китайском языке:

166. 丁伟,魏旭:20世纪80年代人民解放军体制改革、精简整编的回顾与思考 [Дин Вэй, Вэй Сюй. Обзор и размышления об институциональной реформе и рационализации Народно-освободительной армии Китая в 1980-х годах] // 军事历史研究. 2008. №4. С. 43-47.

167. 中国人民志愿军战史简编 [Сборник военной истории Китайской народной добровольческой армии]. 北京: 中国人民解放军出版社. 2002. 536 с.

168. 中国人民解放军军史 / 寿晓松 主编 [Военная история Народно-освободительной армии Китая / под ред. Шоу Сяосун]. 军事科学出版社. 2011. Т. 5. 342 с.

169. 中国人民解放军改革发展30年 [3 десятилетия реформ и развития Народно-освободительной армии Китая]. 北京军事科学出版社. 2008. 402 с.

170. 乌克兰战争中的认知战给了中国人民解放军哪些启示 [Что показала Народно-освободительной армии Китая когнитивная война на Украине?] // 观察者网. 06.08.2022. URL: <https://kan.china.com/article/1607800.html> (дата обращения: 19.08.2025).

171. 乔杰: 战役学教程 [Цяо Цзе. Лекции по науке ведения кампаний]. 北京: 军事科学出版社, 2012. 314 с.

172. 何方: 中国在朝鲜战争问题上的教训 [Хэ Фан. Уроки Китая, вынесенные из Корейской войны] // 炎黄春秋. 2013. № 9. С. 19-26.

173. 刘云华, 杨剑, 亢靖: 聚焦俄特别军事行动中无人机的突破与困境 [Лю Юньхуа, Ян Цзянь Кан Цзин. Оценка достижений и дилемм, связанных с использованием беспилотных летательных аппаратов в российских специальных военных операциях] // Military.China. 04.07.2022. URL: https://military.china.com/news/13004177/20220704/42714899_all.html (дата обращения: 19.08.2025).

174. 刘华清: 刘华清回忆录 [Лю Хуацин. Воспоминания Лю Хуацина]. 北京: 解放军出版社. 2004. 476 с.

175. 刘威: 新形势下军民融合是人民战争思想的创新发展 [Лю Вей. В новой обстановке военно-гражданская интеграция является инновационным развитием идеи народной войны] // 社会科学 [Общественные науки]. 2016. № 12. С. 12-32.

176. 史籍柱、崔常发: 60年人民海军建设指导思想的丰富和发展 [Ши Шучжу и Цуй Чанфа. Обогащение и развитие руководящей идеологии строительства народного военно-морского флота за последние 60 лет] // 军事历史. 2009. № 3. С. 27-39.

177. 吴春秋: 辩证法与大战略研究:一种中国观点 [У Чунью. Диалектика и исследование общей стратегии: взгляд Китая]. 北京: 中国军事科学. 2002. Р. 120-134.

178. 周胜利,沈寿林,张国宁:人机智能融合的陆军智能化作战指挥模型体系 [Чжоу Шэнли, Шэнь Шоулин, Чжан Гуонин: Модель интеллектуального боевого командования армии с интеграцией человеческих и интеллектуальных возможностей] // 火力与指挥控制. 2020. Vol. 45. № 3. С. 8-19.

179. 国防大学教授: 下一艘航母决不是现在这个水平 [Профессор Национального университета обороны: Следующий авианосец ни в коем случае не будет соответствовать нынешнему уровню] // 环球网. 17.12.2012. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJyd3w> (accessed: 24.09.2025).

180. 夏明星: 改革开放以来中国军事战略方针调整探微 [Ся Синсин. Исследование корректировки Руководящих принципов ЦВС КНР после начала политики "реформы и открытости"] // 党史博采(上). 2021. № 03. С. 23-27.

181. 孔范军: 迟浩田传 [Кун Фаньцзюнь. Биография Чи Хаотяня]. 北京: 解放军出版社. 2009. С. 326.

182. 寿晓松: 战略学 [Шу Сяосун. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社 [Издательство военных наук]. 2013. 319 с.

183. 尹启蝗,程亚光. 第一任国防部长 [Инь Цисюань, Чэн Ягуан. Первый министр обороны]. 广东教育出版社, 1997. 432 с.
184. 履行新世纪新阶段军队历史使命 [Реализация исторической миссии армии на новом этапе новой эпохи] // 知史明道 [Чжиши Миндао]. 29.06.2021. URL: http://www.wenming.cn/hsw/hxydll/dsgs/202106/t20210629_6097522.shtml (дата обращения: 04.11.2024).
185. 张万年: 张万年军事文选 [Чжан Ваньнянь. Избранные очерки по военному делу Чжана Ваньняня]. 北京: 解放军出版社. 2008. С. 517-522.
186. 张晓东: 近期中国海洋军事战略之观察与展望——从 2015 年度最新发布的白皮书说起 [Чжан Сяодун. Последние наблюдения и перспективы военно-морской стратегии Китая - начиная с последней Белой книги, опубликованной в 2015 году] // 太平洋学报. 2015. Т. 23. № 10. С. 65-74.
187. 张杰. 海上通道安全与中国战略支点的构建-兼谈21世纪海上丝绸之路建设的安全考量 [Чжан Цзе. Безопасность морских проходов и строительство стратегической точки опоры Китая - Обсуждение соображений безопасности при строительстве Морского Шелкового пути в 21 веке] // 国际安全研究. 2017. № 6. С. 100–118.
188. 张玉良: 战役学 [Чжан Юйлян. Наука по военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社. 2006. 355 с.
189. 张谦一:探索全域作战能力生成路径 [Чжан Цяньи. Анализ путей создания глобального боевого потенциала] // 解放军报. 25.09.2018. URL: http://www.81.cn/jfjbmap/content/2018-09/25/content_216591.htm (дата обращения: 19.08.2025).
190. 张震: 张震军事文选, 下卷 [Чжан Чжэнь. Избранные военные очерки Чжан Чжэня, Т. 2]. 北京: 解放军出版社. 2005. 599 с.

191. 张静, 张智慧, 周江寿. 中美港口建设贯彻国防要求对标分析 [Чжан Цзин, Чжан Чжижи, Чжоу Цзяншоу. Сравнительный анализ китайской и американской стратегии строительства портов с точки зрения эффективности удовлетворения потребностям национальной обороны] // Journal of Military Transportation University. 2019. Vol. 21, No. 4, P. 24 -41.

192. 张鹏: 夺取未来陆战低空制权 [Чжан Пэн. Захват права контролировать наземные боевые действия на малых высотах в будущем] // 解放军报. 23.05.2023. URL: <https://m.yunnan.cn/system/2023/05/23/032597750.shtml> (дата обращения: 19.08.2025).

193. 彭光谦, 姚有志: 战略学 [Пэн Гуанцянь, Яо Юйю. Наука о военной стратегии]. 北京: 军事科学出版社 [Пекин: Издательство военных наук], 2005. С. 376.

194. 彭冰洁: 网络空间部队方队: 智掌风云 密织天网 [Пэн Бинцзе. Строй киберпространства: Укрощая виртуальную бурю, сплетая несокрушимую сеть] // 解放军报. 04.09.2025. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16407559.html> (дата обращения: 19.08.2025).

195. 徐向前: 徐向前军事文选 [Сюй Сянцянь. Избранные военные очерки Сюй Сянцяня]. 北京: 解放军出版社. 1993. 399 с.

196. 徐焰: 中国国防导论 [Сюй Янь. Введение в национальную оборону Китая]. 北京: 国防大学出版社. 2006. С. 102-106.

197. 朱传超, 卢东方: 军事航天部队方队: 追星揽箭 逐梦太空 [Чжу Чуанчао, Лу Дунфан: Команда Военно-космических сил: В погоне за звездами и стрелами, в погоне за мечтами в космосе] // 解放军报. 04.09.2025. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16407558.html> (дата обращения: 19.08.2025).

198. 李庆四, 陈春雨: 试析中国的海外港链基地战略 [Ли Цинси, Чэнь Чунью. Анализ Стратегии Китая, основанной на зарубежных портовых

цепочках] // 区域与全球发展 [Региональное и мировое развитие]. 2019. № 2. С. 120-132.

199. 李建平,纪凤珠,李琳: 浅析智能化指挥信息系统发展 [Ли Цзяньпин, Цзи Фэнчжу, Ли Линь. Краткий анализ разработки интеллектуальной командно-информационной системы] // 解放军报. 09.08.2022. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/jmsd/4917735.html> (дата обращения: 03.10.2025).

200. 杜哲元. 中国海军战略演变中的作战海区问题研究 [Ду Чжэюань. Исследование вопроса о морских районах боевых действий в эволюции стратегии ВМС Китая] // 太平洋学报. 2017. Vol. 25. № 4. С. 66-80.

201. 杨尚昆: 杨尚昆回忆录 [Ян Шанкунь. Воспоминания Ян Шанкуна]. 北京: 中央文献出版社. 2001. 390 с.

202. 杨志远: 我军编修作战条令的创新发展及启示 [Ян Чжюань. Инновационное развитие и вдохновение пересмотренных боевых уставов нашей армии] // 中国军事科学. 2009. №6. С. 110-121.

203. 梁庆松, 王元元: 海军召开亚丁湾护航8周年研讨会 [Лян Цинсун, Ван Юаньюань. Руководство военно-морского флота провело семинар, посвященный 8-й годовщине эскорта в Аденском заливе] // 人民海军. 30.12.2016. URL: <http://military.people.com.cn/n1/2016/1229/c1011-28985207.html> (дата обращения: 04.11.2024).

204. 梁艳婕, 王一凡, 范恩达: 信息支援部队方队: 网信尖兵 融合制胜 [Лян Яньцзе, Ван Ифань, Фан Энда. Строй сил информационного обеспечения: в авангарде сетей, к победе — через интеграцию] // 解放军报. 04.09.2025. URL: <http://www.mod.gov.cn/gfbw/wzll/16407560.html> (дата обращения: 19.08.2025).

205. 毕文博: 论中国新时期军事战略思维 [Би Вэньбо. О военно-стратегическом мышлении Китая в новый период] // 军事历史研究. 2004. № 2. С. 42-51.

206. 毛泽东年谱（1949～1976）第4卷 [Биография Мао Цзэдуна (1949-1976), Т. 4]. 中央文献出版社. 2013. С. 310-316.
207. 温冰: 定准军事斗争基点 [Вэнь Бин. Заложите основу для военизированной борьбы] // 学习时报. 2015年. 第7页.
208. 潘洪: 1985年百万大裁军 [Пан Хонг. В 1985 году произошла революция миллионов] // 百年潮. 2015. №12. С. 41-50.
209. 王冠兰. 晋州之战与第四次中东战争 [Ван Гуанлань. Битва при Цзиньчжоу и Четвертая война на Ближнем Востоке] // 解放军报. 29.04.2021. URL: http://www.81.cn/gfbmap/content/2021-04/29/content_288301.htm (дата обращения: 19.08.2025).
210. 王士彬、罗铮: 国防部举行盛大招待会 热烈庆祝建军87周年 [Ван Шибинь и Ло Чжэн: Министерство национальной обороны устроило торжественный прием в честь 87-й годовщины основания армии] // 解放军报. 2014. URL: <http://military.people.com.cn/n/2014/0802/c172467-25388123.html> (дата обращения: 05.10.2025).
211. 王文荣: 战略学 [Ван Вэньжун. Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社. 1999. 427 с.
212. 王洪光: 从历史看今日中国的战略方向 [Ван Хунгуан. С точки зрения истории, стратегическое направление Китая сегодня] // 同舟共进. 2015年. 第3期. 第48页.
213. 王焰等编: 彭德怀传 [Биография Пэн Дэхуая, ред. Ван Янь и др.]. 当代中国出版社. 1993. 736页
214. 粟裕: 粟裕文选（第三卷）[Су Юй. Избранные произведения Су Юй. Т. 3]. 北京: 军事科学出版社. 2004. С. 529-531.
215. 肖天亮: 战略学 [Сяо Тяньлянь. Наука о военной стратегии]. 北京: 国防大学出版社, 2020年. 372页.

216. 解海南、杨祖发、杨建华: 杨得志一生 [Се Хайнань, Ян Цзуфа, Ян Цзяньхуа. Жизнь Ян Дэчжи]. 北京: 中共党史出版社. 2011. 342 с.
217. 郭媛丹: 要打海上战争? 中国应作海上军事斗争准备 [Го Юаньдань. Хотите повоевать на море? Китаю следует подготовиться к военной борьбе на море] // 环球时报. 26.05.2015. URL: <https://mil.huanqiu.com/article/9CaKrnJLnPo> (дата обращения: 04.07.2025).
218. 郭相杰: 张万年传 [Го Сянцзе. Биография Чжан Ваньяня]. 北京: 解放军出版社. 2011. 323 с.
219. 长弓 et. al. 出海蛟龙21世纪解放军海外基地化部署需求 [Чан Гун и др. Потребности в развертывании заграничных баз НОАК в XXI веке] // NAAS & Inertal Technology. 2016. № 5. С. 25–45.
220. 闻宾: 定准军事斗争准备基点 [Вэнь Бинь. Заложите основу для подготовки к военизированной борьбе] // 学习时报. 03.06.2015. 7 с.
221. 阎学通: 中美竞争的核心是技术 [Ян Сюэту. Основой китайско-американской конкуренции являются технологии] // 清华大学战略与安全研究中心. 02.12.2024. URL: <https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/zmgx/7675> (дата обращения: 16.09.2025).
222. 陆振兴: 战略思维的光辉典范——重读毛泽东《中国革命战争的战略问题》 [Лу Чжэньсин. Яркий пример стратегического мышления - перечитывание книги Мао Цзэдуна "Проблемы военной стратегии в войне за независимость Китая"] // 解放军报. 28.10.2023. URL: http://www.81.cn/ym_208600/jdt_208601/16262704.html (дата обращения: 07.09.2025).
223. 陈浩: 中国军事战略思维的守正与创新 [Чэнь Хао. Целостность и инновационность военно-стратегического мышления Китая] // 南方论刊. 2023. № 09. С. 42-47.

224. 陈舟: 试论中国维护和平与发展的防御性国防政策 [Чэнь Чжоу. Дискуссия об оборонительной политике Китая в области национальной обороны для поддержания мира и развития] //中国军事科学. 2007. Vol. 20. № 6. С. 2-10.

225. 韩怀智. 韩怀智论军事 [Хан Хуайчжи. Хан Хуайчжи о военных делах]. 北京: 解放军出版社. 2012. 377 с.

226. 韩林,魏兵,刘建伟:《中国人民解放军联合作战纲要(试行)》: 认识战争规律,设计战争打法 [Хань Линь, Вэй Бин, Лю Цзяньвэй. План совместных операций Народно-освободительной армии Китая (пробная реализация): Понимание законов войны и разработка военных операций] // 解放军报. 05.01.2022. URL: http://www.mod.gov.cn/topnews/2022-01/05/content_4902340.htm (дата обращения: 03.10.2025).

227. 马尧: 中国最强航母补给舰亮相 [Ма Яо. Спущен на воду сильнейший китайский корабль снабжения для авианосцев] // 时代报告. 2017. С. 38-41.

228. 马永明, 刘晓莉: 伊拉克战争研究 [Ма Юнмин, Лю Сяоли. Исследование войны в Ираке]. 北京: 军事科学出版社. 2004. 432 с.

229. 骆德荣: 军队建设与军事斗争准备的行动纲领 – 对新形势下军事战略方针的几点认识 [Ло Дэжун. План действий по строительству армии и подготовке к вооруженной борьбе – некоторые соображения о военно-стратегическом подходе в новой ситуации] // 中国军事科学. 2017年. 第1期. 第95页.

230. 魏作凯, 王仲元: 科学把握打赢信息化局部战争的战略指导 [Вэй Цзикай, Ван Чжунъюань: Научное обоснование стратегического руководства для победы в локальной войне за информационные технологии] // 南京政治学院学报. 2016. Т. 32. № 6. С. 80-84.

231. 黄斌: 科索沃战争研究 [Хуан Бинь. Исследование войны в Косово]. 北京: 解放军出版社. 2000. 324 p.

232. 齐桐萱: 国际关系预测: 中韩关系的改善限度 [Ци Тунсюань. Прогноз международных отношений: пределы улучшения китайско-южнокорейских отношений] // 国际政治科学. 2020, № 05 (01). P. 161-163.

233. 宫力. 邓小平与韬光养晦、有所作为的战略方针 [Гун Ли. Дэн Сяопин и стратегическая политика сдержанности и изменения ситуации] // 中共中央党校学报, 第18卷第4期 2014年8月 22 с.

На английском языке:

234. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2024. Washington: Office of the Secretary of Defense. 2024. 387 p.

235. Arduino, A. China's Private Security Companies: The Evolution of a New Security Actor in Nadege Rolland, ed., Securing the Belt and Road Initiative. Washington: National Bureau of Asian Research. 2019. 172 p.

236. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Economic Corridors. Washington: World Bank. June 18, 2019. 42 p.

237. Blasko, D.J. The PLA army after 'below the neck' reforms: contributing to China's joint warfighting, deterrence and MOOTW Posture // Journal of Strategic Studies. 2019. P. 1–35.

238. Bremmer, I. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-Zero World. New York: Portfolio Publishing. 2012. 291 p.

239. Breuning, M. Role Theory in Politics and International Relations // The Oxford Handbook of Behavioral Political Science. 2019. P. 21-38.

240. Cain, P.J., Hopkins, A.G. British Imperialism: 1688-2015, 3rd ed. New York: Routledge. 2015. 362 p.

241. Chase M.S., Garafola C.L. China's Search for a 'Strategic Air Force' // Journal of Strategic Studies. 2016. Vol. 39. № 1. P. 4-28.

242. Chase, M.S. China's Digital Silk Road in Nadege Rolland, ed., Securing the Belt and Road Initiative. Washington: National Bureau of Asian Research. September 2019. P. 21-42.

243. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2020 / Green Finance & Development Center. January 21, 2021. URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2020/> (дата обращения: 04.11.2021).

244. China's Air Defense Radar Industrial Base // China Aerospace Studies Institute. March 2025. 54 p.

245. Cordesman A.H., Colley S. Chinese strategy and military modernization in 2015: a comparative analysis. Bloomsbury Publishing PLC, 2016. 302 p.;

246. Costello, J., McReynolds, J. China's Strategic Support Force: A Force for a New Era // China Strategic Perspectives, No. 13. Washington: National Defense University Press. 2018. 87 p.

247. Doran, Ch., Parsons, W. War and the Cycle of Relative Power // The American Political Science Review 74. 1980. No. 4. P. 947–965.

248. Doran, Ch.F. Confronting the Principles of the Power Cycle: Changing Systems Structure, Expectations and War in Handbook of War Studies II by Manus I. Midlarsky, 1st ed. The University Press of Michigan. 2000. 348 p.

249. Dutton, P.A., Martinson, R.D. Beyond the Wall: Chinese Far Seas Operation // CMSI Red Books. 2015. No. 13. 120 p.

250. Easton, D. A Framework for Political Analysis. London: Prentice-Hall. 1965. 143 p.

251. Easton, D. Systems Analysis of Political Life. NY-London-Sydney: John Wiley & Sons Ltd. 1965. 507 p.

252. Easton, D. The Analysis of Political Structure. NY: Routledge. 1990. 336 p.

253. Finkelstein, D.M. China's National Military Strategy: An Overview of the Military Strategic Guidelines in Right Sizing the People's Liberation Army:

Exploring the Contours of China's Military, eds. Andrew Scobell and Roy Kamphausen. Carlisle, PA: Army War College Strategic Studies Institute. 2007. P. 69–140.

254. Fravel M.T. Active defense: China's military strategy since 1949. Princeton University Press. 2019. 398 p.

255. Fravel, M.T. Shifts in Warfare and Party Unity: Explaining China's Changes in Military Strategy // International Security. Winter 2017–2018. Vol. 42. No. 3. P. 73-89.

256. Gilady, L. The Price of Prestige: Conspicuous Waste in International Relations, 1st ed. Chicago: University of Chicago Press. 2018. 278 p.

257. Godwin, P. H. B., Chinese Military Strategy Revisited: Local and Limited War // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1992. No. 519. P. 191–201.

258. Gunness, K., Mastro, O.S. A Global People's Liberation Army: Possibilities, Challenges, and Opportunities // Asia Policy. 2016. № 22. P. 1-31.

259. Hogendorn, J., Brewer, A. Marxist Theories of Imperialism: A Critical Survey // The International Journal of African Historical Studies 15. 1982. № 3. 579 p.

260. Houweling, H., Siccama, J.G. Power Transitions as a Cause of War // Journal of Conflict Resolution 32. 1988. No. 1. P. 87–102.

261. Joe, R. The Future of China's Amphibious Assault Fleet // The Diplomat. July 17, 2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/07/the-future-of-chinas-amphibious-assault-fleet/> (дата обращения: 04.11.2021).

262. Kagan, F. Protracted War and the Army's Future in Gary J. Schmitt and Thomas Donnelly, eds., Of Men and Material: The Crisis in Military Resources. Washington: American Enterprise Institute Press. 2007. P. 46-69.

263. Kardon, I.B. China's Overseas Base, Places, and Far Seas Logistics in The PLA beyond borders: Chinese Military Operations in Regional and Global Context / ed. by Joel Wuthnow et al. Washington: NDU Press. 2021. P. 63-83.

264. Kashin, V. Resources, Trends, and Goals of Chinese Military Modernization in China's Infinite Transition and its Limits Economic, Military and Political Dimensions / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Palgrave Macmillan. 2020. P. 41–62.
265. Kennedy, C. The New Chinese Marine Corps: A "Strategic Dagger" in a Cross-Strait Invasion // CMSI China Maritime Reports. № 15. 2021. 24 p.
266. Kennedy, C.M. China Maritime Report No. 4: Civil Transport in PLA Power Projection Projection // CMSI. China Maritime Reports. 2019. № 4. 68 p.
267. Kennedy, P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict 1500-2000, 1st ed. New York: Random House. 1989. 367 p.
268. Keohane, R., Nye, J.S. Power and Interdependence, 3rd ed. New York: Longman. 2001. 401 p.
269. Kley, D. China's Security Activities in Tajikistan and Afghanistan's Wakhan Corridor in Nadege Rolland, ed., Securing the Belt and Road Initiative. Washington: National Bureau of Asian Research. 2019. 173 p.
270. Lee R. Integrating the PLA Rocket Force into Conventional Theater Operations // China Brief 20. No. 14, 2020. P. 24–31.
271. McCauley K. Modernization of PLA Logistics: Joint Logistic Support Force. Testimony before the U.S.-China Economic and Security Review Commission. 15.02.2018. 21 p.
272. Mearsheimer, J.J. The Tragedy of Great Power Politics, 1st ed. New York: Norton. 2001. 389 p.
273. Modelski, G. Long Cycles in World Politics, 1st ed. 1987 edition. Place of publication not identified: Palgrave Macmillan. 1987. 319 p.
274. Mulvenon, J. Chairman Hu and the PLA's 'New Historic Missions // China Leadership Monitor. 2009. № 29. P. 1-11.
275. O'Rourke, R. China Naval Modernization: Implications for U.S. Navy Capabilities—Background and Issues for Congress. Washington: Congressional Research Service. 2020. 38 p.

276. Oto-Peralías, D. and Romero-Ávila, D. Colonial Theories of Institutional Development: Towards a Model of Styles of Imperialism, Contributions to Economics. Cham: Springer International Publishing. 2017. 314 p.
277. Panda, A. China Evacuates Foreign Nationals from Yemen // Diplomat. April 6, 2015. URL: <https://thediplomat.com/2015/04/china-evacuates-foreign-nationals-from-yemen/> (accessed: 12.12.2022).
278. Paul, T.V. Time Pressure and War Initiation: Some Linkages // Canadian Journal of Political Science / Revue Canadienne de Science Politique 28. 1995. № 2. P. 261–267.
279. Poston, D. Jr., Juyin H.W. The Chinese Diaspora: The Current Distribution of Overseas Chinese // The Chinese Journal of Sociology. 2016. Vol. 2. No. 3. P. 348–373.
280. Riecke, T. Resilience and Decoupling in an Era of Great Power Competition. Berlin: Mercator Institute for China Studies. August 20, 2020. 59 p.
281. Rolland, N. China's Vision for a New World Order. Washington: National Bureau of Asian Research. January 2020. 48 p.
282. Ross, R.S. Nationalism, Geopolitics, and Naval Expansionism from the Nineteenth Century to the Rise of China // Naval War College Review 71. 2018. № 4. P. 10–44.
283. Saunders, P. C., Wuthnow, J. China's Goldwater-Nichols? Assessing PLA Organizational Reforms // National Defense University. April 2016. URL: <http://inss.ndu.edu/Portals/68/Documents/stratforum/SF-294.pdf> (дата обращения: 04.11.2021).
284. Saunders, P.C. Implications: China in the International System in Roy Kamphausen and David Lai, eds., The Chinese People's Liberation Army in 2025, Carlisle Barracks, Pa.: Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. 2014. P. 300-328.
285. Sciutto, J. The Shadow War - Inside Russia's and China's Secret Operations to Defeat America. San Francisco: Harper. 2019. 320 p.

286. Shambough D. *China Goes Global. The Partial Power*. New York University Press. 2013. 409 p.
287. Snyder, J.L. *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition*, 2nd ed., Cornell Studies in Security Affairs. Ithaca: Cornell University Press. 1994. 287 p.
288. Stokes, J. *Military Artificial Intelligence, the People's Liberation Army, and U.S.-China Strategic Competition* // CNAS. 2024. URL: <https://www.cnas.org/publications/congressional-testimony/military-artificial-intelligence-the-peoples-liberation-army-and-u-s-china-strategic-competition> (accessed: 25.08.2025).
289. Stokes, M.A. *Testimony Before the U.S.-China Economic and Security Review Commission Hearing on China in Space: A Strategic Competition?* Washington: U.S.-China Economic and Security Review Commission. April 25, 2019. 12 p.
290. *The Expanding Scope of PLA Activities and the PLA Strategy*. China Security Report 2016 // National Institute for Defense Studies. 2016. 39 p.
291. Thompson, W.R. *Succession Crises in the Global Political System: A Test of the Transition Model in Crisis in the World-System*, by A Bergesen, 1st ed. Beverly Hills, California: Sage Publications. 1983. P. 93–116.
292. Wallace, M.D. *War and Rank Among Nations*, 1st ed. Lexington: Lexington Books. 1973. 341 p.
293. Wortzel, L.M. *What the Chinese People's Liberation Army Can Do to Thwart the Army's Multi-Domain Task Force*. Arlington: Institute of Land Warfare, Association of the United States Army, Land Warfare Paper 126. July 2019. 32 p.
294. Yung, C.D., Rustici, R. *Not an Idea We Have to Shun: Chinese Overseas Basing Requirements in the 21st Century*. China Strategic Perspectives, No. 7. Washington: NDU Press. 2014. 61 p.
295. Zhang Xiaoming. *Deng Xiaoping's Long War: The Military Conflict Between China and Vietnam, 1979-1991*. University of North Carolina Press. 2015. 277 p.